

Енисей

№2 * Красноярский литературно-художественный
2022 * и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор
Александр Ёлтышев заместитель главного редактора
Ольга Гуляева редактор отдела прозы
Сергей Кузнечихин редактор отдела поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина Москалюк доктор искусствоведения,
профессор кафедры культурологии
и искусствоведения ФГБОУ
«Сибирский государственный
институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского»

Михаил Северьянов доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»

Александр Щербаков поэт и прозаик, член Союза писателей
России, заслуженный работник культуры РФ

* Красноярск
«КАСС»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Константина Войнова «Счастье».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 12.12.2022

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 15,28 усл. печ. л.

Номер заказа: 2768

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
т. (391) 290-22-52, 259-59-60
info@kass24.ru www.kass24.ru

© КГБУК «Дом искусств», 2022

ISBN 978-5-6048503-1-2

Содержание

ЮБИЛЕЙ

- Евгений Попов
Катастрофически неконфликтный 5
- Юлия Старцева
Мастер шёлковых сюзане 10
- Эдуард Русаков
«Плыви, китаёза!» 14
- Сергей Кузнечихин
Хирург и поэт 32
- Софья Григорьева
До потери пульса 33
- Гамлет Арутюнян 35
- Ольга Гуляева 39
- Рустам Карапетьян 45

ПРОЗА

- Сергей Смирнов 51
- Андрей Пучков
Знамя 62
- Николай Найдёнов
Мельник 67
- Марат Валеев
Романтические рассказы 76
- Владимир Ярош 85
- Николай Тимченко
Зоуро — homo denisovenssis 110

ПОЭЗИЯ

Светлана Мель 130

Аркадий Гонтовский 136

ТЕАТР

Ольга Немежикова

Крепкий дом 143

ОПЕРАЦИЯ «ВУНДЕРЛАНД»

Александр Ёлтышев

Подвиг во льдах 152

ИСТОРИЯ

Наталья Калеменева

Сибирь атакует 153

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Юлия Старцева

Моя Марина 180

Авторы 185

Евгений Попов

Катастрофически неконфликтный

Писательская судьба Эдуарда Русакова, родившегося тридцать первого октября 1942 года и всю свою бессознательную и сознательную жизнь прожившего в городе К., требует, на мой взгляд, культурологического осмысления и сильного ответа на общественно-политический вопрос: «Доколе?»

Доколе у нас на Руси писатели мирового уровня, скромно живущие и вершащие своё посильное дело в так называемой провинции и далёкие от разномастных тусовок, будут всего лишь «широко известны в узких кругах» столицы и филологического зарубежья, тогда как имена литераторов, прямо скажем, говённых весьма часто скрипят на зубах литературной общественности, как песок, подсыпанный кулаками в колхозный хлеб?

И неужели у нас никогда не будет «как у Фолкнера», когда тот мог создавать свои шедевры, которые мгновенно становились известными всему миру, работая с полной отдачей в самой что ни на есть американской глубинке, где он, в отличие от корректного и выдержанного Эдуарда Русакова, изрядно попивал и даже фотографировался спяну для глянцевого журналов с расстёгнутыми штанами? Единственный прецедент у нас — Виктор Петрович Астафьев, который никогда не жил на два дома, в отличие от других классиков — воспеваящих Духовность родной сторонушкой, но одновременно имевших недурную жилплощадь в Москве. Имена называть не будем, нужно жить мирно, количество микробов злобы и нетерпимости в нашей атмосфере и так зашкаливает.

Сибирь, глядящая на читателей со страниц рассказов, повестей и романов Эдуарда Русакова, столь же экзотична, как и его зарубежное имя, данное ему русско-советскими родителями, коренными сибиряками.

Уроки Достоевского, Чехова, Кафки и — одновременно — Вячеслава Шишкова с его «Угрюм-рекой», а то и омского эксцентрика Антона Сорокина, автора книги «Тридцать три скандала Колчаку», именовавшего себя «гением Сибири — новой Америки», — вот школа творчества Русакова, смею утверждать я, что бы по этому поводу ни думал этот мой старинный товарищ, земляк, коллега и друг, с которым мы пишем, а иной раз и смотрим на мир совершенно по-разному, однако до сих пор, за шестьдесят с лишним лет нашего знакомства, ухитрились не поссориться.

И это не удивительно для тех, кто знает Русакова, которого один острый на язык и склонный к эпатажу сибирский литератор как-то назвал «катастрофически неконфликтным». Русаков умеет ладить с людьми. Ведь даже Астафьев, до конца дней своих оставшийся «почвенником», как это ни странно, уважал сугубо городского космополита Русакова, со всеми его «выкрутасами», условностями и преувеличениями, уважал, пожалуй что, поболее многих ребят из своего окружения, которые, к слову сказать, его же потом и «сдали» во время перестройки, обвинив фронтовика в антипатриотизме, зоологическом антикоммунизме, других смертных грехах и попытавшись даже лишиться старика столь необходимой ему прибавки к пенсии. Спасибо, что добрые люди не дали эту мелкую подлянку свершить. В мире хоть и в небольших количествах, но существует всё же справедливость, а предательство наказуемо всегда.

Однако я пишу эти строки вовсе не для того, чтобы разжалобить читателей, особенно живущих в просвещённом городе Москве, которую бесконфликтный Русаков в одном из своих «Рассказов о будущем» хладнокровно назвал «сукой». Москва слезам не верит, и я вовсе не собираюсь грустить об очередном загубленном таланте, которого схавала, как чушка, Россия. Ибо Русаков самодостаточен, на судьбу не ропщет никогда, ухитрялся в наше время и в своём возрасте кормить себя журналистской работой, и я уверяю вас, что его статьи в самой лучшей сибирской газете «К-ский рабочий», издающейся без перерывов с 1905 года, сделали бы честь многим московским периодическим изданиям, равно как и сама газета.

Я просто о том, что мне обидно: ведь многие российские читатели, ждущие от современной литературы не новорусских глупостей попсовых или заумного высоколобого слова, от которого жить становится ещё тошнее, не знают Русакова, который мог бы стать одним из любимых ими писателей, потеснив в их сознании многие звучные, раскрученные имена.

Ведь то, что делает он, это столь редкая на сегодняшний день высококачественная беллетристика, то есть литература фабульная, сюжетная, увлекательная, сострадательная, суть которой составляют фантазмагорические описания нынешней жизни во всём её пёстром мельтешении, которое весьма часто не зависит даже от того, кто правит в данный момент Россией — царь, Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев или Путин с Медведевым и Шойгу.

Читатели лишены своего писателя.

А между тем объём сочинённого Эдуардом Русаковым за всю его писательскую жизнь огромен, ибо работает он, как заведённый каждый день, как и полагается всякому порядочному беллетристу, начиная от Александра Дюма-старшего и заканчивая (возможно!) Б. Акуниным. Русаков явно исповедует классический писательский постулат «ни дня без строчки», который многие нынешние литераторы

отчего-то считают устаревшим, не желая сознавать того непреложного факта, что регулярные упражнения нужны не только в спорте или сексе, но и в художественном творчестве.

Им написано какое-то невероятное для современного литератора количество текстов, из которых полноценно опубликована лишь часть той огромной фрески из жизни обывателей дивного сибирского города Кырска, за которым, естественно, угадывается огромный, прокопчённый заводами и обезображенный знаменитой ГЭС Красноярск, который он покинул лишь раз в своей жизни, отработав положенные молодому специалисту, врачу-психиатру, два года в знаменитой на всю Сибирь огромной психушке под названием Тинская, соседствующей с бесчисленными исправительно-трудовыми лагерями, в семи часах пути из города К. дальше на восток, в сторону ещё более экзотического Приморья, плавно переходящего в Китай, который многие сибиряки недолюбливают почти так же, как московских неокOLONIALISTОВ, уже изнахративших Енисей, Ангару, Байкал и собирающихся затопить в чаяние собственной наживы половину Эвенкии.

Однако я уже не первый раз расхваливаю Русакова, и эрудированные читатели могут подумать, что делаю я это по благу или по старой дружбе. Поэтому я ниже цитирую мнение о нём других литераторов, имеющих титул не самых последних в своей стране.

Алексей Варламов, ректор Литературного института, лауреат, писатель, который никогда не видел Русакова, а знает лишь его тексты:

«Последние годы мне приходится читать много современной прозы, в том числе и той, что получает важные литературные премии или попадает в короткие списки, хорошо продаётся в магазинах, обсуждается критикой, но большая часть этих книг очень скоро вымывается из памяти. А вот Русаков не просто запомнился и поразил, а как-то въелся в мою кожу, и я его ношу с собой. Я ему верю. Верю в его героев, в те ситуации, в которые эти люди попадают, ибо здесь большее, чем тексты, здесь жизнь, которая о себе свидетельствует. Поразительная смесь горечи, нежности, беспощадности и любви. Очень богатая смыслами, насыщенная проза, которой давно настал свой черёд».

Александр Кабаков, писатель, мой, увы, ныне покойный друг, чьё личное знакомство с Русаковым заключалось в распивании виски с баранками на кухне подмосковной зимней дачи много лет назад и общей беседе на тему войны, мира, упадка нравов:

«Всё вышенаписанное Евгением Поповым и касающееся Эдуарда Русакова мне представляется одновременно и справедливым, и каким-то слишком лихим.

Что касается литературного качества сочинений Русакова, то я вполне согласен — писатель он перворазрядный. А что касается

горькой судьбы „неузнанного“ и „недооценённого“ — не согласен категорически.

Все хорошие писатели не узнаны и недооценены.

Узнан ли и дооценён ли Пушкин? Народная его известность исчерпывается анекдотом: „Муму“ Тургенев написал, а почему памятник Пушкину? — причём и эта известность неуклонно снижается до нуля.

Дооценён ли Чехов? Кто быстро вспомнит содержание его повести „Три года“? И заметьте, мы находимся среди культурных людей.

Что вспомнит остановленный вами на улице человек из Достоевского, кроме „Красота спасёт мир“, что неточно и вне контекста глупо?

И упомянутый Фолкнер, конечно, жил в глуши, а Нобелевскую получил — но жил так, что подрабатывал — то на местной почте, то в Голливуде, обезображивая классику до уровня сценариев. А что пил, так никакая безвестность этому не помешает. . .

Я вот считал себя почти известным, а тут литературная девушка подошла: „Простите... Никак фамилию вашу не вспомню. Вы так похожи на Пьера Ришара!“ Это я не брился давно, и волосы в стороны торчат.

А Эдуард Русаков, повторяюсь, писатель первоклассный, а на дооценённость или недо- — тьфу. Его проза живая, там живут рождённые им люди, хотя есть соблазн считать их выкраденными из реальной жизни — психиатру легко искать персонажей. Но герои Русакова именно рождены им, жизненные впечатления — не более чем зачатие, а рожал сам.

Бог в помощь, Эдик. Жалко, что мало знакомы».

Ну и, наконец, живущий во Владимире около «рынка Чайковского», где фальшивые узбеки продают фальшивый коньяк, писатель *Анатолий Гаврилов*, однокашник Русакова по Литинституту, мастер гиперкороткого рассказа, шлёт ему совершенно в духе своих сочинений:

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Дорогой Эдик! Живу я там же, занимаюсь тем же. Уже весна. Недавно вышел из больницы. Май, мир, труд. Спасибо за книгу. Лежал в больнице, читал твою книгу, и это скрашивало серые больничные будни, а ночью герои твоих рассказов окружали меня и допрашивали, я старался не врать, пока не понял, что они тоже врут, и мне стало легче.

И здесь мы вплотную подходим к важнейшим вопросам, а именно: роль исторической обстановки, мировоззрение автора, метод и стиль, верность обобщения, жизненность изображения, народность, единство содержания и формы, характеры, композиция, сюжет и всё то, что мы постройной и непререкаемой программе проходили в течение шести лет заочного обучения, Тверская, 25, Литературный институт им. А. М. Горького, семинар Н. Б. Томашевского. Слава Богу, Николай Борисович не загружал нас тяжёлыми глыбами

квазилитературоведения, наши семинары протекали весьма скоротечно, а твои рукописные рассказы уже тогда выглядели достойно, не все из семинаристов были в состоянии правильно оценить их, некоторые находили их слишком уж жёсткими и даже циничными, но Бог им судья.

Ты приезжал ко мне и в Мариуполь, и во Владимир, а мне в твоём Красноярске-Кырске так не довелось побывать, я был только проездом в Якутию, туда и обратно.

Ехал за золотом, а получил нож.

Зашёл в развлекательный центр „Золотое кольцо“ сыграть в бильярд, а получил кием по голове, а она у меня и так слабая, так что я просто не в состоянии достойно проанализировать твоё творчество, могу лишь сказать, что твой стиль с годами не потерял свежести и упругости, более того, стал ещё более жёстким.

И горьким.

Обнимаю».

Ну, если и это вас не убедит, то читайте тексты Эдуарда Русакова в Интернете, в «Журнальном зале», благо что Интернет пока что в полном своём объёме существует в нашей России, а не ограничен, как в других более строгих странах.

Ведь свежей, объёмной книги его когда ещё дождёшься от наших издателей! Книг у Эдуарда Русакова в Москве вообще было всего три. Одну напечатали ещё при советской власти, обезобразив и отцензурировав его тексты для торжества «социалистического реализма», другая прошла незамеченной, не вписавшись в «креатив» «перестройки», третья пользовалась большим успехом, но боюсь, что лишь среди душевнобольных, ибо издатели дали ей для завлекательности название «Палата №666: Записки психиатра», а в нашей стране сумасшедших немереное количество, и почти все они до сих пор читают книги гораздо чаще, чем их пишут.

«Боже, как грустна наша Россия», — сказал как-то Пушкин Гоголю. С тех прошло более ста восьмидесяти лет, и жизнь в нашей стране становится с каждым днём всё лучше и веселее.

Что, собственно, и констатирует Эдуард Русаков.

Юлия Старцева

Мастер шёлковых сюзане

Лето 1982 года, дедушка Брежнев ещё шамкает, но уже плох. Пионерлагерь «Мальчишки Севера» в Сухобузимском районе, близ деревни Исток. Мне двенадцать лет, и я, страстный книголюб, листаю альманах молодых комсомольских дарований в пухлом томике на две ладони, под тем же названием «Истоки»: рифма судьбы. Синяя обложка с простеньким рисунком: радуга, три ласточки, хлебные колосья. В этой «братской могиле» среди текстов рабочих КамАЗа, строителей БАМа и сплошных «взвейтесь да развейтесь»: «паренёк в шинели комсомолке о всемирной схватке говорит», — вдруг нашёлся живой рассказик. Эдуард Русаков, «Сюзане с павлинами». И не рассказ, а сказка с баснословно трудным заданием (у Русакова вместо Василисы Премудрой старая дева, русская дурочка, жалкая, блёкая, ради придуманной любви ткёт чудесный шёлковый коврик). *«В комнате было сумрачно, и сказочные павлины на фоне золотых и красных цветов казались живыми. Роскошный хвост одного павлина, сидевшего внизу, был раскинут и пылал перламутровым костром, а другой — взлетал ввысь, начав распахивать чёрно-зелёные крылья. По всему коврику были раскиданы серебряные звёзды, упавшие с неба, а к ярким цветам страшно было прикоснуться — могли обжечь».* Малина, дар деревни, в банке и парное молоко; прошёл дождик — и моя собачонка Альфа, породы цверг-пинчер, миниатюрной лапкой навеки оставляет следок на страничке. *«Вот я тут сижу, пишу, печатаю, придумываю всякие чудесные истории про чужое счастье... а в это самое время, быть может, кто-то далёкий и ненаглядный ткёт для меня сюзане. Не уверенность, не надежда, а одна лишь мечта об этом — успокаивает моё робкое сердце».*

Не помню, кто именно познакомил меня с Эдуардом Русаковым в Красноярске, где я училась в университете, — может быть, Олег Корабельников. А вероятнее всего, Юрий Бариев из Норильска, ведущий поэт заполярного ЛИТО «Надежда», передал через меня письмо приятелю: вот, мол, есть же в Красноярске «литушка», совсем как у нас на Крайнем Севере, надо же с кем-то из литераторов тусоваться одарённой девочке, которая сочиняет прозу и уже прославилась в Норильске.

Русаков вёл литературную студию «Дебют» в одном из местных ДК.

Всегда деликатный, со вкусом одетый, изящный невысокий человек с лицом типичного сибиряка: тюркский разрез глаз и крутые скулы,

а манеры русского высококультурного человека,— он мне, юной, нравился как старший брат.

Но Эдуард Иванович не был слепым защитником подопечных юнцов на литературных совещаниях и в редакциях. Мы должны были барахтаться сами. Зато вдумчивый и доброжелательный разбор нашим наивным рассказам Русаков, не ссылаясь на занятость, непременно устраивал.

Из раннего моего романа «Время нереально»:

«„Что за высокомерие — нигде не печататься?!“ — вопрошал Мэтр. Тихое коварство глаз и улыбки — буддийский бурханчик; впрочем, он и утверждал идею гениальности русских писателей — с нерусской кровью. Пример? А. Ким.

Войдя в кабинет,— графоманы мужеска пола с грохотом снимали со столов перевернутые стулья,— поинтересовался, антураж какой пьесы Ионеско перед нами. „Мы ещё не проходили Ионеско...“

Всего же приятнее было отсутствие престарелых поэтесс, пишущих о высокой страсти.

Мирок любой „литушки“ — мини-королевство, с непременно Монархом, Первой Красавицей, Рыцарями, Фаворитами и Шутами. Здесь была троица шутов, дряхлых любителей изящной словесности, проводящих большую часть заседаний в тонкой грёзе. Не стареют душой графоманы! Иногда они просыпались...

Роскошь литературского общения и уйма развлечений: прибудит ли постбальзаковского возраста дама и заплачет о берёзовых ситцах, русском приволье да колокольных перезвонах, а то и потешит душу целой поэмой...

...Мэтр сказал: „Сколько лет уговариваю Немтушкина написать роман, как падает Тунгусский метеорит и как эвенки это воспринимают!“»

Практикующий врач-психиатр, Русаков изредка приводил на «литушку» настоящих пациентов (зри там же, в романе «ВН»: «Мэтр привёл троицу гуттаперчевых, невнятных, очень жизнерадостных психов — видимо, с целью некоей групповой терапии, а может, желая дополнить антураж абсурдной пьесы»), изучал «творчество душевнобольных» и раз и навсегда на жизненных примерах объяснил мне, юной, разницу между душевным недугом и банальным городским неврозом. Кстати, помню, как он отозвался о молодом-начинающем «сркне», которого повстречал в Москве у старинного друга Евгения Попова: «Тихий молодой человек, вежливый, не разнузданный, а пишет всякую мерзость... В глаза не смотрит. Явно наш пациент!»

Увы, чернокрылый воробей как летал тогда, гордый, хищный, разъярённый, так и ныне нарезает круги над русскоязычной литературой. Однако же в век цифры к графоманам-литераторам прибавились «сетераторы», притом своими виршами и опусами душа-Тряпичкины «спамят» изо всех закоулков обитаемого мира.

Летом 1994-го Эдуард Иванович приглашён был присутствовать на защите моего диплома в Красноярском госуниверситете; писал потом в местном еженедельнике заметку об абсолютно свободных духом «детях перестройки».

В 1994 году один из бывших «дебютантов», Евгений Куклин, решил издать большим тиражом (около десяти тысяч экземпляров) сборник рассказов красноярских мастеров малой формы «Полночное солнце». Собрал рассказы А. Бабия, С. Кузнечихина, Э. Русакова, свои пробы пера и рассказы вашей покорной слуги. Книжка с чёрной бумажной обложкой, на дрянной газетной бумаге, имела шумный успех в Сибири, ещё до всех КРЯККов и выстроенной Сеславинским — Григорьевым масонской системы книгоиздания, оказавшейся губительной для истинных талантов. Сборник расхвалили в прессе и хорошо раскупили в магазинах. Помню, как мы все вместе выступали на презентации в краевой научной библиотеке, на литературных вечерах, помню и многочисленные интервью красноярским телеканалам.

В предпоследний раз я свиделась с Мэтром в мае 1996-го в Красноярске. «Я ведь ваш крёстный папа!» — раздался сквозь чад кутежа искренний и чуть иронический возглас Эдуарда Русакова. Тогда мне, молодой «прозайке», вручили Астафьевскую премию второго сезона за роман «Время нереально». Шампанское в редакции журнала «День и ночь», дорогие лица: Роман Солнцев, Михаил Успенский, — и прочие *(о милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили, не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были)*...

В последующие годы мы порой переписывались и перезванивались с Э. И. Мэтр был глубоко огорчён, узнав, что я оставила литературные занятия (надолго, на целых двенадцать лет), и воскликнул: «Лучше бы я перестал писать!»

Сам же сообщил в письме: издаю свои книги тиражом сто — сто пятьдесят экземпляров. Тогда я была глубоко разочарована, удивлена: стоит ли трудиться для сотни читателей? Я ведь привыкла к огромным советским тиражам и вполне удовлетворительным, от трёх с половиной тысяч до десяти тысяч, тиражам девяностых годов. И лишь спустя пять лет я поняла русаковскую тихую мудрость: лучше сотня читателей в настоящем и вечность библиотек после твоей жизни.

Его голос негромок, и за пределами Красноярского края изящный рассказчик Русаков малоизвестен. Но в 2017 году ПЕНовская премия имени Фазиля Искандера стала заслуженным венцом многолетнего писательского труда Эдуарда Ивановича (в тот удачный сезон ещё и сумма вознаграждения оказалась весомой). Всю жизнь он ткал свой шёлковый коврик с райскими птицами из ярких и нежных нитей, и, как мне представляется, его работа хороша.

Какой же радостью была встреча, спустя двадцать три года, на «Астафьевских днях-95» — весной 2019 года, в Красноярске и Овсянке.

Увидела его — седого, хрупкого, как фарфоровая китайская статуэтка, в фойе оперного театра; в радости Русаков оставил своего спутника, мы разулыбались, обменялись книжками: «На память о студии „Дебют“», — поспешно надписывала я «Двуликого Сирина». Потом в Овсянке астафьевскую «уху на Боганиде» хлебали рядом, грели озябшие руки о миску с ухой из ленка и стерлядки, пили красное вино, ветер грозно хлопал полотном шатра...

Помню важное из нашего хмельного лепета (заблудились вдвоём среди бела дня на улицах Овсянки, искали библиотеку имени Астафьева, где после оставили в дар свои книги с инскриптами): «Верите ли вы в Бога, Эдуард Иванович?» — «Я стараюсь жить так, как если бы Бог был...»

Русаков написал мне после милое письмо:

«А Ваши книги я прочитал — и про Ивана Грозного, и про Вашу молодость, где мелькает и моя персона. Впрочем, Вы и сейчас молоды. Так держать! Особенно интересно мне было читать „Время нереально“ — завораживало переплетение надрывной исповедальности и самоиронии, лиризма и сарказма. Когда читал, вспоминал то время.

Ау нас вчера (в мой день рождения!) открылась очередная книжная ярмарка — КРЯКК. Я сходил, погулял, раздарил встречным-поперечным кучу своих книг, ничего не купил. Но книги интересные были. Жаль, не видел Ваших. Нет, вру — на стенде красноярских писателей, кажется, была Ваша книжка.

Не прощаюсь — до свидания.

Всего Вам хорошего, милая Юля. Помню нашу прогулку в Овсянке под дождём и ветром».

И я Вас помню, дорогой Мэтр, и поздравляю со знаменательной вехой жизни!

Всегда Ваша Юля Старцева.

Эдуард Русаков

«Плыви, китаёза!»

Из цикла «Рассказы завтрашнего дня»

Русский с китайцем — братья навек!..

Старая добрая песня

*Очищается сердце моё**Здесь, на Чистой реке...*

Ли Бо

— Эй, профессор, подъём! — жарко прошептала Алёна и дунула в ухо спящему Зайцеву. — Скоро комендантский час! Мне пора отчаливать. Братья-китайцы шутить не любят...

Но сладко посапывающий Зайцев лишь отмахнулся. Ему снилось счастливое детство, солнечное лето, пионерский лагерь, песчаный берег Енисея. Все пацаны и девчонки из его отряда давно купаются, радостно плещутся в тёплой воде, а ему — боязно даже зайти в реку. Он не умеет плавать. Сзади подкрадываются двое ребят — и насильно затаскивают его в воду. «Плыви, китаёза! — кричат пацаны. — Плыви, не бойся!»

Профессор Зайцев недолюбливал китайских братьев.

А ведь, казалось бы, у него были все основания относиться к ним если и не с любовью, то хотя бы с симпатией.

Во-первых, он сам слегка походил на китайца (круглолицый, улыбчивый, с раскосыми карими глазами), хотя и считался по паспорту русским; во всяком случае, мама и папа были русские, уж это точно. (Впрочем, на этот счёт у Зайцева имелись особые соображения, которыми он не с каждым мог поделиться.)

Во-вторых, в своей научной деятельности профессор Зайцев специализировался на творчестве Ли Бо, Ду Фу и прочих древних китайских поэтов, в связи с чем пользовался особенно тёплым и добрым расположением со стороны оккупантов... тьфу ты, чёрт! — китайских, конечно же, братьев.

А в-третьих, сам факт его проживания в китайской зоне, в правобережной части Красноярска, диктовал необходимость быть предельно осторожным, терпимым и максимально лояльным к незванным гостям, ставшим новыми хозяевами почти всей Сибири...

«...Плыви, китаёза!» — кричат во сне пацаны.

—...Профессор, пора!

А это уже Алёна — теребит его за уши, смеётся, щекочет; ах ты, русалка зеленоглазая, ах ты, радость моя ненаглядная, девочка ты моя капризная, цветочек ты мой запоздалый, нет-нет-нет, попалась, теперь уж так просто ты от меня не вырвешься, ничего-ничего, старый конь борозды не испортит, ну, сдавайся, Алёнушка, я твой братец Иванушка! — а я не Алёнушка, я Красная Шапочка, а ты Серый Волк, волк-волчище, длинный хвостище; бабушка, бабушка, а зачем у тебя такой большой-пребольшой хвост?! — а чтобы пронзить тебя насквозь, дитя моё! — так что же это за штука такая, бабушка? — а это мой меч, твоя голова с плеч, — нет-нет-нет, это стройный кипарис, это развесистый платан, — ага, ага — «платан застыл, от холода тоскуя», — а это что за хрень? — не помню точно, либо Ли Бо, либо... да не всё ли равно, моя сладкая? помолчала б ты лучше, Алёнушка... да, вот так... и вот так... и вот так... и вот так...

— Почему после *этого* всегда хочется есть? — спросила Алёна, приподнимаясь на локте и всматриваясь в лицо Зайцева. — Отвечайте, профессор!

— Я ж филолог, не физиолог, — сказал Зайцев, не открывая глаз. — Ты молода, вот тебе и хочется. А я стар — и мне после *этого* хочется спать... — он сладко зевнул.

— Сколько можно дрыхнуть? — возмутилась Алёна. — Ты бы на часы посмотрел!

Она соскочила с широкой тахты и, мерцая в вечернем полумраке голым телом (ах ты, моя русалочка!), пошлёпала в кухню. Достала из холодильника яблоко, жадно стала хрумкать.

— У тебя даже колбасы нет, — сказала Алёна. — Ты что, одними яблоками питаешься?

— А ты что, с Луны свалилась? — хмыкнул Зайцев. — Братья-китайцы, как тебе известно, ввели карточную систему. Так что с колбасой напряжёнка. И вообще со жратвой.

— А жрать хочется, — вздохнула Алёна, хрустя яблоком фуши. — Сейчас бы съела телёнка!

— Бедный телёнок, — улыбнулся Зайцев. — Правы братья-китайцы: мир погибнет не от голода, а от обжорства.

— Западный мир, — уточнила Алёна. — Уж вам-то, в китайской зоне, смерть от обжорства пока не грозит... Можно, я возьму ещё яблоко?

— Ешь хоть все. Мне этим холодильником больше не пользоваться.

— Значит, решился? И когда?

— Сегодня.

— Как — сегодня?! — подскочила Алёна. — А что же ты мне раньше не сказал?

— Не хотел портить свидание... Вдруг оно у нас последнее? Кстати, тебе — пора.

— Да знаю я!
— Скоро ведь комендантский час...
— Да знаю, знаю! А как же ты?
— Ну... я же сказал — я своим путём. Провожу тебя, а потом — к тебе, на резиновой лодке...
— Но ведь это опасно!
— Жить вообще опасно, — заметил он с театральной меланхоличностью. — Но без риска жизнь так же пресна, как говядина без горчицы.
— Тебя этому братья-китайцы научили?
— Они, родимые...
— А чего тебе с ними не живётся? — ехидно спросила Алёна. — Ты и сам на китайца похож, и вообще — такой же мудрый... почти как Конфуций!
— Ну что ты болтаешь, дурочка... — он вдруг замолчал, задумался, быстро глянул на неё. — Слышь, Алёна... А хочешь, поделюсь с тобой семейной легендой?
— О чём ты?
— О себе. Как ты думаешь, почему я похож на китайца? Ведь родители у меня были русские...
— Это надо у мамы твоей спросить, — и Алёна рассмеялась. — Согрешила, небось, с заезжим мандарином!
— А ведь ты почти угадала! — воскликнул Зайцев. — Но только тебе никогда не угадать — с кем именно она согрешила.
— Ну, давай колись. Только излагай убедительно — я тебя умоляю! В вашем возрасте, профессор, врать стыдно...
— Мама сама мне обо всём рассказала. Решила перед смертью душу облегчить — вот и призналась. Раньше она никому об этом не говорила, ни мне, ни отцу... Впрочем, отец нас бросил, когда мама ещё в роддоме лежала. Официальный то есть отец... А настоящий... — Зайцев откашлялся и продолжил: — Сейчас я тебе великую тайну открою, Алёна. Слушай — и молчи. Чтоб никому потом ни слова... ни-ни!
— Да ладно тебе интриговать-то! Ври дальше. Какая ещё тайна?
— Какая, какая. Тайна моего происхождения. Мне сейчас, как ты знаешь, под шестьдесят...
— Не кокетничайте, профессор, — я к вашему шестидесятилетнему юбилею уже подарок купила!
— Подарок? Ну ладно... А знаешь ли ты, моя девочка, что в сорок девятом, то есть за год до моего рождения, в Красноярск приезжал сам Великий кормчий?
— Мао, что ли? Впервые об этом слышу!
— Ну так знай теперь. Об этом, кстати, в газетах писали в послеперестроечные годы, и книга об этом визите есть... но ты же книг не читаешь. Можешь заглянуть в Интернет — там наверняка имеется информация.
— Может, прямо сейчас и заглянем?

— Ты что, забыла, что братья-китайцы нам запретили пользоваться Интернетом? Даже мне, профессору... Вот вернёшься в свою вольную зону — там и полюбопытствуешь.

— Ну рассказывай же, рассказывай!

— Нынче это уже не тайна. К нам он заехал на обратном пути из Москвы в Пекин, после переговоров с Иосифом Виссарионычем... Чего зубы-то скалишь? Факт исторический. А мама моя рассказала мне такие подробности, что почище любого романа! Он, Мао-то, в нашем городе прожил три месяца, инкогнито, в ведомственной гостинице при номерном заводе, в номере «люкс». Три месяца — поняла?

— А чего он забыл в Красноярске-то? — недоверчиво спросила Алёна.

— Как — чего? Знакомился с работой оборонной промышленности, учился у «старшего брата». Это сейчас они — старшие братья нам, а тогда... тогда всё было наоборот. По заводу шастал, по всем цехам, в каждую дырку курносый свой нос совал.

— А при чём тут твоя мама?

— Она при нём была вроде гида и одновременно курьера. На побегушках, короче, туда-сюда. Мама моя в ту пору машинисткой в заводском управлении работала, вот её на три месяца к высокому гостю и прикрепили. Нет, китайского языка она не знала. Откуда? Да и зачем? У него переводчик был свой, из китайцев. А она — по мелочам, для бытового общения, для ознакомления его, так сказать, с нашими нравами. Ну и... как водится, перестаралась. И случился, естественно, грех... Не стану вдаваться в детали, но грех был. Понимаешь, на что намекаю?

— Да уж... тонкий намёк, — усмехнулась Алёна.

— А на маму я не в претензии, — быстро сказал Зайцев. — Ну и что, что при живом муже? Такой муж — всё равно что никакого. А если у неё — горячее чувство, куда попрёшь? Любовь зла, полюбишь и китайца. Тем более такого. Он ведь, Мао, в ту пору смазливый был, миловидный. Про маму я уж не говорю. Молодая, красивая, заводная. Потом мне рассказывала: муж её, то есть официальный мой папа, жутко её взревновал, чуть не зарезал их вместе с любовником. Телохранители едва его оттащили. При госте ведь пара телохранителей круглые сутки паслась. Они с маменькой, бывало, запрутся в номере, а телохранители — за дверью, бдят. И отцу моему, ну, официальному, путь преградили, когда он с ножом в эту дверь колотился. Представляешь, какое кино? — С ума сойти...

— После этого случая мой горе-папаша и запил по-чёрному, а потом уж, когда мама в роддом легла, он совсем потерялся куда-то. Пропал с концами. А может, ему помогли пропасть. Но это уж после, когда Великий кормчий на родину отвалил. А до последнего дня, до его отъезда — такие страсти промеж них разыгрывались! Мама, когда рассказывала, плакала. Не хотел, говорит, Мава уезжать без меня. На коленях стоял, уговаривал: поехали, друг мой, вместе! Будешь

первой женщиной в Поднебесной! Но мама моя — упрямая — ни в какую. Чтобы я, говорит, променяла Советскую Родину на какой-то вшивый Китай? Ни за что на свете! Да пускай, говорит, моё сердце от несчастной любви вдребезги разобьётся, но я Родину не оставлю ни за какие коврижки. Ты уж, Мавочка, меня прости... Это она его, кормчего, Мавочкой называла. Уменьшительно, ласково — Мава, значит. Ну, он тоже, конечно, рыдал, умолял, настаивал. Но разве мою маму переубедишь? Она если упрётся, то ни в какую. Так и уехал мой узкоглазый батя в свою Поднебесную... А вскоре и я в положенный срок родился, и жили мы с мамой вдвоём, без отца и без мужа. Мама вроде крепилась, всё приговаривала, что нам и вдвоём хорошо, правда, сынок? А сама по ночам очень часто плакала, кусала подушку. Мы ведь жили в коммуналке, в одной комнате, моя кровать у окна, а её — у двери, за шкафом. Сколько раз бывало, проснусь — и слышу: всхлипывает, вздыхает, бормочет чего-то. Прислушаюсь: «Мавочка... Мава!.. На кого ты меня покинул, мой луноликий?.. И зачем я тебя не послушалась, не поехала за тобой?.. Косоглазенький ты мой, Мавушка!..» Ну и прочие ласковые слова, повторять неловко. Вот так мы с ней жизнь и прожили — в бабьих слезах да в моих сиротских фантазиях... Да ты что, смеёшься, что ли?

— А что же мне, плакать? Развёл тут мыльную оперу... Кто вам поверит, профессор?

— Значит, не веришь?

— А ты сам — неужели веришь? — изумилась Алёна.

— Ну, не знаю... Разве плохая история?

— Душераздирающая! Расскажи её братьям-китайцам — может, они тебя орденом наградят или пенсию персональную назначат, как сыну Великого кормчего...

— Нет уж, лучше помалкивать, — и Зайцев печально вздохнул. — От греха подальше. Ещё не так поймут. Подумают, что глумлюсь над памятью вождя...

— И будут правы!

— Ты уверена? А зачем, скажи, было врать моей маме? Зачем она стала бы на себя наговаривать?

— От одиночества... от стыда. Кому же охота быть брошенной матерью-одиночкой? А с легендой жить легче.

— Ах ты, умница-разумница... — он улыбнулся почти смущённо. — Ладно, будем считать, что я пошутил. Просто — решил тебя немного развлечь.

— И тебе это удалось.

— Правда? — он посмотрел на неё. — Да, чего-то я разболтался. А ведь нам пора идти, — Зайцев потянулся проверить, задёрнуты ли шторы, включил свет, глянул на часы. — Ого! Через сорок минут — комендантский час... Р-рота, подъём! — он вскочил, похлопал себя по дряблему животу, подошёл к зеркалу, с отвращением посмотрел на

всклопоченные седые вихры, на мешки под глазами-щёлочками, на морщины.— Ну и рожа... И зачем ты со мной связалась?

— Сам сказал: любовь зла,— хмыкнула Алёна.— Кстати, ты же меня соблазнил, профессор. Забыл, что ли? Помнишь, как шантажировал: не поставлю зачёт, если не отдашься...

— Не было этого! — возмутился Зайцев.— Ты сама, как кошка...

— Да ладно — шучу, шучу.

— А вот братья-китайцы не шутят. Они ведь всерьёз обвинили меня в аморальном поведении. Моя личная разведка донесла, что мне грозит не только увольнение из универа, но и суд...

— Товарищеский?

— Товарищеский суд Линча... Нет, серьёзно. Пора рвать когти. В китайской каталажке мне не выжить, Алёнушка. Сердце не выдержит. Ты же знаешь моё больное сердечко...

— Как не знать. Значит, поэтому и решил бежать в нашу зону?

— И поэтому тоже.

— А ещё почему?

— Будто не знаешь!..

— Хочу услышать.

— Потому что хочу быть с тобой.

— А почему ты хочешь быть со мной?

— Ну, Алёнка, кончай дурить... ты прекрасно всё понимаешь...

— Нет — почему? Почему? Почему?

Зайцев подошёл к ней, притянул её к себе, поцеловал в приоткрытый рот, пахнувший яблоком.

— Потому что я жить без тебя не могу,— тихо сказал он.— Потому что моя жизнь — это ты.

— Вот ведь какой противный,— так же тихо произнесла она,— ни за что ведь не скажет, что любит...

— Ни за что,— согласился он,— никогда... «Так жарко мне — лень веером взмахнуть. Но дотяну до ночи как-нибудь...»

— У-у, как я ненавижу все эти китайские стихи!

— А я — люблю.

— Я хочу бежать с тобой,— прошептала она.— Давай вместе?

— Это глупо,— нахмурился Зайцев.— Зачем рисковать? Ты из натовской зоны, у тебя есть нормальный пропуск, через час ты уже будешь дома... а я — на резиновой лодке... Ты встретишь меня на том берегу. Братья-немцы стрелять не станут.

— Нет, конечно. Они будут только рады принять такого гостя.

— Ладно, хватит болтать. Пошли!

Минут через пять они вышли из дома и направились по затемнённой улице к набережной, к мосту через Енисей.

— Значит, так,— говорил на ходу Зайцев.— У меня всё заранее приготовлено. Добрые люди помогли. Две резиновых надувных лодки — одна

на этом берегу, под мостом, а вторая — на острове Отдыха, с той стороны, тоже под мостом. Встречай меня на левом берегу примерно через час, где-то возле краеведческого музея...

— Ради Бога, будь осторожен, милый...

— Обязательно буду. За меня не волнуйся. Ну, вот мы и пришли... — Зайцев помахал рукой китайскому солдату с автоматом на груди: — Нинь хао, тун-чжи!

— Стой! — крикнул китаец. — Васа пропуск!

Из контрольно-пропускного пункта вышел ещё один солдат, уже без автомата.

Алёна достала пропуск и паспорт.

Китайцы внимательно проверили её документы, светя фонариком. Зайцев достал сигарету, закурил.

— Бу-син! — сказал солдат. — Низзя курить!

— Дуй-бу-ци, — извинился Зайцев и затоптал сигарету.

— И-це чжэн-чан, — сказал солдат, возвращая Алёне документы. — Порядок, — потом повернулся к Зайцеву: — Ты — кто? Чжан-фу? Отец? Муж? Паспорт! Ху-чжао!

— Бу-ши! Нет-нет! — рассмеялся Зайцев. — Я просто её провожаю. А живу в этой зоне, на правом берегу... Я профессор! Филолог! Юй-янь-сюэ-цзя! А это моя бывшая студентка...

— Проходи! — приказал солдат Алёне. — Стоять низзя! Бу-син!

Алёна повернулась к Зайцеву:

— Я боюсь за тебя...

— А я за тебя, — сказал он, улыбаясь. — Всё будет хорошо. Я тебе обещаю. Иди!

Сразу за контрольно-пропускным пунктом была трамвайная остановка. Алёна подошла к трамваю, который должен был увезти её на левый берег, в натовскую зону, к братьям-немцам. Зашла в трамвай, потом выглянула, крикнула:

— Я люблю тебя!

— Цзай-хуй! — крикнул он. — До свиданья!

— Как тебе не стыдно! — рассмеялась она, чуть не плача. — А ещё профессор... Мне страшно, Зайцев!

— Всё будет хорошо! — повторил он.

— Бу-син! Бу-син! — угрожающе надвинулся на него солдат. — Уходи!

— Прощай, товарищ, — сказал Зайцев. — Цзай-хуй, тун-чжи!

Он отошёл от контрольно-пропускного пункта и направился к Предмостной площади. Он знал, что солдат провожает его взглядом. Он не стал оборачиваться, хотя ему и очень хотелось это сделать.

Пройдя через Предмостную площадь, Зайцев свернул в тёмный переулок, потом круто повернул вправо — и окольным путём вышел снова на берег Енисея, только теперь уже на приличном расстоянии от КПП и от моста. Спустился к воде, присел на камень, закурил. Вроде

никто его не преследовал. Тишина. В окнах домов — ни огонька. На небе — ни звёздочки. Лишь едва различимы на фиолетовом фоне неба тёмные контуры далёких гор.

— Гляжу я на горы, и горы глядят на меня, — процитировал шёпотом Зайцев. — И долго глядим мы, друг другу не надоедая...

Он плюнул на красный кончик сигареты, отбросил погашенный окурочок, встал и направился к мосту, где в кустах была спрятана резиновая лодка.

До острова Отдыха доплыл спокойно, протока узкая, китайцы его не заметили. Перешёл через остров, на другом его берегу нашёл вторую спрятанную лодку. Теперь предстояло переплыть Енисей в его основной, широкой части. Он старался бесшумно грести и держаться ближе к мосту, с теневой стороны, не попадая в лучи прожекторов. Пока всё шло нормально.

Иногда он оглядывался назад — нет, погони не видно, тишина, правый берег тонул во мраке, только на Предмостной светились огоньки КПП. Зато левый берег, где была западная зона, весь залит огнями реклам, оттуда доносилась музыка из Центрального парка и с Театральной площади. Там — восточный рубеж НАТО, там — левобережный Красноярск, оккупированный немецкими войсками. Там, на берегу, возле краеведческого музея, ждёт его Алёна...

Когда до левого берега оставалось метров триста, не более, луч прожектора с моста зацепил его лодку — и тут же сверху раздались пронзительные визгливые крики и затрещали автоматные очереди. — Вот суки, — ругнулся Зайцев, — это ж надо — сразу стрелять... Господи, пронеси!

Не пронесло. Пуля попала в лодку — зашипел выходящий воздух. — Врешь, не возьмёшь! — по-чапаевски крикнул Зайцев и перевалился через упругий борт обречённой лодки. — И так доплывём!

За долгие годы жизни плавать он всё-таки научился, детская водобоязнь давно уж его оставила. Когда-то, в лучшую свою пору, он весь Енисей запросто переплывал, а тут — каких-то двести-триста метров... Пустяки!

«Плыви, китаёза!» — вспомнил он вдруг дразнящий крик из прошлого — и рассмеялся.

Он плыл, плыл, плыл, и судьба берегла его от китайских пуль, но не смогла уберечь от инфаркта. Уже коснувшись ногой дна, он радостно вскинул руки, рванулся вперёд с криком: «Я здесь, Алёна!» — но тут же замер и задохнулся от острой невыносимой боли, схватился рукой за грудь — и рухнул в воду.

Сердобольные немецкие солдаты помогли Алёне вытащить его из воды на берег. Потом они долго и безуспешно пытались оживить Зайцева,

делая искусственное дыхание «рот в рот», строго по инструкции, как их учили.

СЮЗАНÉ С ПАВЛИНАМИ

Каждая женщина хочет быть счастливой. Чем больше хочет, тем меньше удаётся. А те, кто ни о чём таком не мечтает и просто порхает беспечно,— у них всё выходит само собой, и живут они множество лет, сытые и довольные, не зная вкуса слёз. Об удачливых говорить неинтересно — они сами кричат о своём счастье на каждом углу... А впрочем, везучая, невезучая — кто угадает?

В сибирском городе Кырске жила ещё не старая старая дева Лёля Петренко. Работала медсестрой в городской больнице, жила в новом некрасивом доме, в комнате гостиничного типа, совершенно одна — ни мужа, ни друга, ни папы, ни мамы. Вела себя тихо и скромно, бесцветные глаза привычно опускала, а смелые мужчины смотрели на неё с брезгливым сочувствием.

В апреле ей исполнилось двадцать семь лет, а в мае председатель месткома предложил горящую путёвку — в Среднюю Азию. С большой скидкой — всего за тридцать рублей. Лёля никогда никуда не ездила и поэтому согласилась. Кстати, происходило всё это в стародавние времена, когда Ташкент находился в пределах советской империи, а на рубль ещё можно было что-то купить.

В Ташкенте было очень жарко. Лёля даже заболела от такой жары. Первые два дня никуда не ходила, только спускалась в ресторан обедать и ужинать, клевала немножко, а потом подымалась, вялая и больная, на свой четвёртый этаж, раздевалась и ложилась под горячую простыню. Дверь на балкон была открыта, снизу слышалась ресторанный музыка и доносился противный запах жареного мяса.

Однако на третий день Лёле стало полегче, притерпелась к жаре, появился аппетит, потянуло на фрукты. А когда объявили экскурсию на Чирчикскую ГЭС, она поехала тоже, надев свой неношенный светлый брючный костюм.

Ничего особенного — плотина, водохранилище, сухие горы, песок, выгорающая зелень.

Всё осмотрели, сфотографировались на фоне, а потом решили искупаться в реке Чирчик.

Вода была холодной и быстрой. Лёля отошла в сторону от группы, стыдливо разделась и села на горячих камнях, робея идти в воду. Но когда плечам стало больно от палящего солнца, она решилась — и пошла к воде, прихрамывая и покачиваясь, а потом неуклюже взмахнула руками, рухнула в реку и жалобно ойкнула.

Кто-то засмеялся и крикнул:

— Эй, женщина! Куда спешишь?

Лёля обернулась — на берегу, рядом с её одеждой, сидел незнакомый узбек лет сорока. Он был худой и чёрный, зубы его сверкали. На стриженной голове лихо красовалась тюбетейка. Пыльные коричневые сапоги были скинуты, рубаха расстёгнута. Узбек держал в руке початую бутылку вина.

Лёля растерялась, ей было стыдно и страшно, она не могла так просто купаться в присутствии мужчины. Ей хотелось исчезнуть. В смятении Лёля и сама не заметила, как зашла далеко в воду и поплыла, хотя плавала плохо.

— Эй, женщина! — крикнул узбек. — Там быстрое течение, утонешь!

И Лёля стала тонуть. Казалось, будто кто-то тянет её за ноги и не даёт вырваться. Течение быстрое, вода холодная, а Лёля слабая женщина, слабая, слабая, сла...

Очнулась на берегу.

Узбек, спасший её, был в одних трусах и тюбетейке. Он сидел рядом и пил вино «Саяки» прямо из горлышка. Увидев, что Лёля раскрыла глаза, он засмеялся и подмигнул:

— Очень быстро плаваешь, хотын! Еле догнал.

— Спасибо, — прошептала Лёля — и заплакала.

— Йе! — притворно удивился узбек. — Радоваться надо, а ты плачешь... Вставай, пожалуйста. Пошли чай пить.

Он отбросил пустую бутылку, помог ей, дрожащей, одеться, оделся сам — и повёл в чайхану. Выбрал место почище, поуютнее, в тени чинары.

— Присаживайся, моя хорошая, — продолжая посмеиваться, сказал узбек и привычно устроился на протёртом ковре. — Пей, хотын. Зелёный чай нервы успокаивает. Пей, солнышко, не стесняйся... Как тебя зовут?

— Лёля, — прошептала она, беря пиалу трясущимися пальцами. — Лёля Петренко...

— Ну-у, понимаешь, чего ты как маленькая? Лёля... Первый раз вижу такую несмелую. Русские женщины, понимаешь, нахалки, а ты — как маленькая, честное слово... А ведь большая?

— Большая, — кивнула она, не поднимая глаз. — У меня такой характер. Извините.

— Йе! — и он покачал головой. — Зачем извиняешься, глупая? Пей чай, пожалуйста.

— А вы здешний? — спросила Лёля. — На гидроузле работаете, да?

— Йок. Не угадала. Я председатель колхоза «Заветы Ильича». Бо-ольшой начальник! — и он опять рассмеялся, сверкая зубами. — Хлопок выращиваю. Пошли в гости? Тут рядом, пять минут. Вон мой «газик» стоит.

Но Лёля отказалась.

А он стал расхваливать свой колхоз, свой дом, а самое главное, самое потрясающее — своих трёх жён. Для каждой нашёл ласковое словечко. Лёля была шокирована.

— Как же это... три жены?.. Разве так можно?— испуганно прошептала она.

— Почему нельзя? Я их не обижаю, они меня любят.

— Но закон...

— Закон есть разный. В паспорте одна жена записана, старшая. А в жизни — три. Думаешь, неправда?— и он строго посмотрел на неё.— Зачем мне тебя обманывать?

— Но как же так?..— Лёля совсем растерялась.— Тем более вы — председатель колхоза...

— Тем более! — насмешливо повторил узбек.— Вот именно, глупая,— тем более.

— Это же... нехорошо.

— Йе! Почему нехорошо? Очень хорошо! Одна жена — плохо, две жены — лучше, три жены — хорошо. Якши. Понимаешь?

— Вы смеётесь... вы меня просто дразните,— обиделась Лёля.

— Почему не веришь? Приезжай в колхоз — познакомлю со всеми жёнами. Нам очень хорошо, честное слово. Дружные женщины. Подружки, понимаешь?

— Н-не понимаю...

— Эх, какая ты. Ну подумай — кому это плохо? А? Мне плохо? Нет. Им плохо? Нет, им хорошо, я их не обижаю. Колхозу плохо? Нет, мы план перевыполняем, переходящее знамя района три года держим, никому не отдаём. Понимаешь?

Лёля сделала жалобное лицо, промолчала, вздохнула.

— Как вас зовут?— запоздало спросила она.

— Камиль. Меня зовут Камиль. Уже сорок два года — Камиль. Ты на меня сердишься, да?

— Нет, но мне как-то странно... всё-таки это нехорошо. Ведь за многожёнство могут наказать?

— Ой, напугала! — всплеснул он руками.— Ой, бедный я, несчастный я преступник... Как это по-русски? Ага — сквозь пальцы! Слышишь меня? Все смотрят на это сквозь пальцы.

— Всё равно — нехорошо. Не по-советски...

— Послушай,— сказал Камиль без улыбки, но глаза его смеялись.— Послушай и подумай. Мать любит своих детей, правда? У моей матери нас было одиннадцать — и она всех любила одинаково, ты слышишь? А у меня — всего три жены. Так разве не хватит моего большого сердца и на четвёртую? А?— и Камиль захохотал и от радости даже опрокинул пузатый фарфоровый чайник.

— Это унижительно... для женщины... — промямлила Лёля.

Она боялась постигать такие ужасные порядки. У Лёли был детский ум, думать она почти не умела, и все её редкие мысли возникали в форме картинок. У обычных людей в голове мысли, а у Лёли — картинки. Иными словами, она была почти дурочка. Однако, несмотря на свою простоту, Лёля долго сомневалась и не верила многожёнцу

Камилю. А он слишком уж складно расписывал ей преступную свою жизнь, заговаривал зубы, бескорыстно потешаясь и ничего не желая добиться. Хотя насчёт трёх жён — чистая правда. Не врал.

— Э-э, однако, уже поздно, — сказал, наконец, Камиль, взглянув на часы. — Мне пора.

Он ловко-упруго вскочил, поиграл плечами, поправил тюбетейку на стриженной голове, подмигнул Лёле лукаво и пошёл прочь, чуть покачиваясь на кривоватых ногах.

Когда Камиль ушёл, Лёля долго и невнятно о нём думала. И потом, в автобусе, думала, и вечером думала, и ночью просыпалась и думала. То есть не думала, а просто — видела одну и ту же пугающую и заманчивую картинку: худой чёрный Камиль в тюбетейке стоит, покачиваясь на кривых ногах, скалит белые зубы и беззвучно и бесконечно хохочет.

На другой день, после ужина, Лёля вышла к фонтану. Она была в странно-возбуждённом состоянии. Жёлтую кофту зачем-то надела, с каким-то бессознательным наивным расчётом. Присела на скамейку и стала смотреть на подсвеченную воду в бассейне. Подошёл Камиль и сказал:

— Салям алейкум, Лёля.

Она вздрогнула, испугалась и не смогла ничего ответить. Камиль был по-городскому принаряжен — в светлых брюках, розовой рубашке. — Совсем не рада? — спросил он, упруго присаживаясь возле неё. — Не пугайся, глупая. Я в Ташкент по делам приезжал... Иду мимо, вижу — ты сидишь, скучаешь. Не сердись, пожалуйста.

Лёля молчала, приходила в себя.

Ей было и страшно, и хорошо. Ничего не могла понять. Камиль что-то говорил, шутил, подшучивал, а она ничего не слышала, не видела, не думала. Он как бы между прочим пригласил зайти в ресторан. Она не хотела, стеснялась, отказывалась, но Камиль уговорил.

Сели за неудачный столик — рядом с оркестром. Было очень шумно. Камиль заказал бутылку шампанского, двести граммов коньяка, фрукты.

— Зачем всё это? — сказала бессмысленно Лёля, когда оркестр ненадолго умолк.

— О чём ты? Не понимаю... — Камиль пожал плечами. — У меня, хотын, сегодня большая радость. Достал для колхоза три новых пресса. Хлопок давить — понимаешь?

Он разлил в бокалы шампанское. Лёлю никто ещё не угощал шампанским — и она решила попробовать.

— За вашу удачу, — сказала она и выпила почти полный бокал. — Ой, как вкусно! Я и не знала...

— Пить всегда вкусно, — подтвердил Камиль, кивая, и налил себе коньяку. — Понимаешь, хотын...

— Нет-нет-нет, вы мне вот что объясните,— перебила Лёля.— Вы зачем мне голову морочите? Прессы какие-то придумал... Зачем обманываешь?— и она погрозила ему пальцем.

Камиль удивился, но тут же понял, что Лёля просто опьянела.

— Я не обманывал,— сказал он.— Я доставал прессы. Клянусь Аллахом и третьим, решающим годом девятой пятилетки.

— У, какой противный,— капризно протянула Лёля.— Ужасно противный Камиль. Налей мне ещё шампанского!

— Пожалуйста. Пей, солнышко. Давай выпьем за здоровье твоего мужа... Как его зовут?

— У меня нет мужа,— и она хихикнула и опять погрозила пальцем.— У-у, противный.

— И не было?

— Не было...

— Ну а жених есть?

— Нет. У меня никого нет,— тихо сказала Лёля и вдруг всхлинула.— У меня совсем-совсем никого нет!.. У всех кто-то есть, а у меня — никого! Я одна, понимаешь? Меня никто не любит! Я старая дева!

— Что ты, джаным, что ты?— ласково погладил он её по плечу.— Не надо так... Успокойся, пожалуйста.

— Меня никто не любит! Я дурочка! Меня так все и зовут: Лёля-дурочка... Я же знаю!

— Эй, зачем ты так? Зачем себя обижаешь? Почему — дурочка? Это неправда, ты хорошая, честное слово. Симпатичная... и совсем неглупая...

— Спасибо, спасибо, спасибо,— забормотала она.— Слушай, Камиль... женись на мне!

— Эй, женщина... что ты говоришь?!— испугался он.— Как я могу на тебе жениться? У меня есть три жены.

Лёля залпом выпила второй бокал шампанского, отдышалась.

— Я буду четвёртой,— сказала она.— Слышишь? Я буду твоей четвёртой женой.

— Ты совсем пьяная,— нахмурился Камиль.— Не пей больше — пожалуйста.

Лёля заплакала.

А он смотрел на неё и удивлялся: таких глупых женщин он никогда ещё не встречал. Он уже пожалел, что пригласил её в ресторан, и подумал о том, как бы теперь отвязаться.

— Значит, не хочешь?— спросила она, всхлипывая.— Не хочешь, чтобы я стала твоей четвёртой женой?

— Это не так просто,— медленно сказал Камиль,— это очень непросто... — и вдруг он придумал: — Слушай! Я согласен! Но к свадьбе ты должна соткать сюзанэ...

— Что? Сю... су...

— Ну, это такой ковёр... называется — сюзане. Понимаешь? Вытки по шёлку цветной узор — двух красивых павлинов. Это будет твой калым... Ага? И тогда я женюсь на тебе. Согласна?

— Согласна! — закричала она так громко, что играющие музыканты на неё покосились. — Конечно, согласна! Когда я была маленькая, мама учила меня вышивать — гладью, мережкой, болгарским крестом... А ты — как хочешь?

— Не знаю, — и Камиль слегка раздражённо пожал плечами. — Ты уж сама должна справиться. Сделаешь сюзане с павлинами — будешь моей женой.

И он с трудом подавил зевок.

— Я сделаю, сделаю! — Лёля захлопала в ладоши. — Обязательно сделаю... А ты не обманешь?

— Обижаешь, Лёля. Слово джигита.

— Ха-ха-ха! — засмеялась она. — Слово джигита... как смешно! Ну, значит, договорились. Я сотку тебе эту, как её?... Сю... су...

— Сюзане.

— Вот-вот. Сделаю. Давай выпьем ещё!

— Йок, — отказался Камиль. — Больше не надо. Пошли.

Ему хотелось поскорее расстаться с глупой женщиной. Ох, тяжело на неё смотреть, горько слышать её восторженный голос...

А Лёля вскоре уехала в Кырск. Камиль, говоря о женитьбе, разумеется, был уверен, что Лёля протрезвеет и не вспомнит о его обещании — не поверит же она всерьёз в эту сказку про сюзане?.. А ведь она — поверила.

Поверила и думала с тех пор только об этом. То есть не думала, а постоянно видела такую картину: блестящий чёрный ковёр с золотыми и красными цветами, а в центре — два роскошных павлина с распущенными хвостами.

Несколько дней Лёля занималась тем, что бегала по магазинам и покупала шёлковые ткани и разноцветные нитки. Ходила в библиотеку, перелистывала альбомы и монографии, искала подходящие орнаменты. Достала старинную книгу, в которой описывалась сложная ковровая технология.

Наконец, заказала маленький ткацкий станок. Потратила уйму денег, влезла в долги.

Когда всё необходимое было готово, Лёля принялась за работу. Ткать было трудно, станок часто ломался, нитки рвались. За первые два месяца она почти ничего не успела сделать. Но потом наловчилась, набила руку, и работа пошла быстрее.

Всю зиму Лёля ткала сюзане. Приходя с дежурства, сразу садилась за станок и просиживала до глубокой ночи, пока не засыпала за работой. Ткала терпеливо и вдохновенно, торопясь и томясь в ожидании блаженного дня окончания великой работы.

К весне всё было сделано. Лёля никому не показывалаюзане. Она взяла отпуск без содержания и поехала в Ташкент. Разыскала тот самый колхоз, председателем которого был Камиль.

Когда Лёля зашла в правление и спросила, где председатель, какой-то старик на деревянной ноге ей ответил:

— Я председатель. Саялам алейкум.

— Саялам... — начиная пугаться, сказала она и воскликнула: — А где же Камиль? Разве не он председатель?

— О-хо-хо, — старик горестно покачал головой. — Не говори об этом человеке, хотын... Ты ранишь моё сердце.

— Что случилось? — бледнея, прошептала она и схватила старика за полы халата. — Что с ним случилось?

— Эй, женщина, ты порвёшь мой новый чапан!

— Извините... Что с ним? Он жив?

— Разве я сказал, что он умер? Жив, не пугайся. Камиль сидит в тюрьме, моя хорошая. Он жив.

И старик стал подробно и не спеша рассказывать ей о том, что Камиль поссорился с районным начальством, «зазнался», кого-то обидел, кому-то чего-то не дал или дал мало... короче, его решили наказать и для этого вспомнили, что он — многожёнец. Соответствующая статья в уголовном кодексе была и осталась, в прокуратуру поступило анонимное заявление с конкретными доказательствами и упоминанием всех адресов и фамилий. Так сгорел председатель колхоза «Заветы Ильича» Камиль.

— Где же он сейчас? — тоскуя, спросила Лёля.

— А разве я тебе не сказал? В тюрьме, в камере предварительного заключения, — ответил старик и после паузы уточнил адрес.

Лёля сидела на узкой жёсткой скамье, прижавшись спиной к холодной стене и крепко держа на коленях большой рулон, обмотанный шпагатом.

В этой же слабоосвещённой комнате, на другой скамье, сидели три женщины в чёрных платках. Они с ненавистью смотрели на Лёлю. Они сразу обо всём догадались. Три жены Камилы — они твёрдо решили, что Лёля — дрянь, русская шлюха, подлая потаскуха. Они бы хотели выцарапать ей глаза, вырвать волосы, осрамить её как-нибудь, оскорбить, обидеть. Однако — терпели. Они сидели дружно и плотно, как три сестры. Дверь распахнулась, вошёл надзиратель, а следом за ним — Камиль. Он скользнул взглядом по Лёле, не узнал её, потом подошёл к своим жёнам. А жёны торопливо, перебивая друг друга, что-то лопотали-бормотали-выкрикивали. Он им лениво отвечал. Он был очень скучный, Камиль. Лёля не заметила следов страдания на его лице — ни тоски, ни обиды, одна скука. Разговаривали они по-узбекски, и Лёля ничего не понимала. Она терпеливо ждала. Наконец надзиратель тронул Камилу за плечо:

— Эй, милочек, к тебе ещё одна баба. Поторопись.

Надзиратель был русский, но говорил с акцентом.

— Кто эта женщина? — вяло удивился Камиль, посмотрев на Лёлю.

Не узнал. Не узнал.

— Ты ему кто? — обратился надзиратель к Лёле.

— Я... мы... Камиль, ты меня совсем не помнишь? — тоскливо прошептала она.

— Йок, — раздражённо сказал Камиль. — Для меня все русские женщины — на одно лицо.

— Как же так?! — воскликнула Лёля. — Ты обещал на мне жениться. Помнишь? Слово джигита — помнишь?

— Джаляб! — выругался Камиль, и лицо его скривилось от злости. — Надзиратель, уведи меня в камеру.

— Подожди, Камиль, — и Лёля подошла к нему и протянула громоздкий рулон. — Посмотри. Это я сделала для тебя. Как договаривались. Сюзана с павлинами.

— Эй, женщина, ты сошла с ума, — сквозь зубы пробормотал Камиль, пятясь и оглядываясь на надзирателя. — Дивона!..

Три жены переглянулись и глухо заворчали.

— Камиль! — звонко сказала Лёля, задыхаясь от сердечной боли. — Ты только взгляни, что я тебе принесла!

Она порвала зубами шпагат — и развернула рулон. И, не отрываясь, смотрела в лицо обманщика, и крепко держала на поднятых руках прекрасное сюзана.

Камиль молчал. И три жены молчали. И надзиратель молчал. В комнате было сумрачно, и сказочные павлины на фоне золотых и красных цветов казались живыми. Роскошный хвост одного павлина, сидевшего внизу, был раскинут и пылал перламутровым костром, а другой — взлетал ввысь, начав распахивать чёрно-зелёные крылья. По всему ковру были раскиданы серебряные звёзды, упавшие с неба, а к ярким цветам страшно было прикоснуться — могли обжечь.

Лёля продолжала держать сюзана и всё так же пристально и тревожно следила за лицом Камиля. Сердечная боль ослабла, потому что Лёля поняла: он вспомнил, узнал.

— Это — мне? — тихо спросил Камиль.

— Конечно, — улыбаясь, сказала она. — Как договаривались.

Он протянул руку и осторожно коснулся кончиками дрожащих пальцев шёлковой узорной поверхности.

— Это сделала ты? — спросил он, с каким-то страхом глядя на Лёлю.

— Да. Для тебя.

Камиль покачал головой, вяло прошептал:

— Рахмат, — и долго вглядывался в её лицо и не мог ничего разглядеть, а потом повернулся и пошёл прочь, косолапо покачиваясь.

Но возле двери остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Ты меня убила, слышишь?

— Я люблю тебя! Я люблю и поэтому так старалась! — выкрикнула Лёля.

— Я хочу умереть, — сказал Камиль.

Стоял — и не оборачивался, и не уходил.

А Лёля держала свой подарок. И ждала, когда Камиль обернётся.

— Я хочу умереть, умереть, — повторил Камиль.

— Ты вот что... — буркнул надзиратель. — Ты это... значит... брось ваньку валять!

Камиль обернулся и посмотрел на всех.

— Слушайте, вы, пустые люди! — громко сказал он. — Эй вы, бестолковые! Моя первая жена, моя вторая жена, моя третья жена... Вы только и можете — стирать бельё, нянчить детишек и чесать свои длинные языки с соседками! А ты, гражданин надзиратель, только и можешь — греметь ключами и звонко стучать подковами. А эта женщина, эта женщина... эта женщина... — и он вдруг заплакал, и резко вытер узкие глаза тылом ладони, а потом закричал, вскинув руки: — Эта женщина — единственная моя жена! Вы все — прочь! А ты, Лёля... слушай, джаным, слушай, моё сокровище. Не ты меня, я тебя буду любить, слышишь, Лёля? Ты только, пожалуйста, дождись, когда я выйду...

— Я дождусь, — быстро сказала она.

— Пока ещё рано, пока следствие... понимаешь? — сказал Камиль. — Скоро суд... Может, простят? Нет, не простят, конечно. Ещё устроят показательный процесс, вот увидишь... Но ты меня дождись, пожалуйста! — Конечно, конечно.

Камиль схватил её за плечи и притянул к себе. Сюзана выскользнула из её рук, упало на цементный пол.

— Ну, вы это... кончайте ваньку валять! — сказал смущённый надзиратель.

— Лёля, девочка! — торопливо говорил Камиль, охваченный любовным восторгом. — Пожалуйста, пусть всегда так будет! Если разлюбишь — подохну как собака. Слышишь, джаным, буду молиться на тебя, на руках буду носить... Эх, свадьбу сыграем, Лёля!

— Да, да, обязательно, — кивала она и гладила, гладила его стриженую голову.

— Неделю будем гулять! Нет, айнаным, две недели! — выкрикивал Камиль. — Костры во дворе будем жечь, как положено, Лёля, и трубы будут играть, Лёля, Лёля, и барабаны всю ночь будут бить, чтобы соседи не спали и слышали... Лёля, солнце моё!

— Да, мой хороший, всё как ты захочешь.

— Нет — как ты! Как ты!..

Чем всё кончилось — мне неизвестно.

А если кто-нибудь скажет, что эта история выдумана и быть такого не может, — я ничего не отвечу.

Сказка, миф, пустая легенда, сентиментальная сплетня? Ну и пусть. Я и сам во многом сомневаюсь и знаю, что люди бывают разные — добрые и злые, умные и глупые, и зло чаще побеждает, и эгоизм правит миром... Но я верю, что есть любовь, и она прекрасна, хотя, быть может, любовь не более реальна, чем туман над рекой...

Вот я тут сижу, пишу, печатаю, придумываю всякие чудесные истории про чужое счастье... а в это самое время, быть может, кто-то далёкий и ненаглядный ткёт для меня сюзана.

Не уверенность, не надежда, а одна лишь мечта об этом — успокаивает моё робкое сердце.

Сергей Кузнечихин Хирург и поэт

Юноша с экзотичным для Сибири именем Гамлет писал стихи и усердно штудировал азы медицины не потому, что не верил в свой поэтический дар, и даже не потому, что мужчине нужна земная надёжная профессия, способная прокормить,— просто он мечтал стать врачом

И он стал им. Несмотря на то, что время и обстоятельства подталкивали на другие дороги. Его мать, Евдокию Дмитриевну, увезли под конвоем из орловской деревни Княгинино, где она работала учительницей начальных классов. Отца, Арменака Ованесовича, студента железнодорожного института, арестовали в Тбилиси. Разные тюрьмы, разные этапы. Одной — Дубровлаг, другому — Новая Земля, Воркута, 503-я стройка. Разные зоны, но одинаковая пятьдесят восьмая, и колючая проволока везде одинаковая. Встретились, когда прибыли на поселение в Енисейский район. Кстати, именем своим будущий хирург и поэт тоже обязан зоне: режиссёр лагерного самодеятельного театра доверил заключённому Арутюняну главную роль в знаменитой пьесе Шекспира, и «крепостной» актёр имел успех.

Гамлет был вторым сыном, рождённым в заключении, и реабилитирован вместе с родителями в 1956 году (в четырёхлетнем возрасте). Казалось бы, человеку надо обидеться на жизнь, озлобиться. Но вопреки всему рождённый в неволе мальчик вырос в большого доброго мужчину: любящего сына, надёжного друга, прекрасного хирурга и поэта с собственным голосом.

И медицина, и поэзия требуют всей жизни без остатка, но в Гамлете Арутюняне обе эти ипостаси уживались без вражды, без ревности. Более того, они помогали друг другу: хирург постоянно напоминал поэту о людской боли, поэт не позволял душе хирурга огрубеть и ожесточиться. Если хирургия — это не только «золотые руки», но и доброе сердце, поэзия — не только стихотворная техника, но и судьба. Знаменитые строки Давида Самойлова: «Всё есть в стихах — и то и это, но только нет судьбы поэта, судьбы, которой обречён, за что поэтом наречён...» — это не про него.

Гамлет Арутюнян был хирургом с отзывчивым сердцем и поэтом с неповторимой судьбой. Первое может подтвердить множество людей, возвращённых им к жизни, второе — стихотворные сборники «Светает», «Плёт», «Друг Горацио», «Встревоженное небо», «Комариный клавесин», «Матушка», «Не студи мне душу, хиус!».

Софья Григорьева

До потери пульса

В моей жизни было два Гамлета Арутюняна. Один — высокий стройный юноша с тонкими чертами лица, с чёрными кудрями и восторженным взглядом. Было видно, что он, юный студент, успевший написать лишь несколько стихотворений, счастлив оказаться в компании Олега Корабельникова, Сергея Федотова, Виталия Шлёнского, Сергея Кузнечихина — моих друзей по литературному объединению «Лукоморье», в багаже которых были уже готовые (но не изданные) книжки. Мы шли по солнечному Красноярску, болтали обо всём на свете, пикировались, выдавали сиюминутные экспромты — молодые, остроумные, раскрепощённые, возросшие в оттепельное время и уверенные в своей одарённости... Наш новый знакомый молчал, смотрел на всех с обожанием и только чуть смущённо улыбался. Голоса его я тогда так и не услышала.

Потом изыскательская профессия и семья надолго оторвали меня от творческого круга, и мне через третьи руки передали не первый уже поэтический сборник Арутюняна «Друг Горацио». Помню своё восхищение этим заглавием книги. Умница Гамлет!

А перекрёстков не было. Единственно, однажды услышала объявление о встрече с ним в Доме журналистов и пришла. Послушала его стихи (умница, умница!), послушала стихи, посвящённые ему. Благодарный пациент, которому (мне так кажется) в голову бы не пришло адресоваться к другим врачам, создал настоящую «оду Принцу». Не признающую поэтических размеров, не блещущую рифмами, но искреннюю «до потери пульса»... Подойти к герою дня я тогда постеснялась.

И только когда Наташа Ольхова, ведущая рубрики «Эскулап» в газете «Комок», спросила, не могу ли я взять интервью у заместителя главврача онкоцентра, я согласилась без колебаний. Осмелела! Во-первых, уже имела более близкое отношение к пишущей братии, во-вторых, собиралась задать для себя лично вопрос: может ли человек с улицы попроситься на обследование именно в эту клинику?

Помню, как перед дверью его кабинета притормозила в сомнениях: узнает или не узнает, надо ли напомнить о давнем знакомстве или... Но едва я переступила порог, Гамлет легко поднялся из-за стола: «Сося! Проходи, садись...»

Интервью запомнилось оптимизмом. Арутюнян с гордостью говорил о российских хирургах: если за границей медицинская техника,

приборы, инструменты, то у нас — ручки (его словечко), талантливые руки врачей... И на мой вопрос он ответил: да, конечно, можно и с улицы...

Дома я впервые заговорила с мужем о том, что надо сдаваться онкологам. До этого были только подозрение и страх. Мой Григорий традиционно отмахнулся: «Не суетись, никуда не пойду!» И только когда начались боли (думаю, нестерпимые, потому что мой родной человек умел терпеть!), мы поехали на Смоленскую.

Очередь на УЗИ оказалась огромной — ждать больше месяца. Тогда ноги сами повели меня к знакомому кабинету, где я встретила... Костю Ерёмину — знакомого поэта, очень симпатичного человека, который недавно на моём юбилее пел и играл на гитаре. Сейчас нас объединила одна беда...

УЗИ мы прошли немедленно, нам выделили койку в торакальном отделении, а мне разрешили дежурить у постели мужа даже ночью. Неверующая, я начала молиться Богу — не за него даже, а за Гамлета, чтобы у него хватило мастерства вырезать злосчастную опухоль. Помнилось наше интервью!..

Не вдруг сообразила, почему он при каждой встрече повторял: «Держись!» Я заходила к нему чуть ли не каждый день, ненадолго, подпитаться уверенностью в благополучном исходе... А он уже тогда всё понимал и только заклинал: «Держись!..» Но жизнь жестока, болезнь, против которой он боролся сорок лет, коварно отомстила доктору.

Гамлет Арутюнян

* * *

Столько лиц, столько лиц, столько лиц
мне запомнилось — хмурых, весёлых...
В них вместились и вспышки зарниц,
и глухой енисейский посёлок.

Лесорубы! Вы были людьми!
Вас статья роковая сближала.
И скользили морозные дни
с замороженного вокзала.

Ежедневно сквозь сизый туман
вас в тайгу уводила дорога.
Забывались скитанья, обман,
когда тело вскипало под робой.

Возвращались, не чувствуя ног,
вьюга в небо волчицею выла.
А душа, как замёрзший щенок,
под рубашкой тихонько скулила.

Спи, душа. Среди бурь и тревог
всё запомни и чистой останься.
Ведь когда-нибудь кончится срок —
и обмана откроется тайна.

Столько лиц, столько лиц, столько лиц
выплывает из зимнего мрака...
И мелькание маминых спиц,
и дощатый забор у барака.

* * *

- В тихих торжественных сумерках
будто фосфор кругом разлит.
— Ну, что ты опять сутулишься?
— Мама, листва горит!
- Что ты, ей-богу, празднуешь?
Ставни сходи закрой.
— Мысли приходят разные,
грустные все до одной.
- Эка, недолго мучиться.
Ведь толком ещё не жил.
— Знаешь, а вдруг получится
голову положить?
- Что ты, сынок? Одумайся.
Сам себя не суди.
Этим нехитрым умыслом
душу не изводи.
- Всё ходишь, всё рассуждаешь,
нешто старик какой?
Уймись. Отдохни. Оттаешь.
Глянь вон — закат над рекой.

* * *

Я стану дождём,
любящим свою землю.
Не тем летним
сиюминутным шалунишкой,
а дождём-тружеником,
дождём,
которым нагружены
тяжёлые баркасы туч.
Я выпаду там,
где от жажды
сгорают посевы,
где высохли реки
и рыбы ждут разлива,
где среди многих
притулился твой огородик, мама.

МАМА. ОТЕЦ. ДЕД
Время — безмолвный истец.
За временем — мой отец.

Он в возрасте, что и я.
И у него семья:

жена, три сына, дочь.
Холодная длится ночь.

Словно в немом кино —
деревня моя Каргино.

Рыжее утро. Тишь.
В чистое небо глядишь.

Не крикнуть и не позвать...
А в доме отец и мать.

ЭПИТАФИЯ

I.
Прощайте, любимые,
мне не угнаться
за этим смещением
дней и ночей.
Мне ниже и ниже
главою склоняться.
И лечь в эту землю
без громких речей.

Я тоже был лёгкий,
я тоже был смелый
и женщину каждую
нежно любил.
Молчат мои губы,
молчит моё тело
среди сотен российских
промёрзших могил.

Эх, надо бы лучше!
Эх, надо бы звонче!
Эх, надо бы выше,
да, видно, устал.
И друг закадычный
мне что-то бормочет
и грустные строчки
отправит в журнал.

II.

Ничем не измерить
потерю, утрату.

Ничем не заполнить
души пустоту.

Любите друг друга,
как брат любит брата,
как день любит солнце,
как ветер — мечту.

Не надо прощаться,
ведь всё поправимо.

Не надо прощаться,
ведь всё впереди.

И строчки, как птицы,
проносятся мимо...

И чем-то окончатся
птичььи пути?

И в час, когда звёзды,
как капли свечи,

на землю ночную
всё падают, падают,

ты лучше всего
посиди, помолчи.

Глядишь, и кого-нибудь
строчки порадуют.

Исчезнет тогда
ощущенье беды.

Почувствуешь, что
не растратил весь порох.

До встречи, любимые!

Наши сады

опять расцветут

на задёрнутых шторах.

Ольга Гуляева

* * *

...Но ходишь в храм или не ходишь в храм —
 Душа и пуля весят девять грамм.
 Светило в небе ходит колесом,
 И человек под небом — невесом.
 Никто не подтвердил, не опроверг —
 А был ли мир, а был ли человек.
 Летит и усмехается, летя,
 Его благословенное дитя,
 Его бесчеловечное дитя;
 Летит к несуществующим мирам.
 Душа и пуля весят девять грамм.
 В сознании вращается Земля
 И исполняет мне «Полёт шмеля».

МАК

Всё было нежно и наивно,
 И голос звонкий воробьиный
 Напоминал овал;
 На горизонте придыхало,
 И мак глазами Фриды Кало
 Краснел и набухал;

По саду вишенки босые
 Ходили и шептали: Сыне,
 Пойми и вразуми,
 Окутай мирными мирами
 На полосе Твоей нейтральной
 Ложащихся костями.

...Найдя холодный пятый угол,
 Мужчина с женщиной друг друга
 Любили второпях,
 Ходили вишенки босые,
 Соседи лаяли, а псы их
 Молчали на цепях.

НОВОКАИН

Чувствуй, если нет новокаина: красота мгновенна и легка,

Красота нелепа и наивна в роли Человека-паука.

Степи-буераки-реки-горы, там, среди бесчувственных руин,

Мир (славяне, турки, англосаксы, крокодил, макака, бог ли, царь)

Вообще не хочет ни спастись, ни бежать кого-то там спасать.

Дьявол усмехается из ада — не рабам, конечно, не рабам —

Мировому пролетариату доверяя горн и барабан.

Пролетариат пыхтит блаженно, в барабан стуча и в горн трубя,

Выходя на миг из роли жертвы, выходя, по сути, из себя.

Барабан, стуча, зовёт на танцы (как реклама ярко — на Пхукет)

Красоту кварталов пролетарских и её летающий пакет.

Человек бесстрашно и бесстыдно утверждает, что покажет им,

Если человека в роли тыквы приглашают на Хэллоуин.

Им бы ямбы, им бы, им бы, им бы. Мне они не нравятся, и да:

Красота нелепа и наивна, но она спасает иногда.

ЯЩЕР

Чёрным огнём сияющ,

Перемещаясь ловко,

Мой огородный ящер

Напоминает Лорку.

Между медуз, и пальм, и

Птиц, и членистоногих,

Взятая тварь по паре,

Плыл он в ковчеге Ноя,

Чтоб оказаться, ехал,

Глянцевый, но усталый,

В радостном мире, где хо-

Ронят меня с гитарой;

Без «доказательств вящих»,

Не умещаясь в цифру,

Мой огородный ящер

Ртутен и антрацитов,

Он и огонь, и пепел,

Точки и апострофы,

Люди и звери, пере-

Жившие катастрофу.

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Про меня тогда умолчала пресса,
Только им послушать было меня не сложно.
Сначала они говорили, что интересно,
Потом говорили, что это ложно.

Я хотел посмотреть на танцы живых команчей,
На жирафа в дикой живой природе,
Но сидел и смотрел, как какой-то мальчик
Море слёз аки посуху переходит.
Синеокие девы пили на пляже сидр
И качали белыми головами.
Я же экономил радость свою и силы,
По-собачьи море переплывая.

И вот я иду по оврагам и по болотам.
Небо на горизонте отсвечивает бордовым.
Перепрыгнув экватор, моя надувная лодка
Входит в акваторию Эквадора.

Земля, земля — кричит боцман Денис Мацуев.
Нас встречают команчи, и все танцуют.
Замёрзло зимой
Море, по которому шёл домой.
Дома было всеобщее празднество.
Не знаю, зачем я туда отправился.
Там было деревце.
Не знаю, на что надеялся.

Я им всё рассказал без запинок и без заминок,
Но они считали слоников на комоды,
Почему-то они называли мифом
И меня, и моё хождение за три моря.

Всё ты врёшь — они говорили,
Стращали институтом психиатрии.

И сейчас говорят: не было никакого моря,
Море — не бывает вранья нелепей, —
Выпивают, считают слоников на комоды,
И мычит телёнок в грудной подклети.

ЧЕРЕВИЧКИ

Окна домов становятся зимним светом.
В Северном полушарии видно с Земли комету.
Комета над крышами — яркая и большая —
Скоро отправится в Южное полушарие.

Работник обсерватории пишет в своём отчёте:
«Вакула, кузнец, полетел в Петербург на чёрте».
Звездочёт удивляется: вот откуда
Всё время берётся этот кузнец Вакула?

Кузнец, управляя чёртом, взлетает выше,
Видит деревья, трамвай, меховые крыши,
Видит жилые районы, замёрзший Днепр;
Летит в Петербург, оттолкнувшись от тверди неба;

И вот уже фиксируют аппараты:
«Вакула, кузнец, на чёрте летит обратно».

Стоит ли эта Оксана таких усилий?..
Смотрит Вакула с неба, а там — Россия —
Храмы монументальны, витрины её сусальны —
Вакула-кузнец черевички везёт Оксане;
Чёрт истерит, за ляжку его кусает.
Вакула-кузнец черевички везёт Оксане.

Звездочёт удивляется: вот откуда
Всё время берётся этот кузнец Вакула,
И почему пространство кругом мерцает,
Когда кузнец черевички везёт Оксане?
(Звездочёт не видел лица его,
Когда он черевички везёт Оксане.)

Чёрту пинка наладит у Дома быта.
Оксана, зардевшись, скажет: «Не надо было».

...Где-то в обсерватории, когда-то до нашей эры
Гоголь, считая звёзды, пишет свою поэму.

Гоголь живёт в поэме или в романе.
Фиксируют аппараты: полёт нормальный.

БЕССМЕРТНИК

Носятся, носятся, носятся, носятся
Вечные страницы, тучки небесные,
И распадаются в свет, и становятся
Мёртвой волчицей в платье невесты;
Воя, волчица передвигается,
Расчеловечена, очеловечена,
Боги с героями светят, но гасят их
Тучки небесные в шкуре овечьей.

Влёт забываясь, упоминания
Вслед за волчицей воют волчатами
По малышам, остающимся в Нарнии,
Не напечатанным, не отпечатанным.
Тучки, разлившись по небу над кровлями
Кровью багровой противников Кромвеля,
Сходят на землю ударной волной
И на секунду становятся мной.

И распадается, и рассыпается
Свет на цвета, небесами даруем;
Белые пальцы в оскаленной пасти;
Я — штриховальная линия Врубеля,
Не основная сюжетная линия,
Гипсовый слепок руки Паганини,
Линия жизни, пробившая горло,
Ставшая прахом хибара Ван Гога,
Каббала, Куба, медуза, акула...
Свет распадается, но на секунду.

Через секунду в небе разверстом
Нет ни волчицы, ни мёртвой невесты,
Только бессмертник с тремя головами,
Незабываем...

* * *

Трамваи, хохоталища раззявив,
В себя народ впускают как хозяев,
Народ в одеждах из овечьих шкур.
По Ленина идёт со службы кто-то,
Не ставший даже частью хронотопа,
Шагает, спотыкаясь о бордю.

Порхают цвета пепла пепелацы,
Порхает цвета пепла некто в ластах —
Он не стритует, это просто аск;
А тот, другой — пылинка, он снежинка,
Ему и пять копеек будет жирно,
Но всё туда же — вечно жаждет ласк.

К бордюру припаркован «Форд Мондео».
Звонит жене его хозяин — демон.
Мы, говорит, семья, имей в виду.
Затем напоминает про тотемы,
Затем рычит, затем меняет тембр
И добавляет: встретимся в аду.

Рустам Карапетьян

* * *

Начав с какой-нибудь пивной,
Очнёшься в дыме ресторанном,
И человек тебе другой
Покажется обетованным.

К нему потянешься слегка,
Весь в ключьях памяти и пота,
Но тьма накроет берега
И пыл словесного потопа.

И ты сползёшь с чужих орбит
В свои обиды и болезни,
Где дух над пеною парит,
Как недобитый буревестник.

* * *

Не старостью настал,
Но стороною снежной,
Где больше не тесна
Даль улицы прибрежной,
В себя вобравшей свет
Морозных дней коротких,
Где на причале снег
И на заснувших лодках,
Где нарастает лёд
Над чёрною и горькой...
Но уточка плывёт
Ещё за хлебной коркой.

* * *

Вытек пар из старых кружек,
Спит на доньшке глоток.
Голос твой слегка простужен,
Но плесни ещё чуток.

Хорошо принять немножко,
Если пусто за душой,
Посошком перед дорожкой
Бездну памяти чужой.

* * *

Не дёргаюсь, намертво скован
Морозом по самое дно,
Колышется смутное слово,
Как рыбы замёрзшей пятно.

И кажется мне, что надолго,
До самой границы земной,
Метельные вьются осколки
Зеркал, расколоченных мной.

И вечность не знают ответа
Глаза, превращённые в лёд,
Пока босоногая Герда
По минному полю бредёт.

* * *

Исчёркан города кроссворд.
Смеркается и не светает.
А снег метёт, метёт, метёт,
До горизонта замедает.
Глаза стеклянны и пусты
У электричек тупорылых.
Шагнёшь вперёд — и след простыл,
Как будто сумраком накрыло
Прохожих, улицы, года,
Перрона строчку на вокзале,
Всё то, что словно угадал,
Но не сошлось по вертикали.

* * *

Не знали мы дороги к Риму,
И Крым был между нами наш.
Давали на заводе «Приму»
Не пачками, а на метраж.
Её курили в кухне тесной,
И дым клубился, невесом.
И выговаривались честно,
Как будто было нам известно,
Что не успеем обо всём.

* * *

Несмотря на то, что холод
(Или зной невыносим),
Это твой вчерашний город.
Ты всю жизнь его носил,
Как смешной букетик хлипкий,
Чтобы в пьянстве лет и зим
Отдавать его с улыбкой
Всем единственным своим.

* * *

Словно схватил за горло
Цепкою пятернёй.
Сколько ни рвусь за город,
Город всегда со мной.

Взгляды витринных устриц,
Сонные фонари,
Рваные вены улиц —
Всё у меня внутри.

Заспанные кварталы
Над ледяной рекой
И монумент картавый
С вытянутой рукой.

* * *

Я имя знал твоё несправедно
И долго звал тебя неправильно
Туда, где сумерки неспешные
Все имена скрывают бережно.
Но ты ни разу не ответила,
И никого на свете не было.
И столько было в мире воздуха,
Ни зги в котором и ни отзвука.
Лишь раз присниться мне отважилась,
И сердце словно бы закашлялось.

* * *

Топчется возле тебя другой,
Но, разругавшись с ним,
Хочется просто побыть другой
Перед другим другим,
Чтобы из полымя да в потоп,
Попусту не скорбя,
Что застывает другой, как столб,
Сзади другой тебя.

* * *

— О чём ты спишь?
— О том, что не сейчас.

Уже давно последний звук угас,
И затвердело небо, как мозоли.
Давай ныряй скорей под плексиглас,
Мы слишком долго жили в мезозое
И вымираем в нынешней траве.

— О чём живёшь?
— О том, что в голове
Не уложить.

Стекает свет со слова.
И муравей, застрявший в янтаре,
В сто раз живей, чем хроники пустого.

* * *

Улей полон жидкого стекла.
Как бы этой сладости напиться?
Если ты с ума меня свела,
Значит, есть ещё в пороховницах.

Но не угадаешь наперёд
Посреди бескрайнего осота,
Сколько сил душевных заберёт
Время, застывающее в сотах.

* * *

В роман влипая или в повесть,
Как раньше в чью-нибудь тетрадь,
Теряешь стыд, затем и совесть,
А после — нечего терять.
Наоборот, накопишь опыт,
Хоть и сотрёшь себя до дыр,
Пока в итоге не угробит
Тебя безжалостный Шекспир.

* * *

Вот и книжечка очередная,
И рассыпчатый мелкий петит.
Я почти ничего не читаю,
Невзначай подзабыв алфавит.

Как бы вспомнить, что было в начале
И отмечено красной строкой?
Это слово когда-то встречал я
На странице — не помню какой.

Параллельны и тропы, и строки,
И смыкаются тропки в строке,
Где прописаны мы в эпилоге
На приснившемся нам языке.

* * *

Вдруг начинаешь повторяться
Среди скрещённых лет и зим,
Но продолжаешь притворяться,
Что всё ж ещё неповторим.

А карусель бежит по кругу,
Шарманка радостно орёт.
И тень толкает вдруг под руку,
И спотыкаешься вперёд.

* * *

Нырнёшь в трамвай с толпой народа —
И до конечной по кольцу.
Закрыты нос и подбородок,
И прилегает всё к лицу.
Кондуктор на автопилоте,
Сулит реклама благодать.
Качнётся мир на повороте.
Что дальше — и не угадать.

* * *

Столько лишнего загуглено,
Прежде чем нас чёрт побрал.
Столько нежного загублено,
Даже страх уже пропал.

И глядим из мира нижнего
На оставленный бардак:
Сколько всё же было лишнего,
Без которого никак.

Сергей Смирнов

Норильчанка

Л. Г. Смирновой

Сквозь морозный туман с трудом можно было разглядеть гигантский параллелепипед обогатительной фабрики, врытый в крутой горный склон. Радужный свет немногочисленных фонарей и прожекторов плыл медленными тяжёлыми облаками, гонимыми невидимым течением стылого воздуха. Тени их сползали в каменную долину, а потом летели дальше, проносясь, словно ангелы, над заснеженным кладбищем заключённых, над неровными рядами столбов с колючей проволокой, над низкими бараками, занесёнными по крыши нечистым серым снегом.

Южный ветер не приносил тепла: откуда ему было взяться, если на юге лежали бесконечные равнинные тундры, и снег, сметённый со скал Норильского Камня, за четыре зимних месяца слежался, стал твёрдым, словно доска?

По натопанной тропке Тасе нужно было пройти всего шестьдесят шагов от остановки «Мана», странно большой автомобильной платформы, развозившей фабричные смены, до деревянной лестницы, поднимавшейся на горную террасу, где стояла новая обогатительная фабрика.

Ох уж эта лестница, девяносто семь ступеней, покрытых утоптаным сотнями ног снегом.

Лестница тоже привычно охнула под ногами прибывшей смены и втянула людскую цепочку под направленный свет прожекторов, чёрные палочки на белом медленно передвигались вверх. Ветер по-хозяйски сносил в сторону соцгорода сгустки людского дыхания, а может, это были просто облачка и струйки снега, сносимого с плоской вершины Рудной горы.

Тася поотстала, и подумала, сколько же раз она считала эти проклятые ступеньки. Вот они: раз, два... пять... десять... Они напоминали ей девчоночью игру в квартиры-клетки: каждая ступенька отличалась чем-то особым — торчащим гвоздём, мелодичным или визгливым скрипом, выбитой балясиной или прикрученной к перилам проволокой, — так и года стали отличаться теперь друг от друга, они перестали быть по-детски безликими, наполняясь во взрослой жизни важными событиями, имевшими точную привязку.

Где-то далеко в полузабытом детстве грохотал через полстраны её главный поезд, увозивший их с мамой и старшим братом в центр Сибири, в Красноярский край,— на Украине начинался голод. Тася ничего не помнила из того эшелонного времени, кроме своей красной шапочки с помпоном, которую украли, и швейной машинки, исчезнувшей вместе с братом; брат потом нашёлся, а машинка нет...

До семнадцатой ступеньки Тася едва переставляла ноги, спала с открытыми глазами, потом просыпалась, потому что сбивалось дыхание, на тридцать пятой нужно было повернуться спиной к ветру, а на пятьдесят третьей, где была небольшая площадка, можно было и отдохнуть, поклоняться колючему ветру, потерять шерстяной варежкой побелевшие щёки и нос.

Став постарше, она узнала, почему они попали в тот поезд, и поняла, какой был тогда год — 1932-й, с ужасом подумав, что было бы с ними, если бы отца не забрали в НКВД... Да, такой странный вывод. Что было бы с ними со всеми, если бы они остались на Украине? Ужасная голодная смерть?

Мама рассказала, что на отца написали донос и через день за ним приехали. Не хотелось думать о том, кто же это сделал, но и спасибо он тоже не заслужил.

— Сосед, матка боска, так бардзо любил наш дом,— сказала мама.— Сколько раз Жоре говорила: не пей з ним, не приглашай до нас,— ни, тржеба было самостановением проявить, пшепрашем, «Хай живэ» среди ночи заспеть. Як дети малые, а ведь войну мировую прошли, не что-то тебе. И Янека заодно в подкулачники записали... Та-а який вин пидкулачник?— она опять перешла на украинский.— Та й тату твий... який вин контррреволюцйонэр?

Перестук колёс, паровозная сажа...

Тася вспомнила отца, как он встречал их с мамой и братом на дебаркадере в Енисейске: вышиванка с косым воротом и пояском, и он, радостный, с жестяной коробкой леденцов для малой четырёхлетней дочки.

А потом начался Норильск, курсы фабрично-заводского обучения, новая полувоенная форма с блестящими металлическими пуговицами. Скрещённые молоточки на их выпуклой поверхности придавали значимость всему происходящему, расконвоированные преподаватели, профессора с седыми бородками, в треснутых очках, доценты ленинградских и московских вузов, давали им основы сложных наук — физики и химии. Уровень фэзэошников из сибирской глубинки был низким. Тася улыбнулась, вспомнив, как кое-кто пытался определять химические соединения на вкус...

На девяностой ступеньке Тася, тяжело дыша, опять остановилась, потопталась в квартирке-клетке за номером 1943, отдохнула, держась за ошкуренные пургой серые дощатые перила.

Под наглухо застёгнутым полушубком, по спине и груди под свитером ползли, щекотались юркие змейки, и завязки ушанки-сибулонки пришлось ослабить.

Что за странная в Норильске мода! Какая-то сибулонка, тонкая, на ватине, шапка, обнимающая голову, словно лётный шлем; военные пуговицы, кители без погон, мужские и женские, перешитые полушубки и шинели,— совсем не такая должна быть одежда у девушки!

«Отрез полушерстяного сукна стоит на рынке месячного хлебного пайка, не ровён час, с голоду помрёшь, если захочешь красиво одеться»,— подумала Тася.

Она уже разбиралась, что ей к лицу. Давно, году в сороковом или в тридцать девятом, в Галанино пришла баржа с депортированными из Литвы, в основном дети и женщины. Разгрузив баржу, солдаты-охранники сели в прохладном месте у воды, не заботясь, что поселенцы разбегутся,— некуда отсюда бежать, это и есть конечный пункт их перемещения по советской земле.

День был жаркий, и переселенцы сидели среди чемоданов и узлов на траве на солнцепёке вдоль деревенской улицы; по одну сторону стояли избы, по другую — под крутым приглубым берегом ярким мощным потоком шёл Енисей, выпуская на поверхность придонные холодные струи. Комарьё стояло тучами над вспененными краями речных блюд.

Солдаты, добыв самогону, переместились на деревянную палубу баржи, и буксир, распалив машину до огненных языков, гудя, тяжело ушёл вверх по течению; чёрный дым наносило на высокий берег, словно грозовые тучи.

Маленькая Тася с любопытством смотрела на прибывших, одетых в не виданную сельскими жителями городскую одежду. К вечеру они собрались на окраине деревни, зажгли костёр и долго пели протяжные унылые песни. Тася слушала их, не понимая ни слова, но смысл их и так был понятен: тоска, безысходность, чужбина... Дня через три литовцев, наконец, разобрали по избам. Тася сообразила, что сибирячки не особенно расположены к ним и что только чувство жалости может спасти их от голодной смерти.

Денег у перемещённых не было, невиданная европейская одежда и обувь сразу пошли в обмен на еду. Жена старшего брата выменяла для Таси модельные туфли с маленькими кожаными бантиками, в которых небольшого роста Тася с гордостью ковыляла по деревенским ухабам и казалась себе первой красавицей.

Тасин старший брат работал в «Леспродторге» продавцом, часто уезжал в командировки на плотбища, где собирали плоты и сплавляли их вниз по Енисею. Из кедра изготавливали не только карандаши, но и оружейные приклады, из сосны и ели — снарядные ящики. Тася понимала, что где-то идёт война, отсутствие мужчин, и вывезенные из далёкой Литвы женщины, и огромные плоты, и полуголодная

жизнь — это её следствие. А когда в Галанино вернулся фронтовик без руки, смотрели на него как на человека из другого мира: выгоревшая гимнастёрка, медаль, нашивки за ранения и лихая радость в глазах, что остался живой.

У брата родилась двойня, две девочки, их назвали Таня и Тома. Тася случайно услышала, как брат с женой решали, какую из девочек оставить в живых, боялись, что не смогут прокормить обеих.

Это настолько поразило и испугало Тасю, что она замкнулась в себе и несколько дней не разговаривала с женой брата, боясь увидеть, как она умело месит тесто сильными руками.

Потом Тася догадалась, что есть кто-то, кто наблюдает за всеми и управляет судьбами всех людей, укорачивая или продлевая их, и этот Он не задумывается, сможет ли человек справиться с теми делами или испытаниями, которые ему назначаются.

Он проверяет всех на силу и твёрдость духа и не выбирает, кому дать задание полегче, кому потрудней.

Про себя Тася всё-таки решила, что Он оберегает и хранит именно её. . . Лестница кончилась. Мысли Тасины ещё толпились где-то между сороковым и сорок третьим годом, но она уже была готова к работе.

Она очень опасалась опоздать, но увидев внизу, в свете прожекторов, человеческую фигуру в шинели, немного успокоилась — значит, она была не последней. А то, что этот человек был далеко, тоже было хорошо, ведь, если привяжется, с лестницы с этой никуда не сбежишь.

Потом оставалось пройти ещё двести метров фабричным двором, ощущая над головой бетонные громады рудоспусков, вдоль чёрной, выщербленной морозом кирпичной стены основного корпуса, где наводили тоску забранные решётками пыльные окна, и нырнуть за металлическую дверь с огромным противовесом, открыть которую можно было, лишь навалившись на неё всем телом.

Уф-ф, наконец-то Тася оказалась в широком, плохо освещённом коридоре, сдвинула мокрую шапку на затылок, расстегнула две верхние пуговицы полушубка и остановилась: по одну сторону коридора стояла серо-чёрная толпа заключённых.

Это было странно, потому что обычно зеки переходили из жилой зоны в рабочую у другого фабричного входа. Узкий проезд между рядами «колючки» был всегда свободен. У приоткрытых ворот жилой зоны стояли солдаты с автоматами, один выкрикивал фамилию заключённого, и тот быстро перебежал проезд, делая несколько глотков воздуха с воли, хоть и не отличался он ничем особенным, так же пахнул сернистым газом и угольной пылью.

У фабричных ворот запыхавшегося зека встречал другой солдат в белом полушубке и валенках, ставил крестик в длинном списке на плотной картонке, и человек этот в сером вбегал на территорию фабрики.

Да, да, это было очень странно... И Тася быстро пошла, почти побежала вдоль этой зашевелившейся шеренги, стараясь не смотреть в ту сторону, откуда сразу слышались смачные шлепки, чмоканье и грубый смех. Знакомых лиц Тася не разглядела. Видимо, это был новый этап с другого лагерного пункта.

После техникума Тася работала на фабрике пятый год и к своим двадцати четырём годам доросла до сменного мастера, а в смене работали в основном заключённые, перекидывали лопатами руду и концентрат. Гул работающих мельниц, сепараторов, сгустителей, мягкий шелест транспортёрных лент, стук ссыпавшейся в бункер руды,— все эти звуки стали ей привычными и родными; но и привычно страшно было увидеть свечной огонёк под уклонами сепараторов, где уголовные играли в карты, или разбитое в кровь человеческое лицо: кто-то с кем-то не поделился, и блатные устроили правилку.

«Что же случилось? Почему они стоят здесь, почему не работают?»

И сейчас главным было — проскочить этот проклятый коридор, проскочить в понятный и надёжный в своём постоянстве гул механизмов и обогатительных установок.

Коридор... после него она уже знала, какие у неё руки и ноги и что надето под полушубком, и ватными брюками, и под свитером, и под...

Но напоследок, перед входом в цех, всё же услышала неприятно новое:

—К нам заворачивай, вольняшка! Мы тебя не больно отымеем!

«Что-то совсем они осмелели», — подумала она.

Коридор позади, Тася расстегнула полушубок, сняла шапку, помала ею на себя, как веером... Вот и стеклянная каморка — мастеровая.

Можно выдохнуть кислый воздух полутёмного коридора.

В мастеровой было накурено, у стен и за столом стояли и сидели человек шесть или семь. Костя Цхоев что-то быстро говорил на каком-то тарабарском языке, — Тася не могла разобрать ни слова, — на смеси русских и осетинских слов или на русском с диким осетинским акцентом, которого раньше у него не было.

—Что случилось, товарищи? — спросила она обеспокоенно, стряхивая с полушубка снеговую влагу. — И никто не работает почему-то. Авария, что ли?

В этот момент далеко и глухо ударил в ночи гудок металлургического завода и тут же распался на прерывистые тревожные звуки азбуки Морзе.

—Сталин... — Костя проглотил комок в горле, — умэр...

Фабрика отозвалась воем сирены.

Умер Сталин?.. Этого не может быть!

—Как... умер?.. — прошептала Тася.

Она почувствовала неприязнь к Косте-осетину.

«Что это он такое выдумал? Шуточки кавказские! Да как может умереть товарищ Сталин? На нём же держится всё, всё, что есть

в нашей советской стране! Он же дал нам всё! Построил здесь, на Севере, огромный комбинат, выучил, научил нас работать, накормил! Прислал сюда лучших профессоров и учёных, чтобы они учили людей строить, добывать руду, плавить металл... Ведь это он... он... дал нам путёвку в жизнь!»

— Костя! Костя! — крикнула она. — Что ты такое говоришь!

Люди в мастерской молчали, никто на Тасю не смотрел. Зина из цеха флотации тихо плакала, вытирая лицо рукавом спецовки.

Цхоев, кривя рот, снова заговорил, коверкая свою и так невнятную русскую речь. И вдруг запел что-то торжественное и печальное, перекрывая и гул фабричной вентиляции, и сирену, и отдалённый заводской гудок. Незнакомая мелодия то влетала в эти разномастные звуки, объединяя их, то выскальзывала, поднимаясь вверх, и замирала на самой высокой ноте. Дирижёр, певец и оркестр — всё это вместе напоминало лязг мехов гигантской стальной гармошки.

Тася не смогла сдержаться и горько заплакала. Она поверила, что товарища Сталина больше нет, Костя Цхоев не мог, не имел права так разыгрывать её. Она никогда не видела столицы СССР, не знала, не задумывалась, куда каждый вечер или утро приезжает товарищ Сталин. Москва и Кремль казались ей такими далёкими, просто несуществующими, потому Тася не могла себе представить, как и где лежит сейчас Великий кормчий и кто стоит рядом с его гробом, но ощутила запах свежей, ожившей в тепле ёлки. Запах был тоже горький, терпкий и совсем не напоминал о Новом годе.

Это был запах Его смерти.

Она так и подумала уверенно: «Он — умер».

Но охватить единым взглядом или чувством размеры упавшего на всех горя Тася не смогла, как не смогла бы увидеть и с птичьего полёта огромную свою страну, часть которой находилась во мраке и спячке, и там горели редкие огоньки промышленных посёлков и великихстроек. Другая часть только просыпалась, подёргивала натруженными мышцами под утреннюю песню маневровых паровозов и марш ударников труда. Третья, отработавшая смена страны ещё не смыла с рук и лиц кузбасскую и донецкую угольную пыль, ещё ехали в «Мане» норильские плавильщики и обогатители, отгрузившие в плавильные печи номерного двадцать пятого завода тонны концентрата.

Подумалось Тасе, что любая большая народная радость, как пуск Днепрогэса, или победа над фашизмом... или... Да, большая народная радость, как и большое народное горе, состоит из радостей и горя каждого отдельного человека, каждого советского гражданина.

И она вновь увидела себя маленькой семилетней девочкой, бегущей в школу по снежной санной дороге через енисейскую тайгу, где за каждым кустом мерещились зелёные огоньки волчьих глаз, и она очень боялась отстать от больших ребят, а до школы было целых восемь километров. Ощутила на своей щеке небритую щёку отца,

которого не видела несколько лет и только догадывалась, в каком из сколоченных на скорую руку населённых пунктов, разбросанных по поймам Енисея и его притоков, отбывает он отпущенное ему на поселение время. В последний раз заглянула в глаза матери, стоявшей на берегу и провожавшей её, Тасю, на далёкий Север, на строительство металлургического комбината. Тася снова и снова, как во сне, видела вёсла большой лодки, опускающиеся без всплеска в енисейскую воду, а материнский взгляд расплывается в тумане времени, отдаляется... вот и матушки нет на свете уже одиннадцать лет.

Тася не могла вспомнить, когда мир перестал быть сверкающим и цельным, распался на куски воспоминаний, и был ли он когда-нибудь добрым.

«Что же будет дальше? — думала Тася. — Как мы будем жить дальше без Него?»

Тася уже не замечала, что плачет не о смерти товарища Сталина, а о своей неласковой одинокой судьбе. Всё на земле, и будущее тоже, застилали эти мартовские слёзы пятьдесят третьего года.

...Костя перестал петь, но вечная погребальная песнь не закончилась, оборвавшись на полуноте, она ещё звучала, ещё со скрипом и скрежетом ходили, вздувались и опадали в агонии остывающие меха: неужели мир никогда не сможет жить без несправедливости, смертей и утрат?

Дверь мастерской распахнулась, и в каморку с новой силой хлынул гул большой обогатительной фабрики.

Норильск, ноябрь 2014, 2022

ЧАЙКИ НАД МЫСОМ ДООБ

Николаю Левченко, черноморскому водолазу

I.

В ночи крошечной, новороссийской, по трагической нелепой случайности круизный лайнер столкнулся с сухогрузом и ушёл под воду за восемь минут, хотя и был больше причала, от которого отошёл, и казался непотопляемым.

Лощманы, пограничники, курсанты из экипажа собирали в темноте живых, кто с пароходом не ушёл в глубину и кого не порубили винтами пассажирские «Кометы», примчавшиеся спасать. Таранивший сухогруз с продавленным ахтерпиком тоже залез в зону катастрофы — кого спас, а кого добрал, утащив в кильватерную струю, перемолол, не заметил в бликах октябрьской ночи, надежду дал, но не исполнил её, обезумевший.

Судовая мелочь по сто с лишним человек на борт приняла, приотпилась, волны через палубу перекачивались.

На то она, совесть и честь моряцкая, жива...

С рассветом призвали всю флотскую водолазную службу, вспомнили всех, кто когда-нибудь «золотник» целовал или загубник во рту держал, подняли всех, как на войну.

Николая, военного водолаза, только днём вызвали — из Геленджикской бухты катер подошёл.

Ещё никто не понимал, что произошло, но если водолазов поднимают — значит, нужно, значит, трагедия.

На палубе водолазного дубка места мало, шланги воздушные, компрессор, колокол, лебёдки с тросами, снаряжение водолазное на все случаи подводной работы.

А штормит уже семь часов. Как будто души погибших шторм этот подняли, заморщили и раскатали морскую гладь. Болтаются катера-скорлупки, топливо жгут, прячутся и в гавани, за волноломом, и погрузиться водолазам нельзя, и место не определено.

Эхолот из-за болтанки пишет глубину то в сто, то в сорок метров, пароход на ленте виден — это к тому, сколько до братской могилы.

Военморы буй поставили, свето- и радиомаяк на нём, сторожевой корабль качается, водолазы в резине сидят без шлемов, ждут команды.

Наконец задвигалось всё: «К погружению!» — вниз, но слабая вероятность, что люди там могли остаться живые в пузырях, нет таких счастливых историй. Трёхболтовые-трёхпалые тяжёлые водолазы опустили, встали на грунт, увидели поверженную громаду, по тросам и шлангам оказалось пятьдесят метров. Пароход лежит на правом борту, свет слабый сверху проникает, но вода мутная — течение.

Постучали трёхболтовые свинцовыми подошвами по обшивке, по железу — тишина. Сигнальный трос по три раза дёрнули — наверх! Не потому, что труба дело или воздух кончился, а страшно в ответ стук услышать или в иллюминаторы заглянуть, хоть и привычно для водолаза — утопленника увидеть.

Определились, наметили план без приказов и бумажек, началась работа — тяжелей не бывает.

Спустя часы пошли лёгкие водолазы. Шторм и глубина серьёзные, долго не проработаешь, поэтому колокол спустили, и болтает этот колокол штормом, но тут уж не до техники безопасности.

Лёгкие из корпуса вынимают, трёхпалые вирают-поднимают на поверхность.

Коля вдоль борта левого пошёл, начал с верхней палубы, светил, а внутри корпуса вода почище, но кружится всё, скатерти, занавески медузами, тапочки наверху, под потолком, бутылки пустые. Людей нет.

А вот на нижней увидел Коля... Окошки круглые открыты, в них люди, волосы как водоросли, женщины, мужчины. Понять можно, если в лицо посветить.

Как же так, голова проходит, а плечи нет!

Матрос в тельняшке как живой смотрит на Колю, руками взмахивает, словно говорит: «Уходи отсюда, уходи!»

Николай зажмурился, дёрнул ластом — и дальше. А что там дальше? Посветил. Лучше б всю жизнь в темноте жил.

Ребёнка над столом увидел. В пелёнке. Глаза открытые, ресницы. Чуть фонарь не выронил, но фонарю ничего, он на прочном шкертике, а душа — на тоненькой верёвочке.

Водолазный бот у пятнадцатого причала встречали, сносили утопленников на брезент, фотографировали лица и украшения — шло опознание. Железные прутья гнулись на изгороди — это родственники погибших высматривали своих. Тут же военморы, матросики форменные, без оружия, штык-нож и повязка дежурного на синей суконке, охрана пирса, и от мародёров тоже. Чуть поодаль рефрижераторы на подъездных путях.

В сумерках у пивной подошли к Коле двое, женщина и мужчина. Пара как пара.

Женщина:

— Вы же — водолаз? Посмотрите с левого борта на третьей палубе... Очень прошу вас... Я не виновата, что...

Коля только рукой махнул.

Тут мужчина:

— Сделай, а, водолаз? Сколько денег?..

Коля пива отхлебнул, желваками поиграл, удержался, а если б не принял до того сто грамм «подводных», не успокоился, так получил бы мужик пригоршню мелочи — на сдачу. Мысль стукнула: не в деньгах счастье, а в самом счастье... кого посещает, а кого нет.

2.

Днище, бородатое и обросшее ракушками, опять перед ним, иллюминатор с трудом вычислил, во рту горечь от резины и привкус талька, в глазах — пелёнка и гладкий младенец.

Старшой водолаз парходные шхеры на чертеже ему показал, от какого шпангоута счёт вести. Непростое это дело — по затопленному пароходу пробираться: продольные коридоры на бок положены, поперечные в шахты превратились, но Коля марки, которыми шпангоуты помечены, на переборках нашёл. Мысль потом одна была: как лабиринты пройти? В колокол сходил, думал, а Петро, напарник, жизнь обеспечивал, ждал его там, баллон помогал снимать, так положено.

Петро молодой, а у Коли две дочери, одна ребёнка ждёт.

«Подожди, найду, найду тебя, внучок...»

И снова туда, в гибельный лабиринт. Сто метров коридора, каютные двери открыты, где-то филёнки выбиты — в панике спастись пытались, но ковровые дорожки внутрь кают всосаны, значит, кого-то через иллюминаторы в пучину, изломав, выбросило, они уж точно не жильцы, и вряд ли найдут их. А тех, что внутри, в темноте, луч фонарный не освещает — выхватывает руки, головы.

Коля себе: «Стой, душа, не рвись! На засов тебя!»

На той палубе в той каюте увидел — пелёнка уже под потолком, — не выдержал, фонарь отпустил, а тельце невесомое на ощупь пелёнкой этой обернул и с собой. Спасатель Петро его в колоколе принял, и младенца в пластмассовый рыбный ящичек уложил, и на руки свои дрожащие долго смотрел.

Казалось бы, сколько Коля матросов со дна поднял, привыкнуть бы, а пятнадцатый причал, как гора непреодолимая, чёрная и крутая, остатки дыхания забирает, и качает нудно и тошнотворно, как дубок на зыби. Только это не бот водолазный качало, а берег.

Коля глазами его, причал, шупал: ждут?

Сидел на рундуке, на железе, сначала ящичек на коленях держал, ноги враскоряку, — ждут, чувствовал, ждут его там, за изгородью.

Жду-ут.

Душа трепыхалась между второй и третьей палубой, муть несло по страшному коридору.

Стакан выпил, не запянул. Ждут. Через прутья смотрят.

Спустился вниз, в кубрик, полежал на диване, а ящичек наверху, и знал: смотрят на него сквозь железо, выходить придётся. Туда, к ним. К беде и безысходности, любви и нежности... И другое понимал: те, что ушли, покоятся на глубине в пятьдесят метров, а у живых всё прошлое обострилось до безумия и полного умопомешательства, выросло в тысячи раз.

И у этих, у мужчины и женщины. Кто они? Что у них? С чем пришли на скорбный причал?

Пожалел, что ни одной молитвы не знает, — открывай же, Водолазный Бог, свой поминальный псалтырь.

Вахтенный просунулся:

— Николай Егорыч, вас...

— Пошёл ты...

Под утро выполз в аллею, руки дрожали, подумал — старость, а ящичек нёс впереди, к груди внучка прижимал, сел под акацией.

Ждал.

Лучше б там остался, в триста тринадцатой каюте.

Женщина присела, тронула за плечо:

— Послушайте... как вас...

Мужчина в пиджаке добавил:

— Пусть сам откроет.

Пахло от него дешёвым одеколоном и вином.

Коля поставил гробик в фонарный свет.

— А как там? — спросила она.

— Холодно.

Женщина откинула пелёнку и склонилась над нагим тельцем. Смотрела молча, не притрагиваясь, потом заплакала.

— Это же... — выдохнул мужчина, — это же... кукла!

«Не-ет, это внучо-ок...» — подумал Коля.

— Простите меня, — сказала женщина, вытирая слёзы, — я не имела права просить вас об этом... Как там страшно, наверно, темно... вот, холодно...

Мужчина закурил и, морщась от дыма, смотрел в сторону.

Колю наконец отпустило, ему стало спокойно, потому что покатый тот коридор и каюта были теперь пусты, а внучок здесь, рядом.

— А что меня просить? Я... его... до вас нашёл, и... это... он... не ваш.

— Конечно, у меня не может быть детей, — сказала она.

Мужчина в пиджаке сплюнул.

Коля встал, поднял гробик с младенцем и враскачку, по-морскому, пошёл к пятнадцатому причалу.

Андрей Пучков

Знамя

На первый взгляд это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребяташки, играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако временами начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но дело не в этом — мало ли как бывает. Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычным было то, что они иногда замирали на месте и начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если, не дай Бог, в это время где-то раздавался громкий звук, не важно какого происхождения, они как по команде срывались с места и бежали к подвалу.

Поначалу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Они были круглыми сиротами. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго. И чтобы рассудок оставался нормальным, природа предусмотрительно приглушила боль от потери родных людей, загнав осознание этого на задворки разума. Некоторые из них, вообще без взрослых, неизвестно как выжили в подвалах разрушенного города.

Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но ничего не вышло. Каким-то непостижимым образом вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше друг с другом даже не были знакомы. Из двенадцати детей только трое знали друг дружку — их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, которые набрали в разрушенном неподалёку от них магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого мне пришлось выделить для них отдельное помещение и создать семью, состоящую только из этих ребяташек. Но самым кошмарным было то, что на ночь они забирались спать под кровати.

Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с ног сбились, пытаюсь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале...

В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — откликнулся я и негромко добавил: — Не заперто.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, — впрорхнула в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. — Алексей Николаевич, баба Надя... простите, Надежда Ефимовна, — смущённо поправились она, — просит, чтобы мы сегодня разрешили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с мариупольской группой...

— Присаживайтесь, Вера Андреевна, — кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница устроится, и спросил: — И о чём же она собирается с детьми говорить?

— Я не знаю. Она не сказала, — растерянно пожала плечами Верочка. — Она давно работает, может, у неё получится как-то повлиять на них...

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии. — Ну что же, пускай попробует, — согласился я, — плохого точно не расскажет.

— Так, хорошие мои! — раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади. — Давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж и заскрипели кровати.

— Ну вот, вижу, разместились, — довольно проговорила баба Надя и вдруг со смешинкой в голосе добавила: — Осталось только нашего уважаемого директора позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не будете против, если он вместе с вами послушает?!

Чертыхнувшись про себя, толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного — девятилетнего Стёпки, который, насупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот был самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задирался со всеми, даже с мальчишками, которые были старше его и явно сильнее. Но больше всего почему-то доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

— Я не знаю, правда это или нет, — между тем начала баба Надя, — было это на самом деле или придумал кто, но сказывают, что произошло это в вашем городе...

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях свёрток. — А чего произошло-то? — спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

— Чего, чего, — ехидно передразнил девочку Стёпка, — а то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

— Да, дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали валтузить их так, что только пух и перья полетели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом и зашли в этот подвал...

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом тяжело вздохнула.

— Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины там были, и старики, и деток малых много было. Увидел это самый главный нацик, обрадовался. Некому было заступиться за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить. Приказал он своим солдатам убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно...

Баба Надя замолчала и опять погладила лежащий на коленях свёрток.

В комнате стояла тишина. Дети замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Стёпка.

— Они же их не убили? — хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил: — Не убили ведь?.. Правда?!..

Баба Надя, как будто не слыша вопроса, продолжила:

— Увидели нацики полотно, и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех! Всех!.. Никого не щадить!..» И начали они стрелять!.. Но ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от полотнища и летели обратно, поражая их самих. Долго стреляли они. Уже целая

гора из их тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину... Не удержала она полотно... Выпустила его из ослабевших рук...

— Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! — прошептала Светик и закрыла рот ладошками.

— Нет, солнышко моё, — улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове, — не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! — кивнула она Стёпке. — И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! — повторила она, возвысив голос. — И закрыл людей! И опять закричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что если не справится, выпустит его из рук, защитить людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям, и бросил в мальчика бомбу...

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлипнула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

— Не повезло главному нацику! Глупый он был и дурной! — вздохнула она. — Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось...

И тогда Светик засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати. — Это неправда! — раздался вдруг Стёпкин голос. — Бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату бросил...

— Не знаю, хороший мой, может, и гранату, — грустно улыбнулась баба Надя. — Не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги вот это к стене спальни прикрепить, — и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, в верхнем левом углу которого белой краской была нарисована звезда.

— А я знаю, что это! — сказал вдруг Стёпка и провёл рукой по красному полотну. — Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

— Это ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. — прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. — Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у вас? А кто вам его дал?..

— Да, это оно, — засмеялась баба Надя, — а на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети сами, во главе со Стёпкой, приколоты знамя кнопками к стене рядом с дверью и разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка, впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности.

Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Всё оказалось просто. Им нужна была защита, и баба Надя дала им эту защиту. Защиту, которая не только отражала нападение, но и могла уничтожить саму опасность.

Конечно, дети понимали, что простая ткань не может удержать пулю. Но для них это знание не являлось определяющим. Всю свою сознательную жизнь они хотели жить в безопасности, и как только им предложили её символ, они приняли его сразу же, безоговорочно. Ухватились за него как за спасательный круг.

И, кроме того, баба Надя, словно посмеиваясь над нашими специальными познаниями в области детской психологии, несколькими словами из оцетинившегося зверька сотворила защитника.

Я почему-то был уверен в том, что Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Не сможет! Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Несложно было догадаться, о чём баба Надя завтра будет рассказывать детям — о великой стране, одержавшей победу в грандиозной битве с чёрной силой. И о красном знамени, водружённом над логовом побеждённого зверя! Знамени, которое по прошествии стольких лет продолжает оберегать людей от зла.

Июнь 2022

Николай Найдёнов

Мельник

Дядя Карла — обрусевший эстонец. Дядя Карла — родной брат моего отца. Значит, я — его родной племянник.

Дед мой, Юган Оккан, вместе со своими сыновьями и дочерьми во времена НЭПа построил в Сибири мельницу-водянку. Сперва это была великая семейная радость, потом она трансформировалась в великое горе: в тридцатом году деда раскулачили, и большая его семья разбрелась по всему свету.

Отец мой двадцать лет работал непосредственно на коммунизм — строил Беломорканал, осваивал Север. Дядя Карла каким-то образом оставался на свободе. Он воевал с фашистами, был ранен. Пуля попала ему в мошонку и вышла возле крестца. Он выжил и вернулся в родные края.

Немного окрепнув, дядя Карла пошёл к председателю колхоза с предложением:

— Дай мне коня, председатель. Буду строить мельницу на Таловке.
— Начнёшь стройку — придёшь просить бригаду плотников. А их у меня нет.

— Ты дай мне одного только коня.

Председатель не сдавался:

— Ладно, дам я тебе коня. А за работу тебе кто платить будет?

— Буду строить бесплатно, а когда построю, работать на ней буду мельником. Тоже бесплатно.

«Наверное, этот чухня ума лишился», — подумал председатель и спросил:

— А чем же ты будешь жить?

— Я всё продумал. Шесть дней я буду для колхоза делать телеги и сани, чинить сбрую. А по выходным буду заниматься мельницей.

Председатель потрясённо пожал плечами и согласился.

За первую же зиму дядя Карла наделал столько саней и телег, что их стали продавать соседним колхозам.

Ровно через три года, как обещал, он построил мельницу. И сорок лет, до самой пенсии, каждое воскресенье он шёл туда. С годами заказчиков становилось всё меньше, но дядя Карла никогда не отказывался лишний раз запустить свою мельничку и для одного желающего...

Когда мне бывает трудно, я вспоминаю дядю Карла — и трудности мои отступают. Когда мне бывает подозрительно хорошо, я тоже

вспоминаю дядю Карла и его слова: «В колхозе весело может быть только дураку набитому или пьянице».

Дядя Карла дожил до перестройки.

Жизнь сильно изменилась. О чём теперь беседуют старики на досуге?

Шла вторая половина апреля. По небу плавали небольшие тучки. Погода была не так чтобы тёплой, но снег всё равно таял быстро, наполняя мутной водой водоём и все низинки.

Неподалёку от широченных мельничных дверей на брёвнах сидят два старика. На свежих щепках, по-татарски подобрав под себя ноги, сидит мальчик.

— Раньше, до колхозов, в верховьях Таловки было ещё пять мельниц. По-научному бы сказали — каскад, — рассказывал дядя Карла, крепкий, жилистый старик.

Его бурая окладистая борода, лохматые брови, волосатые руки и вся одежда были в мучной пыли. Да от него и пахло мельницей и мукой.

Мельница исправно работала, наполняя округу шумом падающей воды и гулом жерновов.

— Если считать по хозяевам, — продолжил дядя Карла, — то такой был порядок: чуть выше моей стояла Хоньякова мельница. Строил её, ещё при царе, переселенец с Дона Пётр Хоньяков. За ним стояла мельница Блохина, а ещё выше — ссыльного Никифорова. Дальше шла мельница моего отца и, у самых ключей, мельница Дубенкова.

Собеседник его, старик Нестор, низкорослый и шуплый пензяк, заросший бородёнкой до самых глаз, указал рукой в сторону бора: — Сын мне сказывал, за тем бором видел старый сруб, на мельницу похож. А недалеко от сруба — дикий сад.

— Верно, — подтвердил дядя Карла, — это как раз и есть остатки никифоровской мельницы. Об нём расскажу тебе особо. Трудовой был мужик, ох какой трудовой! С топором да с лопатой отвоевал у тайги пять гектар земли, а потом ещё сад заложил! За саженцами ездил не то в Курскую губернию, не то в Тульскую. Потом построил мельницу. И только после этого женился на молоденькой Акулине. Живёт он с ней год, живёт другой... Прожили десять годов, а детишков как не было, так и нет. Понял, что не дождётся Акулина от него наследников. Сильно запереживал. Дескать, старый стал. А Акулинушке, даст Бог, ещё жить да жить. Она-то молодая, как же ей без дитёнка, одной-одинёшенькой, жизнь коротать? И придумал. Принял к себе в дом своего работника, пленного австрийца. Неплохой мужик. И не дурак, и расторопный. Благословил их на жизнь со своей Акулинушкой... А сам вскорости и помер. Австриец дела хорошо повёл, да пришли колхозы... Посадили на мельницу Гошку Ерышева. Мужик он был никудышный — лентяй, вор и пьяница. В первую же весну унесло плотину половодьем, — дядя Карла тяжело вздохнул. — А мне жалко...

— Кого жалко — уж не Гошку ли? — поднял глаза Нестор.

— Гошку чего жалеть? Он, бедолага, и сам-то себя не жалел... Мельницу, говорю, жалко. Я сперва всё думал: мужики с войны соберутся в деревню, вот и восстановим плотину. Да только не пришли они. А которые пришли, тем не до плотины было — калеки, сами скоро попримёрли. А теперешний пьяный мужик для большой работы непригодный, — дядя Карла показал на дорогу, — вон он идёт, теперешний-то мужик...

Подошёл Васька Кубиков. Руку вытянул ещё метра за три, запнулся, упал.

— Вр-р-рот!... — зарычал Васька не то на щепу, не то на свои дряблые ноги.

Поднялся с горем пополам и опять суёт руку мельнику, потом Нестору.

— А ты, шантрапа, брысь с дороги!

Мальчишка на всякий случай спрятался за спину деда.

— Дай мне десятку, дядя Карла. Одеколон в магазин привезли. Понимашь? Завтра отдам. Я в этом месяце хорошо заколотил деньжонок, не меньше сотни огребу.

— Не приставай, Василий. Я тебе давно сказал: не проси, не дам!

А Васька никак не унимается, матюгается, клянётся отдать долг завтра же... В конце концов, мотаясь из стороны в сторону, побрёл через вешняки в деревню. Но успокаиваться не хотелось, и он на всю деревню грозил, размахивая кулаками:

— Кулацкое отродье, ты ещё узнаешь, кто такой Васька Кубиков! Так и знай, сгорит твой скворешник, как свечка сгорит!

Дядя Карла поднялся:

— Как бы его чёрт не сбросил с мостика, отвечай потом за эту пропитую рожу.

Убедившись, что Васька перебрался-таки на ту сторону, дядя Карла опять сел и продолжил разговор:

— Был у меня тут на примете парень. Я уж размечтался: вот, мол, подрастёт Анатолий, мы с ним восстановим Никифорову мельницу. Да-а-а. Подрасти-то он попрос. Успел даже жениться. Вот, Митюшка как раз его сынок. А Анатолия, кроме меня, ещё и государство заприметило. Отправили служить в Афганистан. Недолго служил, вернулся. Года два побренчал костылями и велел нам долго жить...

Мальчик, уткнувшись головой в щепу, заплакал. Мельник легонько потянул его за серую солдатскую шапку со звездой, ласково сказал: — Прости, брат, больше не буду.

А старик Нестор, скривив синие губы, тоже сказал слово:

— У меня на войне двух сынов убили. А который Семён, этот без глаза остался. В плену он был. Немец на допросе глаз выбил. Семён-то рассказывает, в одной руке гармошку губную держит, а другой по морде бьёт. У них что песня, что стон — одна музыка. Этот народ до крови

шибко жадный. Они нам столько горя оставили — за сто лет ложкой не выхлебать... Правду ты, Карла, говоришь, при ранешном мужике эту никифоровскую плотину мы бы за одно лето восстановили. А сейчас не с кем. Сын говорит, вода там со скалы падает, у никифоровской-то... — Нет, не скала это. Это вешняки были выложены из камня, — пояснил мельник. — Теперь там вроде водопад образовался. А шум от него — по всему лесу! Вот жалко мне эту мельницу, и всё! Сруб-то там ядрёный, нутро всё целое.

— Не знашь, колхоз охрану-то выставил ай нет?

— Да никого там нет. Пруд тальником зарос. Подъездные пути тоже заросли всякой дурниной. Даже голуби улетели неизвестно куда. Недавно пришлось мне там ночью проезжать, так филина слышал. Страшно так заушал!

— Ну? Ты подумай-ка... А у нас, в Пензенской области, тоже живут. Что ты! Летом в Лявонтьевском бору по всей ночи ухают.

— Она везде есть, сатанинская птица. Я в войну в Польше был, дак и там филина слышал. А это ведь в вёрстах тысяч шесть от нас будет, а и там есть. И войны не боится.

На пруду что-то гулко и раскатисто ухнуло. Мельник оборвал себя на полуслове и побежал к берегу. Следом увязался мальчишка. Пруд ещё покоился подо льдом, но местами появились проталины. А кое-где лёд отъело от берегов...

— Митя, ну-ка погляди во-о-он туда. У тебя глазки-то молодые, острые. Ничё такого не видно?

Митька вытянул шею, правую руку вскинул ко лбу, другой рукой опёрся о колено и, покачиваясь из стороны в сторону, уставился в верховья.

— Ничего такого там не видно, дядя Карла, — с расстановкой доложил Митька, — только вроде бы как мордушка на пеньке стоит.

— Верно. Это я её на днях выбросил просушить, а убрать забыл.

Пруд с двух сторон зажат горами. Лесистый северный склон ещё под снегом. А южный, более открытый, весь сочится ручьями. Весна нынче тягучая, и, по мнению мельника, вода должна бы спуститься на тормозах. Но, как говорится, один Бог знает, как она в последний момент себя поведёт...

— Чаво ты там разглядывал? — поинтересовался Нестор.

— А ты слышал, как ухнуло? Это лёд стало поднимать помаленьку. Значит, моё положение самое тревожное. Сейчас апрель, солнце пригревает уже хорошо. Значит, со дня на день жди большую воду. Если бы она днём пошла... А ну как ночью пойдёт? Помнишь, Гошкину плотину таким же путём тогда смахнуло? Проспал. А может, пьяный где валялся, в бутылку-то не отказывался заглянуть. А уж зла в нём было — банным ковшиком не вычерпать. Что ни делает, всё с матерком. С человеком заговорит — всё с подковыркой. Ну да сейчас ему Бог судья.

Мельник поднял глаза к небу и перекрестился. Помолчал и снова заговорил:

— Вот и приходится содержать себя в полной боевой готовности. По этой же причине я и водосбросные окна в три раза увеличил. Мужики смеялись: мол, в такие окна сам Енисей вместится, не то что наша захудалая Таловка. А она только зимой тихоня, словно её и на свете нет. А посмотри, что весной выделявает! И деревья валит, и заборы сшибает. Лемтось избушку охотничью притащила. Ей-бог, не вру! И с крышонкой, и с окошком. Даже нары оказались в сохранности. Как есть целёхонькая избушка приплыла. Да вот она стоит, я её на баньку приладил. Ты не поверишь, под потолком висел мешок с сухарями. Ни один не промок! Вот как Таловка аккуратно работать может! А вот нам, мельникам, в это время ой-ёй как шабутно. Я уж вторую неделю глаз не смыкаю, сутками на плотине дежурю. Чуть прозевал окошки водосборные открыть — и всё, прощай, плотина! — Да-а-а, одна маета, — посочувствовал Нестор.

— И ведь какая шельма эта Таловка! Прошлой весной тоже день и ночь караулил. Хожу по берегу, наблюдаю. Вроде никаких признаков нету. Кое-где вздохнёт льдина, приподымется... Или ледяная осыпь запозванивает. А так всё спокойно. Зашёл домой, хоть стакан чаю выпить. Напился, сижу, брюхо почёсываю, старуха тут же канителится. Выглянула в окошко-то да и говорит: «Гляди-ка, чтой-то помольщики на берегу сгрудились...» Кинул я на голову шапку — и туда. На берег, значит, направляюсь. Неторопоко иду. Поднялся я из-за бугра... а Бог ты мой! Она уж, милая, взбугрилась и попёрла во все стороны. Пока до вешняков добёг, волны через верх уж заиграли! Слава Богу, тогда всё обошлось.

— У нас, в Пензенской-то области, речка Лыковка по весне тоже страсть как хорохорится!

— И мельница на ней есть? — сразу заинтересовался дядя Карла.

— Мельницы как будто нету. А вот лодки разные то и дело снуют.

— Ваши речки нашим не чета. У вас всё больше равнинные, иной раз и угадать нельзя — идёт она или вода на месте стоит. Как на лодке не ездить, если там ни бурелома нету, ни перекатов? А поди возьми хоть нашу Таловку — вся она в буграх да в завихрениях. Всё лето как на ходулях ходит, то вздуется до непомерности, то сникнет. Наши-то подтаёжные речки ох и круты нравом, ох круты! Я вот тебе расскажу один случай у нас с Митрием. Помнишь, Митька? Года два уж прошло с тех пор. Ты в каком классе-то был?

— В первом, — улыбнулся Митька, выставив два широченных зуба.

Мельник вздохнул:

— Стало быть, три года. Как время летит! Весна тогда дружно заходила. Кругом водяной говор стоял. Я так же вот дежурил на плотине. Сидел ещё с нами хохол полтавский. Митька тут же с собачонком баловался... Подходит к нам помольщик и говорит: мол, что-то

хрушкая пошла. Пошёл я подрегулировать, да задержался. А Митька с хохлом беседовал... Митька, ну-ка представь-ка деду Нестору, как ты с хохлом разговор вёл.

Митька сперва сам нахохотался, потом стал представлять:

— Он и говорит: «Скико тэбэ рокив, хлопчик?» Я сказал, что сегодня было четыре урока. А он как заржёт!

И Митька опять залился смехом. Дед Нестор тоже оживился:

— Рокив — по-нашему, годов. А если украинец скажет: давай побалакаем, — это он поговорить приглашает. Я много знал по-хохлацки...

— И он всё говорил: бачишь, бачишь, — это что значит? — встрял Митька.

Дядя Карла вопросительно посмотрел на деда:

— Это у них, по-моему, поговорка такая?

Дед Нестор пожевал губами, помараковал и согласился с предположением.

— Так вот, слушай дальше. Хохол видит, что меня долго нет, встал с бревна и побрёл в теплушку. Митька сгрёб моего собачонка и пошёл через плотину домой. Он и раньше не один раз нудил: отдай Тузика да отдай Тузика. А я не отдавал. Видно, решил украсть. Подбежал к вешнякам да и увидел, что у борта ручеёк налаживается. Завернул кутёнка в куфайку, сунул его в кусты а сам давай ручеёк прумдить. Вспомнил, шельмец, как одно лето вместо пруда чёрные пни да коряги торчали. Купаться-то негде было. Бросает мужичок песок в ручеёк и не замечает, что вокруг творится. А пруд-то уже дыбом встал! Вышел я из мельницы, а парнишка орёт дурным голосом. Я побежал на гребень, а Митька уже вешняками в воде бултыхается, вместе с подмытым берегом уплыл вниз. Выдернул его из воды, слава Богу, подвижность в нём есть. Метим, говорю, к нам на печку, а сам побежал открывать водосбросные окна. Открыл окна, первая волна схлынула. Я бегом на скорости домой. А Митька сидит возле двери, дрожит, как цуцуня. «Ты почему досим не на печим?» — «Дак дома никого нет...» Стянул я с него всё мокрое, затолкал его на печку, для сугреву накинул на него шубёнку. А сам опять кинулся на плотину, взялся заделывать промоину. Бросаю лопатой камень, а самому кажется, слышу где-то визг щенячий. Осмотрелся кругом — нет нигде никого. Только делом займусь — опять визг! Видно, мерещится — от вешняков-то шум такой, что уши плющит. Закидал я промоину, утрамбовал и пошёл в кусты по малой нужде. Смотрю, а кутёнок мой барахтается в куфайке. Высвободил его, одёжину повесил на куст, а щенка шлёпнул да прикрикнул — покосолапил мой Тузик к Митьке... Смотрю, к кустам крадётся Ленка, внучка моя, Митькина сверстница. «Тебя зачем сюда принесло?» — спрашиваю. Ленка мне в тон отвечает: «А Митька велел куфайку принести, вот зачем!» — «Ну-ну, бери куфайку да убирайся отседова поскорей». Куфайку-то она взяла, а сама всё по кустам зенками шарит. Значит, меж ними и про кутёнка

разговор был. Тут, видать, прямо из магазина, подошла моя старуха. Домой точно не заходила. Пытается перекричать шум воды: «Чего это Ленка там шарится?» — «Да тут такая ситуация...» — сам орудую лопатой, тороплюсь ещё одну подозрительную яму заделать. Бабка не дождалась дальнейшего разъяснения да как рявкнет: «Какая ситовация?» — «А вот такая, — говорю, — Митька собачонка украл». Старуха округлила глаза. «Да-да, — говорю, — украл. Побёг с ним через плотину домой, да и угодил в промоину. Видно, хотел перепрыгнуть, да не осилил, его и утащило водой под вешняки». Я тогда ещё не знал подробностей. «Ты бежи, — говорю, — скорее, спасай зятя». Ей два раза повторять не надо — помела домой. Да такую скорость развила, что юбчонка парашютом завертелась. Домой я вернулся под вечер. К этому времени старуха обсушила и накормила Митьку. Стали мы его собирать домой. «Та-а-ак... А сапоги где? Утопил? Или потерял где? Не напашешься на тебя...» Пошёл я доставать из ящика бабкины сапожки. В молодости ещё покупал. Она их всё равно не носила — ноги быстро располнели, голяшки стали узкими. Митька не успел их примерить, а уже кричит: «В самый раз, дядя Карла!» — «Носи, — говорю, — на здоровье. А шапка? Уплыла?» — «Кепка у меня сегодня была... Ничё я не терял! В шапке в школу хожу. Дядя Карла, а ещё ты забыл про Тузика сказать... — Митька, покрасневший до ушей, не поднимая головы, хрипло договорил: — Я с Тузиком только поиграть хотел...» Пришлось тогда Тузика ему отдать. Заслуга немалая получилась.

В этом месте мальчик поднял руку выше головы:

— Зараз он у меня во какой!

— Теперь мы с ним имеем договор и по другому делу, — продолжил дядя Карла. — Как только Митька десятилетку ломает, я его сразу заберу себе в помощники. А как я по старости сойду с должности, так он меня заменит.

Нестор поднял руку, хотел что-то сказать и вдруг, вывалив молочный язык, надолго зашёлся кашлем. Прокашлявшись, сплюнул сукровицей, вытер губы и полез в карман за кисетом.

Дядя Карла поморщился:

— Это ты табаком нутро сжёг.

— Но-о-о, — протянул Нестор, — здоровьем я в лагере подбился...

— Ты рази сидел? — удивился мельник.

— Пять лет...

— Вот уж не подумал бы. И старик-то ты вроде свойский, мирный. Я думал, оттуда все блатные выходят, как Васька Кубик.

— Болезнь посадила меня на щётки. Раньше я бядовай был! В лагере меня называли не иначе как жуковатый Нестор.

Митька захихикал, повторяя:

— Хи-хи, жуковатый Нестор! Хи-хи, жуковатый Нестор...

И дядя Карла не выдержал, расхохотался.

— Оно и стыдно бы над стариком смеяться, а вот никакого удержу, ей-богу, сатана подмывает,— задыхался от смеха дядя Карла, вертя головой.

В это время из мельницы послышался стук, потом голос:

— Засыпай!

Жернова застучали дробно и сухо. Дядя Карла вскочил на ноги, но, услышав, как скрипнула задвижка и посыпалось зерно, снова сел.

Жернова снова загудели глухо и натужно.

Дед Нестор спросил:

— А ты чаво это так спужался?

— А ты не слышал, камень вхолостую залязгал? Подгоревший жёрнов муки не даст! Зола из-под него пойдёт, а не мука.

Спустя несколько минут из дверей мельницы вышла молодая женщина с мешком на спине. Опустив свою ношу на высокую лавку, сделанную специально для котомочников, она стряхнула с себя мучную пыль, заправила под платок волосы и, взвалив на себя мешок с мукой, пошагала в деревню, крикнув на ходу:

— Спасибо, дядя Карла!

— Не за что. Нести-то тяжело, поди? А то возьми тележку.

Женщина повела плечами:

— Ково тут нести-то? Двух пудов не будет.

— Для поросят, небось молола?

— Нет, для себя. Мне дак он кажется вкуснее магазинного. А доктора говорят, что он и полезнее. А то у меня уж ни одна юбка не сходится...

Дядя Карла озорно блеснул глазами:

— Зато и нога под тобой — одно загляденье.

Он долго молча смотрел ей вслед, а заговорил как будто сам с собой, задумчиво:

— Жизнь-то сейчас, можно сказать, сытая. Хлеба — завались. А вот духовно мы обнищали, изоврались, совесть начисто растеряли. Радио включишь, а оно что Дамка моя брешет. В книжках описывается рай земной, газетки хвастовством захлёбываются — всего-то у нас переизбыток. Кругом порядок идеальный... А землю-кормилицу считай что бросили на произвол судьбы. Земля без хозяина — что ребёнок без родителей. Ещё и по тебе скажу: земля учит человека добру и разуму, держит его в интересе. А без интереса он становится пьяницей. Кто такой пьяница, тебе говорить не надо, — это враль, лентяй и ворюга. Вот мы их наплодили полные печи и полаты и города ими снабдили. Если где ещё и имеется трезвая семья, то они, как правило, бездетные. А спросить почему, ответ такой: не желают рисковать. Потому что вырастить трезвого человека в пьяном болоте ох как трудно.

Старики поднялись разом, вышли на бруствер плотины, остановились.

— Вона как пруд-то надулся, опять яво скоро понесёт,— указал палкой дед Нестор.

— Теперь с часу на час жди, — забеспокоился дядя Карла. — Пожалуй, можно уже и приоткрыть.

Мельник пошёл за багром, а Нестор, обстукивая палкой каждую доску, благополучно перебрался через скользкий мостик вешняков и по тропинке пошёл в деревню.

— Посмотри, как сейчас водичка заиграет в вешнях! — крикнул ему вслед дядя Карла.

Но старик даже не оглянулся — видно, за шумом воды ничего не услышал.

Зацепив багром верхнюю створку, дядя Карла выдернул её, и тугая струя воды ударилась о скользкий пол вешняков. Там струя дробилась о настил из жердей и, уж совсем внизу, всё ещё не теряя своей разгульной силы, превращалась в водоворот.

Всю жизнь дядя Карла смотрит на этот туго закрученный водоворот, слушает шум льющейся по лесу воды, шум вешняков...

И никак не насмотреться... И никогда не наслушается...

Марат Валеев

Романтические рассказы

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Весна пришла, солнышко засияло, растопило сугробы. Весело чирикающие воробьи стали купаться в лужах. А тут и почки распустились... у начинающего пенсионера Сергея Львовича. Заодно и печень о себе напомнила, застарелая язва когти выпустила. Сергей Львович терпел, терпел и всё же позвонил своему участковому врачу.

Она, немолодая уже, пришла в сырых ботах, сердитая и тяжело дышащая. Послушала Сергея Львовича и равнодушно сказала: — У вас весеннее обострение. Не смертельно, но я бы посоветовала сходить на приём к нефрологу. Прямо завтра и идите.

И Сергей Львович прямо завтра и пошёл. Отстоял очередь в регистратуре, получил талончик и сел на жёсткую лавку под дверь кабинета нефролога. На табличке значилось, что приём ведёт врач второй категории Мошкина Н. Е. «Новенькая какая-то», — отметил про себя Сергей Львович.

Попасть к этой самой Н. Е. также хотели ещё несколько человек. Сергей Львович терпеливо дожидался своей очереди, с досадой прислушиваясь к тому, что у него происходит во взбунтовавшемся организме. А было всё то же: почки, печень ныли, в висках бухало.

«Боже мой, а ведь ещё всего лет двадцать назад у меня по весне было только сердцебиение. И лишь при виде хорошеньких девушек. Особенно в мини-юбках, — с тоской подумал Сергей Львович. — А теперь что? Финита ля комедия?»

Наконец пригласили его. Сергей Львович тяжело поднялся и прошёл в кабинет. За столом что-то быстро-быстро писала врач, Мошкина Н. Е. Она тоже была уже немолодой. Но такая аккуратненькая, такая приятная на лицо и с такой статной осанкой, которая угадывалась в ней, даже сидящей, что Сергей Львович тут же принял боевую стойку. А когда Мошкина Н. Е. оторвалась от бумаг и подняла на него совсем ещё молодые, ярко-синие глаза, сердце у Сергея Львовича дрогнуло и забилось учащённо.

Врач была похожа на неприступную красавицу Ниночку Ершову, в которую в своё время была влюблена вся мальчишеская половина их класса. И ещё добрая половина пацанов из параллельного. Но больше всех влюблённым в Ниночку был Серёжка Бурцев.

Однако, как это часто бывает, выбор Ниночки Ершовой пал совсем не на него и вообще ни на кого из их школы. Жениха Ниночке

подыскали её родители — сыночка какого-то большого начальника. Она вышла замуж за того придурка и затем уехала с ним из их маленького городка в областной центр, где, говорили, выучилась на врача. Сергей же страдал недолго и скоро влюбился в другую девочку, свою однокурсницу. На ней он и женился, когда они уже заканчивали строительный техникум. Потом развёлся, ещё раз женился, неожиданно овдовел и больше уже не испытывал судьбу, а предпочёл жить один.

Год назад Сергей Львович, дослужившись до начальника СМУ, ушёл на пенсию и подрабатывал вахтёром в стенах родного техникума. Конечно, женщины в этой его холостой жизни всё ещё присутствовали, но всё реже и реже. Либи́до Сергея Львовича вполне закономерно стало ослабевать под грузом прожитых лет и настырно подступающих хворей. А тут, при виде моложавой врачихи, так похожей на Ниночку Ершову, это самое либи́до встрепенулось и как никогда живо напомнило о себе.

— На что жалуетесь? — спросила Сергея Львовича Мошкина Н. Е. всё ещё мелодичным голосом.

И кровь бросилась в лицо Сергея Львовича: это был её голос, Ниночки Ершовой!

— Нина... Нина Егоровна, ты что, не узнаёшь меня? — севшим от волнения голосом спросил он, вспомнив даже имя её отца.

— А кто вы? — с любопытством спросила Нина Егоровна, внимательно вглядываясь в лицо Сергея Львовича. — Погодите, погодите... Это ты, Андрей? Нет? Значит, Игорёшка? Тоже нет. Ну, тогда это ты, Мишаня!

— Это я, Серёжка Бурцев! — печально сказал Сергей Львович.

— Боже мой, Серёжка! — Нина Егоровна прижала ухоженные руки к накрахмаленному белоснежному халату. — Ну да, Серёжка! Какой ты стал солидный. Я бы сказала, импозантный! То-то я тебя не узнала. Ну что ты, как ты? Болеешь, что ли?

— Да что ты, Нина! Я присяду? Просто... Просто я случайно узнал, что ты вернулась в наш городок и работаешь в больнице, — соврал Сергей Львович. — Дай, думаю, навещу, проверю: узнаешь ли, вспомнишь ли. Как семья, как муж?

— Да я уже лет пятнадцать как одна. Не спрашивай почему. Увы, уже пенсионерка. Два года как вернулась в наш городок. Но дома не сидится, а в больнице как раз врачей не хватает. Вот и работаю ещё. Давай я тебя всё же послушаю. Весна же, пора обострений. Вон как у тебя лицо пылает. Давление, наверное, подскочило. Давай померю.

— Да я и так знаю, Ниночка, что оно у меня скакнуло. А ещё у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Какое счастье, что я тебя увидел! А помнишь, что я тебе написал в записке в шестом классе? А в восьмом — портрет твой нарисовал. Правда, он тебе почему-то не понравился...

— А как я в девятом от тебя бегала? — подхватила оживившаяся и тоже вся раскрасневшаяся Нина Егоровна. — Как же ты мне тогда надоел,

Бурцев, со своими ухаживаниями! Да и сейчас, вижу, смотришь на меня такими же глазами... Ну что ты на меня так смотришь, Серёжка? Я ведь уже старуха!

Нина Егоровна вздохнула и опустила глаза.

— Кто? Ты?! — почти закричал Сергей Львович. — Да ты как была для меня самой красивой девчонкой не только нашей школы, но и всего нашего городка, всей планеты, так ею осталась!

— Это правда? — Нина Егоровна вновь подняла на Сергея Львовича свои лучистые синие глаза. — Врёшь ведь, Серёжка... Ну ладно, раз ты у меня здоровый, выйди в коридор и подожди, я уже заканчиваю приём. Посидим где-нибудь, поговорим.

— Можно — у меня дома, Ниночка? Я тут недалеко живу, тоже, кстати, один. Нам никто мешать не будет. И у меня такой гуляш есть, сам вчера приготовил!

— А приставать не будешь, как в десятом классе? — лукаво спросила Нина Егоровна, кокетливо поправляя выбившийся из-под белой шапочки локон.

— Да ну что ты, как можно? — неуверенно сказал, выходя из кабинета, Сергей Львович.

А уже в коридоре, прислушавшись к своим почкам, печени и прочим органам, решил: ещё как можно! И даже нужно. Уж сейчас-то он своего счастья не упустит. Ну а случись чего, личный врач — вот он, под боком!

САМОЕ ОНО

В пятницу Валентина позвонила Пятайкину на работу и попросила по пути домой зайти в аптеку и купить какой-то чепухи — то ли от кашля, то ли от головной боли. Григорий прикинул: если взять на вечер не шесть, а три банки любимой «Балтики», денег на эту чепуху должно хватить.

В аптеке Пятайкин долго ходил от витрины к витрине, разглядывая разноцветные и разномастные коробки и упаковки, пузырьки. И тут Григорий увидел неприметную коробочку с крупной надписью: «Самое ОНО», — и ниже помельче: «Мужчина становится неотразим! Все женщины в восторге! Эффект — 24 часа».

«Интересно», — подумал Григорий. Он уже принимал и виагру, и вуку-вуку, но всё это было не то. То есть ему-то нравилось, а вот Валентине — нет. Попробовать, что ли, это самое «Самое ОНО»? И Григорий купил две упаковки многообещающего средства.

Дома он отдал жене её лекарства, а своё оставил в кармане куртки. И забыл про него — по ящику допоздна шёл хоккей, а что может быть лучше хоккея с пивом? Валентина уже посапывала в их супружеской постели, когда Пятайкин, наконец, утомился. Забравшись под одеяло, он потянулся было к спящей жене, но вспомнил, что забыл принять «Самое ОНО». Впереди же были выходные, и Пятайкин решил перенести своё законное домогательство к жене на субботу.

Утром он проснулся первым («Балтика» своё дело знала!) и пошёл в туалет. Уже когда умылся, вспомнил про «Самое ОНО». «А приму-ка я его с утра!» — озорно подумал Григорий.

Он распаковал коробку, там оказалась всего одна таблетка. Григорий подумал и распечатал вторую упаковку — чтобы уж наверняка! Запил обе таблетки водой из-под крана. И тут же почувствовал, что на него накатила волна необыкновенной нежности и желания позаботиться о жене, он даже весь содрогнулся от охватившего его чувства.

Григорий хотел было тут же пойти в спальню. Но ноги его понесли почему-то на кухню. А там Пятайкин неумело, но споро пожарил яичницу с колбасой, заварил свежего чая с лимоном, поставил всё это на поднос. И понёс в спальню!

— Вставай, милая! — хрипло, но нежно сказал Григорий, сам не понимая, что говорит. — Я тебе завтрак принёс. В постель. Вот!

Валентину как будто кто подбросил.

— Пятайкин, — сказала она тонким голосом, — это ты?

— Да, милая, это я, — подтвердил Григорий, целуя Валентину в тёплую и розовую со сна щёку. — Завтракай, дорогая. А я пока пойду помою посуду.

Чашка с чаем выпала из рук Валентины на простыню.

— И простынку постираю, ты не беспокойся, — поспешно сказал Пятайкин и, оставив жену сидеть с открытым ртом, пошёл мыть посуду.

А ещё он в тот день пропылесосил квартиру, развесил на балконе бельё на просушку (стирку Валентина всё же отбила для себя) и сварил обед, правда, пересолив его. При этом каждый раз, когда их пути в квартире пересекались, Григорий без конца обнимал и тискал свою жену и говорил ей такие комплименты, что Валентина просто вся светилась от удовольствия. Надо ли говорить, что вечером телевизор в доме Пятайкиных остался не включённым и супруги до самого утра в постели выделявали такое, что никакой Камасутре и не снилось...

Выходные пролетели как сон. Впереди были однообразные будни. А Пятайкину хотелось продолжения праздника. После работы он вновь заехал в аптеку, подарившую ему два незабываемых счастливых дня. — Мне «Самое ОНО», на все, — сказал Григорий, протягивая сидящей на кассе матроне в белом халате всю свою заначку.

— Нету, молодой человек, кончились.

— А как же теперь?.. — растерянно пробормотал Пятайкин. — А когда мне зайти?

— Не знаю, — пожала плечами матрона. — Насколько мне известно, остановили производство этого лекарственного средства. Лицензии у них не было. Да вы лучше виагру купите...

— Нет, это совсем не то, — грустно сказал Пятайкин. — Валентине моей не это нужно. Вернее, не совсем это...

— Здравсьте пожалуйста! — насмешливо хмыкнула матрона. — Можно подумать, что вы, мужики, всегда знаете, что женщине нужно.

— Я, пожалуй, знаю, — убеждённо заявил Григорий.

По пути домой он завернул не за пивом, как обычно, а зашёл в гастроном и купил готового фарша и макарон. Уже совсем перед домом заглянул и в цветочный павильон.

Открыв дверь, Валентина ахнула: Пятайкин протягивал ей цветы и невыразимо нежно улыбался. И привлекательнее, сексуальнее мужчины для неё в этот момент просто не существовало. А когда Григорий ещё и заявил, что на ужин сегодня будут макароны по-флотски, Валентина расплакалась прямо у него на груди.

— Милый, что с тобой? — всхлипывая, спросила она. — Ты не заболел?

— Да, милая моя, я вновь заболел. Тобой! — ласково сказал Григорий, целуя жену в завиток на виске.

— Тогда не выздоравливай. Никогда! Хорошо?

— Я постараюсь...

РЫБКА МОЯ

Я свою Светланку ласково зову «рыбкой». Ну, маленькая потому что, живая очень, трепетная. Красивая, конечно, а как же. И вот, казалось бы, за такой-то срок, что мы вместе, можно было изучить свою спутницу и подругу вдоль и поперёк. Ан нет — всё время открываю в ней что-то новое, неожиданное. Как вот в этот раз.

Мы осуществили давнюю мечту — съездили отдохнуть вдвоём (а то всегда отдыхали порознь, иного совместная работа не позволяла, с прошлого же года ушли на пенсию). Да не куда-нибудь, а на сказочный Крит!

Всё там было чудесно. Но не обошлось без «ложки дёгтя»: туроператор «Пегас Туристик» в день отъезда выдернул нас из отеля не в десять часов утра, как было условлено ранее, а в пять тридцать, чтобы в шесть быть уже в порту на посадке в самолёт. Ну, поворчали накануне, потом смирились: попадём в Красноярск не ранним утром следующего дня, а вечером сегодняшнего, так что сын нас сможет встретить на машине.

Рано обрадовались! Встретивший нас в порту Ираклиона дежурный экипаж самолёта сообщил, что машина по техническим причинам задерживается. Сначала на одно время, потом — на второе, третье. И так — двенадцать часов! Нас, а это было почти полторы сотни туристов, уже вывели из накопителя обратно в здание порта, завели в пищеблок, да там и оставили ожидать.

Правда, два раза покормили при этом, чтобы не шибко ворчали, да и поводов меньше будет для возбуждения судебных исков. Время тянулось утомительно долго, и что при этом было особенно обидно — отправка других самолётов по всем направлениям шла бесперебойно. Одни мы, сибиряки, торчали как неприкаянные на втором этаже здания порта, заняв все сиденья и столики кафе.

И тут я увидел у кого-то из наших в руках «Комсомолку». Спрашиваю: где взял? Внизу, отвечает, есть газетный киоск. И я отправился

вниз по лестнице, чтобы прикупить и себе газету, всё веселей будет дальше ждать затерявшийся где-то наш самолёт. «Рыбку», задремавшую за столом, беспокоить не стал. Но, увы, «Комсомолку» уже разобрали. Греческие газеты мне, конечно, и задаром были не нужны. Нашёл мятый экземпляр «Жизни» (толстый усатый продавец взял за газетку, между прочим, два евро — чистый грабёж!) — думаю, хоть что-то будет почитать.

И только отошёл от киоска, слышу объявление по внутренней трансляции пассажирам красноярского рейса, которые должны срочно пройти на паспортный контроль! И заждавшийся народ как повалил сверху!

Смотрю, Светланка моя стоит у перил на втором этаже, озирается по сторонам. Меня-то нет! Она туда метнулась, сюда. Очками своими поплёскивает, всё вокруг сканирует, а меня, машущего ей снизу газетой: я, мол, здесь, спускайся! — не видит.

А все бегут в это время к стойке паспортной регистрации — мы, россияне, всегда так, всё боимся, что без нас автобус уедет, поезд уйдёт или самолёт улетит. И тут Светка выкидывает такой финт. Не выдержав нервного напряжения — мужа-то всё нет и нет, а все ведь уже пошли на посадку, — она начала нервически подпрыгивать на месте и всплёскивать руками. Ну совсем как ребёнок. А ведь ей (открою страшную тайну!) через пару лет уже шестьдесят! Бабушка уже «рыбка»-то моя. А ведёт себя как глупая девчонка.

Я не выдержал и захохотал при виде такой картины. И громко, никого не стесняясь, перекрикивая гомон толпы, крикнул: — Светка, да я здесь! Спускайся давай!

Ну, подробности того, чего наговорила мне моя любимая, опущу. Это же она любя, боясь потерять меня. И поплыли мы с моей «рыбкой»... то есть полетели, счастливые, вместе домой...

ИЗЮМИНКА

Как-то одним мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре Красноярского СПИД-центра, чтобы сдать кровь на анализы, — не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было ещё закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только её узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными, волосами.

А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть её получше. Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватает слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие — не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Полы длинного пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по-особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась — и я бы унёс с собой созданный в моём воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размалёванными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуальным уменьшенным в размере.

М-да, не красавица... Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы всё сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открою большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные её, извините, части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел её на морозе синей, и этот цвет её к тому же ещё и хорошенького личика так сочетался с её сизовой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в неё безответно влюблён. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорила её... носик! Такой аккуратный, точёный — ну просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добратся, увы, не успел — до меня раньше добрался военкомат.

Ещё одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей — длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть её тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз, и сколько бы её хозяйка шаловливо, а порой и сердито не шлёпала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней следы.

Или вот мой знакомый, Виктор, — тот сходил с ума, если встречал особей с зелёными глазами. Он прямо трясся от вождения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретила ему такая — Наташа, с глазами цвета малахита. Правда, замужняя уже, с ребёнком. Но Виктора это не остановило, он увёл зеленоглазую Наталью из семьи и увёз её хоть и не на край света, но,

считайте, на край России, в Ставрополье. И они жили там счастливо, но, правда, недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зелёных глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится её профиль. Он и сегодня у Светки остаётся очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!»

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на неё тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...

ПОДСНЕЖНИКИ

Его лохматенькие ростки пробиваются ещё тогда, когда не всюду сошёл снег. Правда, ни разу не видел, чтобы подснежник прорастал непосредственно из-под снега. Может, мне просто не везло? Когда мы жили в Эвенкии (с 1989 по 2011 год), я одно время плотно занимался своим здоровьем и по утрам, с ранней весны и до глубокой осени, совершал длительные пробежки от своего дома до телетрансляционной станции на берегу Нижней Тунгуски — туда и обратно километров шесть, пожалуй.

И вот когда появлялись первые подснежники (а они дружно высыпали в начале мая на освободившемся от снежного покрова крутом береговом склоне, обычно двух цветов — белые и фиолетовые), я, хоть и знал, что растения эти рвать нельзя, всё же не мог удержаться, чтобы не набрать небольшой букетик прохладных и бархатистых на ощупь скромных цветов и не порадовать ими любимую жену.

Обратно я бежал не так споро, потому как в одной руке бережно сжимал этот букетик и время от времени подносил его к носу. Вопреки распространённому мнению, подснежники всё же пахнут, очень тонко, но пахнут — свежестью, растаявшим снегом, просыпающейся после долгой зимы землёй.

Когда я вбегал в посёлок, похруывая намёрзшими за ночь корочками льда на лужицах, тут уже было не до сантиментов: в другой руке у меня всегда была палка — отбиваться от бродячих собак. Они очень не любят бегущих в одиночестве людей и стараются обязательно их покусать. Когда эти лохматые бомжи однажды чуть не оторвали мне каблук на кроссовке, а в другой раз разодрали штанину совершенно новенького спортивного костюма, я и стал брать с собой на пробежки эту палку, которая всегда стояла наготове в прихожей.

Ну вот я и во дворе своего дома. Сдерживая дыхание, поднимаюсь по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, отпираю

своим ключом дверь, разуваюсь и на цыпочках прохожу в уже ярко освещённую ранним весенним солнцем спальню. «Рыбка» моя ещё спит. Я кладу рядом с её головкой тут же рассыпающийся по подушке букетик мохнатых белоснежных цветов. И Светка просыпается от их тонкого, свежего аромата, улыбается мне и говорит:

— Спасибо, милый!

И мы оба знаем: эти скромные, неброские цветы с едва уловимым запахом весны лучше всяких роз и прочих дорогих и экзотических цветов...

Владимир Ярош

Последняя атака

Весна в том году выдалась ранней, клейкие листочки на тополях проклюнулись в начале мая, утопив город в зыбком фисташковом мареве.

Плакаты «Мир! Труд! Май!» вдоль улиц спешно менялись на «День Победы».

Перед жёлтой бочкой выросла солидная очередь: по пути домой работяги с засученными рукавами делали крюк, чтобы осушить кружку-другую ядрёного холодного кваса.

Получив сдачу мокрыми монетами, Колька накрыл крышкой эмалированный бидончик и зашагал по аллее, вдыхая запахи весны, двенадцатой в его жизни и оттого удивлявшей новизной, будившей ожидания.

Колькины сверстники во дворе шумно гоняли залатанный мяч, норовя запулить его в треснутое лобовое стекло «инвалидки», которая служила пристанищем для дворовых кошек. Коля давно ждал, когда, наконец, пионеры утащат её на металлолом.

После уличного гвалта и горячего солнца приятно было окунуться в прохладный полумрак подъезда. Дом их, с лепниной и пожарной каланчой под римский портик, строили ещё пленные немцы. Все эти «архитектурные излишества» дополняли фонтан со слоном и ажурные беседки, расположившиеся во дворе.

В новом районе, который застраивался по ту сторону улицы Алюминиевой, ничего такого и не предполагалось, одни панельные четырёхэтажные коробки, а потому Коля всеми силами протестовал, когда родители собрались было обменять свою «двушку» на «трёшку» в новостройке.

Открыв дверь ключом, висевшим на шее, он вошёл в квартиру, где всё было как всегда: одиноко и пахло не весной, а горелой канифолью. Поэтому первым делом он сдвинул тюль и открыл балконную дверь.

В просторной кухне отец, в майке и с окуляром на небритом лице, паял трясущимися руками провода в ламповом приёмнике, одном из образцов бытовой техники, заполнившей оборудованный под мастерскую угол.

— Будешь? — спросил Коля, поставив бидончик на стол.

— Пиво?

— Ага. Квас.

Отец махнул рукой, но всё же выпил два стакана. Его только вчера выписали из больницы после инфаркта с категорическим запретом на спиртное. Вот уже день как он держался.

Когда-то, и Колька смутно помнил те счастливые времена по фотографиям, отец работал начальником. Дом тогда был полон друзей, конфет и песен: «Выпьем же за Сашу, Сашу дорогого, а пока не выпьем — не нальём другого!»

Со временем контингент изменился. Вместо Орловича, которого на работе поставили на место отца, дома всё чаще стали появляться дядя Вася из гаража, ещё какой-то незнакомый мужик с обожжённым лицом. И песни звучали уже не те: «Напрасно старушка ждёт сына домой, ей скажут — она зарыдает...» Собственно, отец и сейчас работал на том же комбинате, но уже электриком в автотранспортном цехе. И того бы лишился, если бы, как ворчала мать, не деревянная нога; но сестра и соседи говорили, что дело не в ней, а в том, что руки у отца золотые.

Денег за ремонт он принципиально не брал, а вот перед чекушкой устоять не мог.

— Зайди в тридцать пятую, скажи, чтоб забрали свой ящик.

— А завтра нельзя? — догадывался Коля, чем это кончится.

— Нельзя. Здесь не склад, — поднял из-под очков воспалённые глаза отец.

Голос его не располагал к дискуссии.

В дверь позвонили.

— Сам пришёл, — сказал отец. — Лёгко на помине.

Не тут-то было: на пороге оказались староста класса в роговых очках и девочка Оля, от тупелок и до бантиков вся такая лучезарная, что Коля зажмурился. И подумал: «Лучше бы сосед из тридцать пятой».

Пока он боролся с приступом остоленения, подружки бойко объяснили цель визита:

— Мы по поручению председателя совета дружины, хотим пригласить твоего папу выступить на торжественной линейке.

— Чиво?! — похолодел Коля.

— Он ведь у тебя ветеран?

— У меня? Н-не-а, — Коля для убедительности pokrutil головой.

— Не ври, Воробьёв. Мы в военкомат запрос делали. Сказали, воевал.

— Да он так, немного.

— Так, не так — пусти, разберёмся.

— А нету его.

Но в этот момент по коридору загромыхало.

— Я это, сам ему скажу, — захлопнул Коля дверь перед самым носом у девочек.

— Ну, Воробьёв, сорвёшь мероприятие, — услышал он через замочную скважину голос старосты, — мало не покажется!

Классная руководительница написала не одно приглашение отцу на школьный урок памяти. Но все они остались без внимания, поскольку Колиным дневником дома редко интересовались. Сам он о выступлении и не заикался. Да и что путного он мог рассказать? Как ногу оторвало? Про цепи утопающих в сугробах новобранцев под кинжальным огнём? Про то, как в первую же зиму передохли и были съедены все лошади и орудия тянули весной по грязи измождённые солдаты? Как пристреливал политрук надорвавшихся, или как самому ему в бою пустили пулю в затылок? В кино такого не увидишь. А то, что показывали, отец не мог смотреть.

— Враньё! Ну где они видели в сорок первом новенькие сапоги и шинели? Обмотки да телогрейки!.. А хари от сала трескаются, — ругался он на актёров. — С каких харчей? Мы весной сорок второго от дистрофии дошли! Почки сосновые жрали.

Опошляя матюками пафосные сцены, отец раздражённо вскакивал и кандыбал на кухню курить.

Ладно дома, но в школе такого позора Коля бы не вынес.

Восьмого мая, в последний момент, он сказал классному руководителю, что отец заболел и прийти не может. Та всплеснула руками и побегала уговаривать завуча, чтобы на встречу снова привели трудовика.

В полдень все собрались: мальчики в белых рубашках, девочки с бантами. Гвалт в актовом зале поднялся такой, что пионервожатой пришлось несколько минут стоять с поднятой рукой, требуя внимания. Приняв рапорт у председателя совета дружины, она объявила о начале торжественной линейки в честь Дня победы в Великой Отечественной войне.

За окнами буйствовала весна. С грустью о необратимо упущенных лучших мгновеньях жизни ребятишки смотрели через запертые окна на нежно-розовые яблони, над которыми гудели шмели.

Шум в зале усиливался. Когда ситуация пошла в разгон, пионервожатая дала отмашку, и из репродуктора с треском захрипело:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!..

Магические эти звуки на какое-то время за frozeли зал. У Коли от них всегда дух захватывало. Вот и сейчас кожу его на затылке стянуло холодом.

На сцену поднялись и выстроились полукругом чтецы. Начиная вихрастый мальчик:

Я, ребята, на войне
В бой ходил, горел в огне,
Мёрз в окопах под Москвой,
Но, как видите, —

сделал он девчачий книксен, —

живой.

Должен был прийти он к маме,
Хлеб растить, косить траву,
В День Победы вместе с нами
Видеть неба синеву, —

вторила ему девочка.

Читали они с одинаковыми интонациями, успевая в паузах подмигивать кому-то и строить рожицы. Постепенно голоса их безнадежно утонули в нарастающем гуле.

— Тихо, я сказала! — погрозила кулаком из-за кулис пионервожатая, чтобы хоть как-нибудь дотянуть поэтическую композицию до конца.

Затем, раздвигая мощным сидалищем пиджачную шлицу, на сцену взобрался трудовик, позвякивая сомнительными цацками. По случаю торжества он даже галстук нацепил на резиночке.

— Так! — воззвал он к тишине и постучал костяшками пальцев по фанерной трибунке, буравя поверх очков зал. — Хочу напомнить: через два годика встретимся на военной подготовке. (По совместительству он вёл ещё и военное дело.) Память у меня хорошая. Мигом дурь повышибаю. Как? Начнёте с устава, наизусть. От корки до корки. Солдату что главное? Действовать по уставу. И не мудрствовать. Почтище разгильдяев перевоспитывал. Вот так было дело, — пригладил он редкие волосы, зачёсанные на лысину.

Откашлялся и взялся за пересказ операции «Багратион», козыряя фамилиями военачальников и вычитанными где-то словами «фактор времени», «диспозиция», «фортификация», не замечая того, что ползала дремлет или играет в морской бой.

— ...мая красное знамя победы было победоносно водружено над Рейхстагом! — торжественно закончил он.

— Вот так было дело, — передразнил выступающего кто-то из зала.

Коля по привычке пробежал взглядом по залу в поисках голубых бантиков, но увидел их совсем не там, где ожидал: Оленька Кузнецова вела под руку к сцене его отца. По цвету носа и другим признакам сын безошибочно определил принятую им дозу: стадия эйфории. Громыхая костылём и деревянным протезом, тот пытался изобразить что-то вроде строевого шага.

Коле сильно захотелось провалиться под землю. «Выпендрился!» — сморщился он на допотопный широченный галстук и бостоновый

пиджак с тремя тусклыми наградами из тех, что когда-то валялись в ящике с радиодетальями.

— Идёт, идёт, — услышал Коля за спиной противный голос своего врага Куимова, — по крыше воробей! Несёт, несёт охапку костылей!

Слабая надежда на то, что отца не узнают, улетучилась.

— Воробьёв, — почувствовал он толчок под лопатку, — это твой пахан прикостылял?

Как мумия, Коля смотрел на пионервожатую, плохо понимая смысл её торжественного вступления.

— ...А сейчас перед вами выступит ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Славы Александр Александрович Воробьёв. Поприветствуем же его, ребята!

Под туш меланхоличного баяниста ветеран кое-как взобрался на трибуну, отставил костыль, прокашлялся и оглядел с улыбкой зал, который дружно разразился смехом, едва он открыл рот.

Даже сын его не ожидал такой реакции. И только подняв глаза, понял причину: в окне напротив корчил рожи дважды второгодник и хулиган Скиба, которого после последнего предупреждения не пустили в школу без нормальной стрижки. Когда его глумливая физиономия, расплющив нос, прильнула к стеклу, пионеры впали в истерику. Масла в огонь добавила тётка-Машина швабра. Сама техничка до окна не доставала, и над карнизом был виден лишь её инструмент, методично опускавшийся на патлатую голову.

Разгневанная пионервожатая, по имени Вера, вскопчила на сцену и пронзительным, как гудок паровоза, голосом заставила всех замолчать. — ...Люди жизнью своей жертвовали ради вас, холёных разгильдяев. Что хихикаешь, Егоров?! Весело? Думаешь под белой рубашкой скрыть свою чёрную душу?

— Ну зачем же так-то? — опешил ветеран.

— ...Я вот не уверена в том, что, случись война, ты и дружок твой, — показала она на окно, — могли бы повторить подвиг отцов и дедов. — Смогут! — заступился Сан Саныч. — Дети, ведь. Мы в их годы не такое вытворяли.

И снова взрыв хохота. Это снова показался Скиба, но в другом окне.

Пионервожатая пантерой кинулась к выходу.

— Ну, заяц, погоди! — крикнул кто-то голосом Папанова.

— Да впустите же этого ирокеза, прибьёт ведь! — крикнул Сан Саныч.

Распахнув окно, ребята втащили Скибу, который попутно стянул с головы пионера в очках испанку с кисточкой и, маскируясь, натянул её на свои рыжие космы.

— А что вы вытворяли в школе? Расскажите! — завопили из зала.

— Ага, научи вас, — отмахнулся ветеран, — такого натворите.

Без пионервожатой, один на один с бушующей толпой, он несколько сдрейфил и отхлебнул для храбрости из тоненькой фляжки.

— Мычали?

— Это что...

— Иголки в стул учителке вставляли?

— Скиба! — влетела запыхавшаяся пионервожатая на грани нервного срыва. — Я тебе сейчас вставлю!

— А чем? — спросил он голосом, в котором уже прорывались басовые нотки.

— Сейчас увидишь!

Зал снова взорвался.

Ветеран вопросительно посмотрел на неё: «Может, заканчивать пора?» — и опёрся на костыль.

— Что, на уроки захотели? — с маской инквизитора на лице пригрозила пионервожатая. — Так я вам устрою факультативы вместо летних каникул! То-то. Итак, — сделала она паузу, зловеще оглядывая притихший зал, — слово предоставляется ветерану Великой Отечественной войны Александру Александровичу Воробьёву! — и первая захлопала в ладоши. — Расскажите, Александр Александрович, с чего для вас началась война?

— Для меня? — спросил ветеран.

Он не ожидал такого вопроса и задумался, глядя в окно. В зале начали ёрзать и покашливать. Колькино лицо наливалось красным. Вера, решив, что ветеран забыл вопрос, повторила его.

— Со школы. У нас выпускной был. Всю ночь гуляли. Пели, делились планами, мечтали. А утром разошлись, чтобы вздремнуть и пойти на лодках кататься. Когда встретились снова у школы, все уже знали, что немец напал. Ну и вместо лодочной станции всем классом пошли в военкомат. Вот так и началась. Даже не знаю, что и рассказывать-то. — Рассказывайте, как фрицев лупили. Та-та-та-та-та, — изобразил герой дня.

— Во-во, именно так. Фамилия у тебя редкая. Родители-то откуда?

— А чё?

— Да у меня товарищ был на фронте, тоже Скиба.

— И чё?

— Да ничё. Колей звали.

— Как моего дядьку. Его на войне убили.

— С какого он года?

— Я почём знаю?

— Мы с Колей самые молодые были в батальоне. Слух как у зайцев, и бегали быстрее всех. Только услышим: «У-у-у-у», — набычившись, утробным голосом прогудел ветеран так, что у ребят мурашки по коже пробежали, — юнкерсы, значит, стаей в полнеба, — как дадим стрелкача! Если они в пике заходят, бежать уже поздно: «И-и-и-и», — уши закладывает, сердце сжимается. Попадаем лицом в землю, а за спиной грохот. А мессеры вот так: «Дз-з-з-з», — натурально изобразил он, — и косят где погуще. А за нами двумя кто погонится? Стихнет — вернёмся к своим, а там...

Коля поморщился, он уже слышал эту историю и знал, чем она кончится: «...А там куски мяса и стоны раненых». Но на этот раз прозвучала иная версия:

— ...А там уже наши бойцы улыбаются, покидая укрытия: провели немца, заставили его боекомплект впустую израсходовать.

— А как тогда дядя Коля погиб? — спросил Скиба и тут же дал подзатыльник одному из смешливых соседей: — Да тихо ты!

— Он, не он — не знаю. Но дружок мой погиб, спасая меня. Один раз юнкеры спикировали неожиданно. Мы замешкались, умаялись на марше до кровавых мозолей, бежать сил не было. Хотел в траншею, а она уж полна бойцов. Как тараканы по щелям забились. Подумал: всё, каюк, — как в грохоте услышал: «Саня! Сюда!» Тощие были, бочком вдвоём уместились. Самолёты улетели, я поднялся. «Коля!» — говорю, трясую его за плечо. Присмотрелся, а под лопаткой маленькая такая дырочка. Я ещё не поверил, что от такой умереть можно. А он не дышит. Прямо в сердце осколок попал.

— Не, значит, не он. Батя говорит, когда он за языком ходил.

— Значит, не он, — не стал спорить Сан Саныч.

— А вы ходили?

— Посылали как-то. Два дня ползали на пузе за линией фронта, никак не могли подобраться. А возвращаться пустыми нельзя. И так, и сяк — всё зря. И вот наткнулись на их линию связи. Перерезали провод и схоронились рядом. Ночь ждали. А утром слышим: губная гармошка! «Дойч-лянд зольдатен, унтерофицирен». Это они связиста отправили порыв провода искать. Мы изготовились, только команды старшего ждём...

Дети напряглись в ожидании развязки. Коля слышал и эту историю и знал, что развязки не будет: так и не решится старший дать команду, почуввав засаду.

Но нельзя же было разочаровывать ребят! И на этот раз история обернулась следующим образом:

— Дальше дело обычное: кляп в рот, мешок на голову — и к своим. Жирный такой попался, еле дотащили.

— Ха-ха-ха!

— А много вы немцев перебили? — раздался звонкий голос, но ветеран вместо ответа снова отхлебнул из фляжки, вынув её из внутреннего кармана.

— А в рукопашной кто кого? Немец или русский?

— Не знаю, — и, словно очнувшись, добавил: — Один на один никогда с немцем не схватывался.

— Почему? — разочарованно загудели в зале.

— Ну вы же настоящие пионеры, не обижаете слабеньких? Так и я: дождусь, когда их побольше соберётся, и вот так, — замахнулся костылём. — Сразу троих на штык насадишь и ждёшь следующую партию.

В зале довольный смех.

— Они боялись?

— Ещё как! Сидим в окопах, тут мы, там они. Кричат в рупор: «Рус Иван! Спой „Пропала головушка“!» — «Сейчас тебе „Катюшу“ спём!» — «Вай, вай, вай, не надо „Катюшу“», — смекнули, что речь не о песенках, а о реактивном миномёте.

— А в Сталинграде были?

— Довелось. Помню, сидим в траншее, за нами Волга. А немецкий окоп напротив, рукой подать. И вот оттуда заладили: «Рус Иван! Буль-буль!» Намекают, что скоро в Волгу скинут. «Буль-буль» да «буль-буль», и высовывается всё один, рыжий, как ваш Скиба, то тут, то там, чтоб не успели прицелиться. «Рус Иван, буль-буль!» Страшно разозлил. Да как его достанешь? Но нашлись смельчаки, ночью выкрали гадёныша, когда он в туалет пошёл. Давай его в реку окунать и приговаривать: «Фриц, буль-буль!»

— Утопили гада? — спросил Скиба с горящими глазами.

— В штаб сдали. От живого проку больше, чем от утопленника.

— А что у вас за медали? Можно посмотреть?

— Эта — «За освобождение Варшавы», эта — «За взятие Будапешта», — отцепил он обе и пустил по рядам.

— А почему Варшавы — за освобождение, а Будапешта — за взятие?

Сан Саныч внимательно посмотрел в пытливые глаза очкарика и задумался. И впрямь — почему? Польша и Венгрия — одинаково братские социалистические государства. Но это вроде как сейчас. А стоит ли рассказывать детям, что тогда Венгрия воевала на стороне немцев и отличалась такой жестокостью по отношению к мирному населению, что генерал Ватутин вынужден был отдать устный приказ: «Венгров в плен не брать»?

— Чтоб различали, кто географию в школе плохо учил, — не придумал он ничего лучшего.

— А что лучше: «калаш» или «шмайссер»? — снова кто-то выкрикнул из зала.

— Конечно, «калашников». Только их тогда ещё не было.

— А нам трудовик рассказывал, как из «калаша» немцев косил.

— Ну, это ему, наверное, опытный образец дали, — пожалел «фронтоника» Сан Саныч. — А мы из трёхлинеечки щёлкали. Чего зря пули на ветер пускать? Потом ПППШ появился, но не любил я его: тяжеленный, и не прицелишься толком.

— А если вы полный кавалер Славы, то почему у вас только один орден? — сыскался ещё один умник.

— Кто сказал, что полный?

— Вера.

— Нет, у меня только два.

— А где второй?

Колька покраснел. Он вспомнил, как променял на шариковую ручку второй. Нет, на ручку он променял орден Красной Звезды, а этот на клюшку.

Но отец быстро нашёлся:
— Второй у меня фриц в бою откусил, когда я его прижал. Зубастый оказался.

Прихлёбывая время от времени из фляжечки, ветеран раздухарился и рассказывал байки одна другой круче. Незаметно подмигнул сыну, но тот отвернулся. Не нравилось ему это шутовство.

— А вам страшно было? — спросила девочка.

— Русский солдат ничего не боится. Разве что... — понизил он тон. — Когда уже победа замаячила — жить вдруг захотелось! И союзники подоспели. Нас, кто повыше ростом да постатней, выбрали для встречи с ними. Весёлые ребята. Сigaretами угощали, тушёной в банках. Да только я и открыть её не успел: Дурная мина залетела, ногу-то и оттяпало. Помню, жалел, что шоколада настоящего не успел попробовать. Пацан ведь. Я даже и не курил тогда, махорку на кашу менял. А нога что? Вот, новую приделали, ещё крепче, — потопал он. — Ещё бы повоевал, да война кончилась.

Выступление прошло на ура. Ветеран задержал дыхание, чтобы не обдать перегаром Оленьку, которая под дробь барабанов повязала ему пионерский галстук.

— Скажите, а ещё война будет?

— Нет, ребята, наш народ строго держит курс коммунистической партии на мир во всём мире.

— Мы тоже хотим фрицев лупить!

— Подрастите сперва.

— А нам читали про Валю Котика. Ему тринадцать было.

— Хорошая книжка, но и арифметику не забывайте. А то кто будет танки делать?

Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп, —

процитировал мальчишка-артист.

— Кто сказал? — оглядел Сан Саныч зал.

— Василий Тёркин!

— Ну да, это по-нашему! — как-то невесело ответил он.

— А вы Тёркина видели?

— Ещё как. Похлёбку из одного котелка ели.

Опустошив фляжку, он нёс уже такую несусветную чушь, что пацаны хохотали до упада.

— Ну у тебя и батя, — тискали они потом Кольку. — Герой!

Когда они вышли со школьного двора, отец вдруг повернул налево.

— Куда ты? — спросил Коля.

— Надо. Просили холодильник посмотреть в красном доме.

В красном доме был магазин, который тоже называли красным.

— Я с тобой.

— Иди учи уроки.

Но Колька не отпускал отца до тех пор, пока не показалась стайка девчонок в белых фартуках, среди которых он узнал и Олю.

— Папа, пожалуйста, пойдём домой, — тихо попросил он.

— Пять минут — и буду дома. Иди, сынок.

Колька проглотил комок в горле. Он уже знал, чем всё это кончится.

Дома, подойдя к окну, стал ждать. Прошло пять минут, двадцать и час. Лишь тогда он увидел показавшегося из-за угла детской площадки отца. Он шёл, тяжело опираясь на костыль. Но когда мяч, запущенный кем-то из мальчишек, играющих в футбол, прокатился мимо, отец не удержался и поддел его костылём. Мальчишки тотчас узнали его и стали смеяться и кричать. Отец доковылял до инвалидки, которую ему на двадцатилетие Победы выделил бесплатно завком, и присел на капот отдохнуть. Мальчишки тут же окружили его.

— А она ездит?

— Ещё как. Броня крепка, и танки наши быстры!

К тому времени, как Колька выбежал на улицу, отец, громыхая жестью, уже лез в пыльное нутро.

Коля уцепился сзади за его пиджак и со злостью тянул обратно:

— Пошли домой, я тебе сказал!

Но отец, не оборачиваясь, ударил его по руке ребром ладони, вырвался и с неожиданной ловкостью уселся за руль.

Аккумулятор не подавал и признаков жизни. Но Коля зря надеялся, что этим всё закончится.

— А ну подтолкнули до первой искры! — скомандовал отец.

Пацаны со всех сторон облепили диковинное транспортное средство и с улюлюканьем покатали его на дорогу.

— Давай-давай! Ещё! Сцепляю! От винта!

Тарантас зачихал, но никак не заводился. Бак был пуст. Хотя это не имело уже никакого значения.

— ... Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее! — орал он охрипшим голосом, пока не зашёлся в кашле.

Разогнавшись до «бешеной» скорости, гонимая мальчишками «боевая» машина с грохотом выскочила с бордюра на улицу, едва не столкнувшись со встречным «Москвичом».

— ... Вперёд, вашу мать! Снаряд! Заряжай осколочным! За Родину, за Сталина! Огонь!!! Тра-та-та-та... — орал инвалид и размахивал, как автоматом, костылём, разгоняя озверевших собак.

Эта атака оказалась последней в его жизни.

За праздником шли выходные. Ни морг, ни ритуальные услуги не работали. Мать набегалась, уговаривая тех и других. Колька не столько думал об отце, сколько переживал за неё.

Но когда гроб вынесли на улицу и поставили на табуретки, на него накатило. Шёл мелкий, совсем не весенний дождь.

— Природа по Саше плачет, — говорила соседка.

Покойного прикрыли полиэтиленовой плёнкой, которая подрагивала от капель дождя, отчего казалось, что он что-то им пытается сказать на прощанье.

От сознания, что никогда больше не увидит отца, в Колиной душе образовалась пустота, которую, он знал, уже ничем не заполнить. Стало горько, что последнее время так мало разговаривал с ним, а потому, может, и не понимал, отчего так всё сложилось. Кто-то тронул его за плечо. Это была Оля. В плащике, в тёмной косынке и с парой гвоздик.

В момент, когда грянули надрывные звуки оркестра, что-то оборвалось внутри у Коли. Он изо всех сил старался, чтобы не разрыдаться, но слёз сдержать не смог. Люди понимали его и отводили глаза.

Когда процессия выехала за город в сторону кладбища, Коля увидел несколько десятков КраЗов, МАЗов и других больших машин вдоль дороги. Провожая в последний путь Сан Саныча, как звали его в автоцехе, они разом оглушительно загудели басами клаксонов. К ним подключился и заводской гудок, которым, за отсутствием надобности, не пользовались уже несколько лет.

— Давненько я не видел, чтобы кого-то так провожали, — сказал ответственный за похороны от завкома в болоньевом плаще.

— Хороший был человек, — ответил кто-то.

И все закивали.

«УБОГИХ» ПРИБЫЛО

I.

— Этого увозите, — услышал я сквозь наркотическую дрёму, одолевшую нестерпимую боль.

— Я ещё живой, — прошептал я спёкшимися губами.

— Тогда морг отменяется, везите в палату, — пошутил хирург.

— Мне уже всё равно.

— А мне нет. Зря я над вами столько корпел?

От руки моей отсоединили капельницу и придвинули каталку к кровати.

— Придётся самому, мне вас не поднять. Двигайтесь потихоньку: попой, плечами. Вот так, ещё-ещё попой... Умница! — подбадривал меня милый женский голос.

Развернувшись на месте, тележка моя сделала несколько манёвров по лабиринтам реанимации, прежде чем выкатилась на простор. Надо мной замелькали квадраты подвесного потолка, мало чем отличавшиеся от плиток пола, так что можно было подумать, что я еду лицом вниз.

— Голову приподнимите!

Едва я успел выполнить команду, как каталку мою тряхнуло на стыке. Несколько этажей вверх на скрипучем грузовом лифте. И вот палата, откуда я начинал своё путешествие два дня назад.

— С возвращением, — услышал я участливый голос выздоравливающего соседа. — Аккурат к столетию комсомола поспел!

— Буду вечно молодым.

Сосед мой, не отрывая телефона от уха, рассылал и принимал поздравления с великим юбилеем.

После обезболивающего я перестал скрипеть зубами. Кое-как дотянулся до телефона. Непринятых не было. Набрал на YouTube «Позабыт, позаброшен» и прибавил громкость:

...Вот умру я, умру я,
Похоронют меня,
И никто не узна-аит,
Где могилка моя...

— Это что за упадничество?! — вмешался сосед. — Всё самое плохое уже позади!

— И хорошее тоже, — мрачно добавил я, врубая для него «И Ленин такой молодой...» в исполнении Шнура.

Сосед подозрительно вслушался в необычную аранжировку, ожидая подвоха, но под конец даже принялся подпевать и размахивать руками. Его давно было пора выписывать, но от гистологии пришли неважные результаты, и его повторно направили на биопсию.

Потом для поднятия духа мы слушали Задорнова.

— Хочу сходить на него.

— Опоздал.

— Что так?

— Рак.

— Тоже?

— Только головного мозга.

Сосед призадумался. Несмотря на комсомольский задор в груди, на тумбочке своей он установил не портрет вождя, а образок святого Пантелеймона.

— Будто там, — поднял он палец к потолку, — кто-то селекцию проводит: кому и от чего. Как ты считаешь?

— Считаю, что не нашего это ума дело.

Сосед вздохнул: «Да что с тобой разговаривать!» — достал ботинки из потайного мешка и отправился на улицу курить.

Я загрузил другой ролик.

В палату вошла санитарка, ухоженная молодая брюнетка с раскосыми глазами. Можно было подумать, что это одна из киргизок или узбечек, нанятых для дежурства в ночную смену. Я давно её приметил, вежливая такая: «Здравствуйте, до свидания».

Тщательно орудуя шваброй, она спросила:
— «Мастера и Маргариту» смотрим? — и, прочтя удивление на моём лице, улыбнулась: — Версия Бортко?
Я кивнул и спросил, прикрыв простыней голые ноги:
— А вам какая больше нравится?
— Пожалуй, эта.
— Ближе к оригиналу?
— Более профессиональная. Хотя и у Кары есть свои сильные стороны. Не хочу сравнивать.
— А книгу читали?
— Ещё в седьмом классе. И потом не раз. Всегда что-то новое открывала.
— Вы в русской школе учились?
— А в какой ещё? В сто шестьдесят девятой, в Академгородке. И университет здесь окончила.
— Так вы местная?
— Да. Просто у меня папа кореец, — поняла она причину моего любопытства.
— А как фамилия? — вытянул я шею к бейджу, приколотому у неё на груди. — У меня много знакомых корейцев...
Подняв с пола у моего изголовья окровавленную салфетку, она отошла, и я не успел прочесть.
— Можно просто Ольга. Вам чистую принести?
— Если не трудно. На филфаке учились?
— На международной экономике.
— Понимаю. По такой специальности в нашей глубинке нелегко найти работу.
— Почему же? Меня с красным дипломом сразу в банк приняли.
— Лучше бы не говорили. Как вспомню эти каменные лица из бронированных окошек...
— Во-во, и я из такого три года выглядывала. Пока начальником отдела не назначили.
— Ух ты! — восхитился я. — А потом?
— Потом сюда перешла.
— Смысл?
— Долго рассказывать.
— Заинтриговали.
Она взялась за подоконники, а я слушал.
— Когда папа лежал здесь, я приходила его навещать. В ужас пришла: тощие подушки с застарелыми гнойными пятнами, злые медсёстры, высокомерные врачи. Но, так или иначе, дело пошло к выздоровлению. Поставили ему капельницу с каким-то новым препаратом, здоровенную банку литра на два. Я ещё подумала: как в него столько войдёт? Был июль, солнечные лучи через окно. Жалюзи заклинило, не закрыть. Жара, а ему холодно, просит ещё одно одеяло. Ну, я накрыла,

подоткнула с боков, а он дрожит, и лоб в испарине. Я кнопку вызова давяю. Три минуты, пять, а его уже натурально колотит. Я в коридор — там тишина. Ординаторская закрыта, обед у них. Побежала в сестринскую. «Что вы кричите? Освободите служебное помещение! Ждите, придут», — получила ответ. Вернулась, а отец уже никакой, синими губами силится что-то сказать. Я давай в ординаторскую барабанить. Вышла замначальника отделения, вся такая холёная, неприступная. Сёстры сбежались, набилась полная палата, и смотрят на неё в ожидании распоряжений. А та, по глазам вижу, сама не знает, что делать. «Поставьте эфедрин», — наконец распорядилась. Пока бегали за эфедрином, у неё уже другое решение созрело: «Звоните в реанимацию!» А там нет мест. «В кардиологию!» Там говорят: не наш случай. В общем, какой-то ужас. Я не знала, или молиться мне на этих врачей, или порвать их всех на месте. У отца уже судороги начались. Они решили без разрешения везти его в реанимацию, а в палате тесно, кровать развернуть не могут, чтобы в дверь прошла. Я оттолкнула их, сама убрала препятствия и покатила к лифту. Дальше меня не пустили. Сказали, что ему уже лучше, можно завтра навестить. Назавтра пришла, а мне узел с его вещами подают. Оказывается, его до отделения даже не успели довести.

— Суки, — вырвалось у меня.

Слова сочувствия были бы неуместны.

— Я не сразу уволилась из банка. Решение далось нелегко. Но чувствую: не могу так больше. Захотелось что-то нужное для людей сделать.

Так необычно было это услышать, что я опешил.

— Так не бывает!

— Отчего же? Раньше и княгини в сёстры милосердия шли.

— Раньше — да, но сейчас...

— Я пойду, работы много. Если что — красная кнопка у вас над головой.

— Постараюсь не будить.

— Я не сплю на работе.

— Не удивлюсь, если и здесь вас каким-нибудь начальником назначат.

— Я и так начальник. Умывальников. И мочалок командир.

Я лежал и корил себя, за то, как плохо порой мы думаем о молодых. И такие, мол, они, и сякие! А эта взяла и сменила вождеденное для многих место на бессонные ночи, стоны больных, утки, судна, гнойные бинты... «Чтобы делать людям добро» за гроши. А я бы так смог?

II.

По совету врача, на третий день я начал передвигаться по коридорам нашего отделения. Может, кому-то покажется неуместным, казённым слово «передвигаться», но, извините, назвать это шарканье по полу «ходьбой» язык не поворачивается. Надо сказать, не один я совершал подобный моцион. Некоторые бодрячки нарезали круги довольно

резво. Но все они были дооперационниками и зависти не вызывали. Напротив, это они нам с почтением уступали дорогу.

Если кому я и завидовал, так это вальяжно прогуливающимся пациентам, отсчитывающим последние шаги до выписки. «Кто понял жизнь, тот не спешит», — вспоминал, глядя на них, народную мудрость.

Таких же «улиток», как я, или «убогих», как нас тут называли, среди «ходовков» было немного. Их маршрут редко превышал расстояние до туалета и обратно.

Но всех ходячих объединяло общее кредо: «Движение — это жизнь». Многократно встречаясь в течение суток, мы справлялись друг у друга о самочувствии, подбадривали, делились самыми интимными подробностями о функционировании своих органов.

Длина дистанции, то есть полного круга по коридорам отделения, часто вызывала споры при определении «спортивных достижений». Чтобы разрешить неопределённость, я измерил линейкой размер одной керамической плитки и, посчитав их количество, получил, казалось бы, неоспоримый результат, который, вследствие своей очевидности, должен был прекратить дискуссии на этот счёт. Но один из претендентов на рекорд отделения по имени Агван не хотел со мной согласиться. Даже под угрозой пари на коньяк. Уверенный в себе, я обозначил приемлемые в качестве приза марки, не самые, надо сказать, дешёвые. Едва мы ударили по рукам, я вынул из кармана халата заветную линейку и демонстративно измерил размер плитки. — А теперь мы вместе посчитаем их количество, — пригласил я оппонента совершить круг почёта.

— Не стоит, уважаемый, я тебе верю.

— Тогда умножаем, — набрал я цифры на калькуляторе, — и получаем результат, — протянул к его лицу дисплей айфона. — Так?

— Не совсем.

— Может, ваш калькулятор косячит?

— Исключено.

— Тогда в чём дело?

— В мелочах, как обычно. Если бы ты был внимательней, молодой человек (!!!), то обратил бы внимание, что плитки уложены не стык в стык.

— Ну хорошо, накиньте сантиметр.

— Толщина швов колеблется от десяти до тринадцати миллиметров. Проверь. В среднем одиннадцать с половиной. Теперь перемножь на количество плиток, это, я вижу, ты умеешь, и огласи результат.

— Получается на девять с половиной метров больше, — вынужден я был признать.

— Как говорит мой внук, пятёрка после запятой округляется в большую сторону. Итого — на десять метров. Что и требовалось доказать, а?

Мне оставалось только развести руками:

— Ну что ж, поздравляю. С меня приз. После выписки.

Осмотрев меня с ног до головы, словно оценивая физическое состояние, он сказал:

— В лучшем случае это произойдёт через неделю. Я уже буду далеко.

— Может, деньгами?

— Зачем денгами? Я не крохобор. Но есть два варианта: Приехать ко мне в Абакан, когда поправишься...

— Спасибо за приглашение, но у меня в делах такой завал, что не скоро смогу выделить сутки для такого путешествия.

— Тогда завтра давай. Только скажи своим, чтобы в ларьке не брали. Лучше в «Метро» или в «Пятёрочке», на худой конец. Армянский не надо. Нэ хочу, чтобы Сергей Петрович вспоминал меня плохими словами. Мы с ним коллеги.

— Вы тоже доктор? — с уважением спросил я.

Агван помолчал для важности, прежде чем ответить:

— Нэт, питание обеспечиваю в больницах.

При этих словах я сразу вспомнил я кирзовую кашу, которую нам давали на завтрак.

На следующий день сосед Агвана, посмеявшись, как тот меня развёл, поведал, что у него своё кафе «Восточное» на трассе М-54. А до пенсии прапорщиком служил, на вещевом складе.

— Ткань отмерял офицерам на пошив парадной формы. Говорит, так наловчился, что из пятнадцати отрезков у него выходил ещё один на пальто жене или костюм любовнице.

III.

Вчера в категории «убогих» прибыло. Двигая, словно по тонкому льду, торчащими из-под короткого халата тощими ногами, на терренкур выплыл бледный как смерть инженер Огарин, прозванный здесь Гиперболоидом.

Его привезли из реанимации, где он пробыл подозрительно долго, и поместили в самой шумной палате у двери.

Дефилируя мимо, я сразу узнал выдающийся нос. Приподняв со лба его влажное полотенце за уголок, я вздрогнул от немигающего взгляда остекленевшего ока и машинально потянулся к кнопке вызова дежурной, но тут из-под простыни вдруг медленно поднялся сжатый кулак: «Но пасаран».

А на следующий день он уже вышел на своих двоих. Вот что значит воля к жизни!

Мы познакомились с ним за неделю до операции.

— Виктор О'Гарин, инженер, — представился он и поднял кулак вместо рукопожатия, которое не приветствуется в больницах из соображений гигиены.

Стало понятно, что прозвищем своим он обязан не только длинным ногам-опорам, маленькой голове-процессору на вершине и длинному, словно навигатор, носу.

С той встречи мы неизменно приветствовали друг друга жестом Че Гевары: он на полном серьёзе, а я в подражание.

Ему шестьдесят три. И он уже в третий раз угодил сюда с одной и той же проблемой.

— А что вас удивляет? Не заметили, что для большинства здешних обитателей больница — как дом родной?

— Избави Бог от такого родства.

— Вот уж от чего не зарекаются. Как от суммы и тюрьмы.

Но я к такой перспективе не был готов ни морально, ни физически и твёрдо решил больше сюда ни ногой, ни на каталке. И не столько спросил, сколько вслух подумал:

— А стоит ли оно того?

Он тогда внимательно посмотрел мне в глаза, словно читая мои мысли, и, перефразируя Гамлета, спросил:

— Так что мне теперь, удавиться?

И вот теперь, снова встретив его на тропе жизни, я лишь покачал головой:

— Не рано ли на променад?

— Не могу я там. Орут, спорят до хрипоты. Дебильные ток-шоу на полную громкость врубают, а это для меня что летальное оружие.

Ноги инженера О'Тарина подкосились, и я едва успел удержать его от падения.

— Чёртова анестезия. До сих пор ног не чувствую.

— Пойдёмте, Вам нужно лечь.

— Лучше б они мне голову так отключили, как ноги.

— Я принесу вам беруши.

На следующий день я опять увидел его в коридоре. В наушниках от смартфона, опершись на пластиковый подоконник, он смотрел на серый пейзаж с безжизненными коробками новостроек. Крупными хлопьями повалил первый снег. Я поздравил Огарина с началом зимы.

Он взглянул на меня с досадой и знаком показал, что занят.

Я пожал плечами и продолжил свой путь.

В столовой он подсел ко мне и начал оправдываться:

— Вы извините, сын звонил из Торонто. Он должен был исполнять там партию Томского в «Пиковой даме».

— Поздравляю. На Россию транслировали?

— Костя обещал передать постановку по скайпу, в онлайн-режиме. Но сбой со связью произошёл. Вот я и ждал.

— А в каком театре гастроли?

— Не гастроли. Он уже год как в Канаде. Скоро грин-карту оформит.

— А, так он там нашёл работу? Да ещё по специальности! — почуяв какую-то нестыковку, вытягивал я из инженера слово за словом. — Редкая удача. О'Тарин — его сценический псевдоним? Красиво. Хотя что-то не припоминаю его в труппе нашего театра.

— Н-нет, он в ГорДК, в студии оперного пения, занимался. У него драматический баритон глубокого тембра, как у Хворостовского.
— О! Это другое дело,— интерес мой только усилился.— И там его талант нашёл признание? Ради этого стоило уехать!

— Всё это пока неопределённо,— поводит отец знаменитости алюминиевой ложкой в воздухе.— У них там временный коллектив. Он узнал про кастинг, прослушался и сразу прошёл.

— Ну естественно, с таким-то тембром.

Ситуация для меня начала проясняться.

— А кто у них антрепренёр? Ося или Изя?

— Нет, Засланский Михаил Львович.

— А! Ну так это совсем другое дело! — воскликнул я.

— Вы его знаете?

— Наслышан.

— Он занимается популяризацией русской классической музыки за границей.

— Она в том нуждается?

— А как же. Вспомните Дягилева.

— Ну да, ну да, наследник идей, так сказать, продолжатель традиций. Кстати, как называется их шапито?

— «Геликон-опера».

— Где то я и это слышал.

— Это из греческой мифологии. Классический репертуар в современном исполнении.

— Вы же не любите попсу.

— Ну что вы! Это совсем другое! Новые интерпретации, новые эти, как их... Да посмотрите сами,— принялся он совать мне под нос свой смартфон с фотографиями сцен из постановок и рекламных баннеров.

— Сто баксов,— вытер я губы салфеткой.

— Что сто баксов?

— За пять таких плакатов, распечатанных с фото на широкоформатном принтере. Да-да! Интерпретации-профанации, баунти-... унти...

— Что, простите?

— Да так, песенку одну вспомнил. Когда не можешь ничего создать, лучше всего прилепиться к классике и глумиться над ней. Ладно, простите. Я вовсе не хочу задеть ваши чувства. Скажите лучше, как прошла премьера?

Гиперболоид не донёс до рта ложку с куском эрзац-котлеты.

— Не знаю подробностей, но...

— Цветы, овации?! Поклонницы в гримёрке?!..

— Я только что дозвонился до Кости, он говорит, что по техническим причинам представление пришлось прервать. Музыканты после первого акта потребовали обещанный аванс, а узнав, что касса пуста, отказались играть. Актёры пытались петь без музыкального сопровождения, но суфлёр тоже сбежал. А куда без него?

— Ничего проще. Пели бы что-нибудь. Что, в Канаде многие знают русский?

— Больше украинский, конечно.

— Так они «Пиковую даму» на мове исполнять собирались?

— В том-то вся и фишка! Костя говорит, все скамьи были заняты.

— Скамьи?

— Да. Ностальгируют.

— Ну, теперь это у них пройдёт.

— Быстрее, чем вы думаете. Все повскакивали с мест, стали свистеть, кричать, требовать деньги взад. Но кассир и антрепренёр куда-то исчезли, и весь гнев обрушился на актёров.

— Ну, как всегда. Потерять лицо для актёра настоящая беда. И больше в прямом смысле, нежели в переносном. И чем всё закончилось?

— Вызвали полицию. Это последнее, что сообщил Костя по «Вацапу».

— Видимо, у них в полиции тоже сотовые отбирают.

— Вы думаете, его забрали?!

— Сотовый?

— Костю! — испуганно воскликнул папаша.

— А как вы думаете?

— И что ему могут предъявить?

— Как минимум мошенничество.

— Но Костя просто артист!

Я чуть не поперхнулся пирожком с картошкой:

— Все мошенники в какой-то степени артисты. Кто-то же должен ответить, если должностные лица сбежали. Это не Россия, безнаказанность не прокатит.

— Не может быть! Михаил Львович — заслуженный деятель искусств, я в Википедии про него читал.

— Да что там! Я сам две статьи в Вики разместил. А ваш деятель сейчас расклеивает свою рекламу где-нибудь на Аляске, беззастенчиво используя символику Мариинки. В Северной Америке одно это уже считается преступлением.

IV.

По какой-то одним врачам известной причине меня не спешили выписывать, и я буквально изнывал от условий и еды, к которым невозможно привыкнуть, а главное, от безделья. А потому, как это ни кощунственно звучит, обрадовался, узнав, что по соседству, в отделении гематологии, лежит с лейкозом мой хороший знакомый, назовём его Иваном Ивановичем, проработавший не один десяток лет главным инженером крупного проектного института. Когда-то пышущий здоровьем мужчина облысел и отошал до неузнаваемости.

— Ну как же так? — покачал я головой. — Ведь это лечится.

— Если вовремя начать.

Оказывается, симптомы болезни проявились у него давно, но обращаться к врачам было некогда, а сам он объяснял их усталостью, нервными стрессами, а главное, возрастом.

— Как же вы работаете в таком состоянии? — удивился врач, когда зловещий диагноз подтвердился.

— Так и работаю, стиснув зубы.

Я стал навещать его, чему он был очень рад. Состояние покоя для него, как и для меня, было, мягко сказать, непривычным; достаточно сказать, что он забыл, когда последний раз был в полноценном отпуске. А тут у нас появилась возможность подолгу разговаривать о чём угодно, только не о делах.

С подобными болезнями, в поздней их стадии, смерть часто воспринимается как освобождение. По крайней мере, он не испытал переживаний, которые Лев Николаевич Толстой приписал своему персонажу Ивану Ильичу. Не испытывал и тоски расставания с берёзками и закатами, на которые он вдоволь насмотрелся за свою жизнь. Жена его умерла год назад, а сына увидел, только когда оказался на больничной койке. До того всё общение ограничивалось просьбами денег через «Вацап» и их перечислением через «Сбербанк-онлайн».

Почти не имея опыта общения с медициной, он очутился на её конвейере по сортировке больных, который начинался с поликлиники по месту жительства. Не рассчитывая на сочувствие, он и к равнодушию отнёсся бы с пониманием. Но бесконечные очереди, злоупотребление, а то и упоение властью над больными, переходящее в хамство, с непривычки настолько его возмущали, что давление, которое ему измеряли на приёме, зашкаливало за двести. На вопрос, долго ли ещё будут его отфутболивать от одного врача к другому, один из них произнёс:

— А что вы хотите? Бесплатная медицина — как бесплатный сыр в мышеловке.

— Почему же бесплатная? У меня трудовой стаж сорок лет. Если посчитать отчисленные мною проценты с зарплаты на медицину, мне хватило бы на лечение где-нибудь в Германии или Израиле.

Так или иначе, в больницу Иван Иванович всё-таки попал. И чуть о том не пожалел, глядя вокруг, как затравленный зверь. Уже в приёмном покое он оказался свидетелем разговора медсестры с врачом, который пожаловался на больного, попросившего у него какое-то лекарство. Толстая рыжая девка вскрикнула со злостью:

— Надо было дать, быстрее сдохнет!

Иван Иванович не сдержался:

— «Сдохнет»? Разве можно так говорить про больных?!

— Не встревайте, не с вами разговариваю. Закрой дверь!!!

— «Закрой дверь!» — передразнил Иван Иванович. — Таким голосом только с толчка кричать, — пригвоздил он рыжую, пожизненно обеспечив себе звание «конфликтного».

Публика в палате была бывалая. Здесь, как в поезде, можно было говорить всё. А что оставалось делать в паузах между клизмой и инъекциями? После литра гормонального, введённого через капельницу, наступало нечто вроде эйфории, когда больные оживали, делились воспоминаниями, байками или с гордостью ввали об успехах своих детей и внуков. Ивану Ивановичу врать не хотелось, а хватать было нечем.

Когда бесконечные телефонные разговоры соседей со своими отпрысками надоедали ему, он выходил из палаты в коридор с видом на Енисей, облакачивался на подоконник и подолгу созерцал течение мощной реки, на которую, как и на облака, можно смотреть бесконечно.

Всё, на что он смотрел раньше, имело смысл обычно практический: под ноги — чтобы не упасть, на лица — чтобы узнать, на деньги — чтобы считать. Тратить время, чтобы смотреть на что-то просто так, было непозволительной роскошью. А в больнице свободного времени было столько, что вначале он не знал, как распорядиться таким богатством, и лишь постепенно начал понимать, что не он распоряжается временем, а оно им. До определённой, точнее, неопределённой черты. Но думать об этой черте не хотелось, человек ко всему привыкает, и к её неизбежности тоже. Да какая, по большому счёту, разница, на десять лет раньше это произойдёт или позже?

Когда я пришёл к приятелю в очередной раз, мне сказали, что он на обследовании. Я решил подождать его у окна, с которого открывался чудесный вид на Енисей.

У такого же окна в соседнем пролёте стояли, держась за руки, мальчик, красивый, как херувим, и девочка, абсолютно лысенькая, видимо, после трансплантации, худенькая, но такая миленькая. Им было по двадцать с небольшим. И оба с лейкозом. В таких случаях всегда думается о несовершенстве природы и сбоях в её системе отбора. Тем более что у молодых такое заболевание развивается стремительно, оставляя мало шансов.

Вряд ли они думали о том в эту минуту. Смерть не так уж всеильна, не каждого может запугать. Молодые улыбались, о чём-то тихо говорили, но больше молчали, слушая, как на острове заливаются соловьи. Заметив, что я поглядываю на них, мальчик что-то сказал ей, и она засмеялась, негромко, но озорно, как хрустальный колокольчик. Подумалось: только бы он не упал, не разбился...

Между тем на больничный городок незаметно наплывали золотистые сумерки, постепенно насыщаясь бордовыми красками марсианского заката, который разлился блёстками по воде, залил красными чернилами притихшую берёзовую рощу на острове и давил теперь на окна, грозя затопить собой девятиэтажный корпус. Пурпурное светило, казалось, навсегда тонуло за сопками на горизонте. Только динозавров не хватало, чтобы совсем было как в романе Герберта

Уэллса «Машина времени». Смолкли соловьи, всё затихло в неподвижности, как перед бурей.

Какой-то «оптимист» из палаты с открытой дверью басом: «пум-пум-пум-пум...» — пропел музыкальную строку из похоронного марша, да так, что похолодело внутри. Санитарочка Зина пробежала по коридору, попросив закрыть фрамугу:

— Сильный ветер обещают.

— Да, да, — не стал я спорить, закрыл окно и ушёл, чтобы не смущать молодых своим присутствием.

В моей четырёхместной палате к соседу, бывшему полярному лётчику, пришла жена, на вид совсем простая женщина, но с добрыми глазами. С момента, как она вошла и поцеловала мужа, было очевидно, что это счастливая пара. Он схватился за костыли, чтобы подняться, но она не позволила. Всё время, пока она была рядом, он держал её за руку. Свободной рукой она поправляла ему волосы и гладила по щекам: — Солнце моё, ну ты бы хоть побрился. Ведь наволочку порвёшь.

Я вспомнил молодых у окна: вот бы и они, невзирая... несмотря на... донесли бы свои чувства до этих лет!

ВНУКИ ЧЕКИСТОВ

Гоа. Шум прибоя и пергаментный шелест пальмовых листьев. Топчан и тростниковый зонт над головой. Чего ещё надо?

«В Гоа вам просто необходимо отведать своеобразный местный напиток „феня“, приготовленный из кешью и тропических фруктов», — читает жена выдержку из путеводителя.

— Попробуем? Тропические фрукты — моя слабость.

Под навесом пляжного ресторанчика от солнца укрылась группа немцев, внимание которых из всех сил пыталась привлечь не очень молодая, но стройная женщина со стрижкой «ёжик», не в сандалиях, а в сапожках *a la russe*, модных в том сезоне в Европе. Долетевшие до меня слова «Stalin», «КГВ» резали слух на фоне дыхания океана и томных звуков гитар из невидимых аудиоколонок. Услышав русскую речь: — У вас закурить не найдётся? — я расстроился: мы специально выбирали местечко подальше от соотечественников.

С виноватой улыбкой развёл руками.

— Может, купите мне одну-две сигареты? Здесь поштучно продают. Только не индийские. Лучше «Marlboro». Хотя они всё равно индийские, — попросила женщина в сапожках.

Бармен, с изрядной долей португальских кровей, явно оживился, увидев нового посетителя:

— Привет! Меня зовут Миша. Приходите всегда, у меня для русских хороший дискаунт, — поприветствовал он меня почти без акцента. — Что желаете?

— Феню.

— Феня? — изменился он в лице.

— Да, две.

— Фулл?

— Йе. И «Marlboro».

— Just a moment, sir, — юркнул он в подсобку.

Мы думали, феня — это что-то вроде сока, а он вынес два полных стакана прозрачной маслянистой жидкости, в которые я, не чувствуя подвоха, небрежно опустил соломинки со стойки. Проходя мимо притихших немцев, положил им на стол пачку сигарет. За спиной моей повисла театральная тишина. Бредя по песку к своему зонтику, я приняховивался и крутил носом, пока не поднёс к нему стакан: шибануло сивухой.

— Что ты там натворил? — строго, как у своих учеников, спросила жена. — Почему они все так на тебя смотрят?

— От зависти. Твоя феня, мэм.

Лицо её перекопилось от отвращения:

— Что это?

— Пей, не нюхай.

Я оглянулся на посетителей ресторана, которые, ожидая продолжения, смотрели на нас. Ну что тут оставалось? Русские не сдаются.

Повернувшись к океану, я приподнял локоть и, держа двумя пальцами стакан, оттопырил мизинец. Ветер трепал расстёгнутую рубашку так, что был виден на груди золотой православный крестик.

— Сашка, ты с ума сошёл! — прошипела жена.

Насладившись вниманием, я опрокинул в себя содержимое высокого стакана.

— А хорошо прошла! С утра, в жару да на голодный желудок! — икнул я и улёгся на топчан, свесив до песка руки. — Жизнь прекрасна и удивительна. Споём?

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дорожке троечка мчится.

Как там дальше? Подпевай!

Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон
О любви говорит.

— Сдурел совсем. Всё, хватит позориться, пошли давай домой.

В лунном сиянье ранней весной
Помнишь ли встречи, друг мой, с тобою?
Динь-динь-динь, динь-динь-динь... —

всё громче орал я, пока перед моим лицом вдруг не возникли ноги в красных сафьяновых сапожках. Мне захотелось их потрогать, хотя бы одну, но побоялся получить по голове. От жены.

— Вы так спиваете, что не утерпела. Давно не слышала нормальной русской мовы. Як уихала из Союза. Аж на слёзую пробилло. Така держава была! Ельцин, хад, всё развалил...

— Я попрошу! Мы с Борисом Николаевичем один вуз заканчивали — правда, с разницей в четверть века.

— Sorry, I don't want to touch your feelings, but...

— И никаких «but».

— А з иншого боку, ви правы: об чём жалеть? Тоталитарний режим, тюрьма народов. Вы не имеете против, шо я закурю?

Феня ещё не успела в полной мере туркнуть мне в голову, поэтому я пока не был расположен к политической дискуссии. Не дождавшись ответа, она достала сигарету из знакомой пачки. И указала на стакан:

— Это вода? Можно?

Я машинально кивнул. Она отсосала через трубочку, не поморщившись.

— Я из Одессы...

— Не верю.

— Ну, рядом. А туда приехала вступать. Куда там?! Одни дочки генералов и партийных бонз вступали. Не представляете, как было нестерпимо обидно: денег немає, свободы личности тоже. Вышла, на х..., за моряка-араба и уехала с ним в Алжир. Кошма-ар! Еле сбежала. С одним греком в его Грецию.

— Интересно!

— Да где там! Такая жопа, что снова за негра вышла, но уже в Нью-Йорке. Как поётся:

Вам снилось, что теперь
В притонах Сан-Франциско
Лиловый негр мне подаёт манто...

Жена не выносила две вещи: табачный дым и маты. Но ещё больше, когда я начинал флиртовать с чужими женщинами. Я не заметил, как она встала и направилась к океану.

Гостья, после рассказа об экзотических мужьях, перешла к изложению родословной: папу родила молдаванка, которую изнасиловали чекисты, мама — полухохлушка, полуеврейка...

Дальше я не слушал, потому что потерял из виду жену. А волны были приличные, баллов на пять. Никто, кроме Crazy Russians, не купался.

Надо было бросаться спасать, но не мог же я оставить деньги, кредитки и документы на хранение незнакомой женщине? Да ещё такой.

— Я тоже позагораю, — надумала она, высосав до дна стакан самогона. — Ой, купальник оставила. Ничего, если topless? — стянула она с себя платице. — Вот, а голод был страшный. Бабушка с дедушкой скушали ребёнка. Да-да, — для убедительности кивнула она головой, — младшего. Сварили и съели. А что? Всё равно не прокормить было. Большевики усё забрали. Холодомор...

Но мне уже было не до её страданий: вытягивая шею, вглядывался в горизонт.

— Потом дедушку забрали, в ЧК. Пытали в застенках и увезли на Колыму. Там и сгинул.

Наконец я увидел жену, появившуюся из пены морской, и понял, что надо закругляться.

— Мой тоже на Колыме сгинул.

— Замучили?

— Да нет, с вышки упал. Дед в охране служил на зоне.

Вечером по пути с фруктового рынка мы снова встретили её. В пустом открытом баре с мигающими гирляндами жертва режима жаловалась на судьбу престарелому американскому бойскауту в красной бейсболке, который утешал её коктейлем и от жалости гладил коленки.

— Может, по фене?— предложил я жене.

— А по башке не хочешь? Пошли домой быстрее! — потащила она меня за руку.

Николай Тимченко

Зоупо — homo denisovensis

ПРЕДИСЛОВИЕ

О, как давно это было! Листва и даже деревья отживали свой век, падали и, перегнивая, превращались в почву. Даже пыль, попадающая в пещеры, успела превратиться в толстый слой почвы. Но, на наше счастье, не всё успело стать прахом. И археологи, скрупулёзно вскрывая землю слой за слоем, по крупицам собирают дошедшие до наших дней отголоски далёких эпох. Где-то сохранились останки скелетов, иногда находят лишь отдельные кости черепа, а порой раскопки можно считать удачными, если посчастливилось найти единственный зуб или фалангу пальца древнего человека.

Благодаря кропотливому труду целых коллективов шаг за шагом, год за годом коллекции находок пополняются, систематизируются, изучаются учёными, работающими в различных направлениях. Одни устанавливают возраст находок, а другие, как дотошные криминалисты, из чудом сохранившихся костных тканей выделяют ДНК. Кто-то воссоздаёт облик обладателя заветной косточки или пытается подвести научную основу под гипотезу, пока ещё спорную.

Перенесёмся же из нашего техногенного мира в то далёкое прошлое, когда ручной обработке поддавались только глина, дерево и камень. От изделий из дерева и глины следов почти не осталось, но они были — служили жителям каменного века верой и правдой. Да и век ли он? В привычном нам понимании век — это всего лишь столетие. А каменный век затянулся на... миллионы лет!

Следы деятельности самых древних эректусов найдены на рубеже двух миллионов лет. Эректус — это человек прямоходящий. Заметьте, что именно человек, а не обезьяна и не полуобезьяна. Природа не спешила преобразовывать древних предков человечества. И всё-таки они медленно, но неоспоримо эволюционировали и внешне, и интеллектуально. Миллионы лет и эволюция преобразовали внешность древних людей.

Нет единого мнения о том, когда возникла речь. Но не оспаривается то, что в описываемый здесь период люди могли общаться вербально, дополняя речь жестами и мимикой. Период, отдалённый от нас на четыре с половиной десятка тысячелетий, примечателен ещё и тем, что в горах Алтая — практически в одном месте и в одно время — сошлись три ветви человечества. Кроманьонцы, прямыми потомками которых все мы являемся, — они не только выжили, но и заселили всю

планету. А неандертальцы и денисовцы — вымерли. Но они не ушли бесследно — небольшая часть их ДНК-цепочек есть в каждом из нас.

Люди рождались, взрослели, набирались знаний и опыта. Во многом наши далёкие предки были похожи на нас. Чему-то, независимо от возраста, те люди бурно радовались или просто улыбались. Если род настигала беда, они горевали. Находились у них поводы и для мимолётной грусти. Но жизнь была бы невыносима без радости. Поводы для проявления радости находились наряду с другими.

Как и у наших современников, там не обошлось без человеческих пороков. Так же могли быть трусы, предатели, карьеристы... Людей, наделённых отрицательными качествами, соплеменники ненавидели, даже если те были наделены властью. Ценилась сила, соединённая с отвагой, умением своевременно найти правильное решение, способностью предвидеть течение предстоящих событий.

Всякий мыслящий человек пытается заглянуть в будущее. Что-то планируется, о чём-то мечтается, а чего-то мы пытаемся избежать. И те архаичные люди не были исключением. Они, как и мы, тоже не могли жить без мечты, хоть воображение и не уводило их так далеко, как современных мечтателей.

Сегодня, когда есть государства с их границами, большинство людей живёт по законам, но кто-то — по понятиям. Те люди, независимо от принадлежности к ветви человечества, жили и взаимодействовали согласно традициям, сформировавшимся десятками или даже сотнями предшествовавших поколений, и в соответствии с устоявшимися нравами. Каждой эпохе присущи свои нравы. То, что нам кажется дикостью, в каменном веке считалось нормальным.

Нет ни письменных источников, ни устных преданий о нравах и интересах того далёкого времени. Нет сомнений в том, что речь наших далёких сородичей не была столь гладкой и многословной, как наша. Перевод тех давних монологов представлен вам, дорогие читатели, в варианте, удобном для прочтения и понимания. Жизнь многогранна, в ней могло происходить всякое. Но, быть может, именно это несомненно происходило!

1. Отчий дом

Да, пещера была домом для многих поколений. Родившимся в ней малышам сразу имён не давали. До поры всех мальчиков называли словом «мон», а девочек — «мин». Позже, когда ребёнок в чём-то проявлял себя, ему давали имя. У некоторых это происходило при достижении четырёх, а кто-то без имени доживал до семи и даже до восьми зим.

Зоуро и его друзья обзавелись именами рано. Сначала его звали Зоуло — то есть любознательный, или почемучка, как теперь называют большинство малышей. Он оправдывал своё имя и, взрослея, проявлял качества, необходимые для того, чтобы стать предводителем

сверстников. Сверстники не просто прислушивались к своему знающему жожаку, а доверяли практически во всех начинаниях, шли с ним даже тогда, когда становилось страшно. В повествовании и в названии произведения использовано то имя, которое он получил уже взрослым.

Туно — имя, означающее бесшабашность, склонность к неоправданным рискам, — стало повседневным обозначением одного из ближайших друзей Зоуро. Будто в подтверждение имени, Туно продолжал вести себя так, что за ним постоянно требовался «глаз да глаз». Главное, что он привык к одёргиваниям и не обижался на друзей.

И Саво был не таким, как все. Ко всем его характеристикам, он не выглядел простоватым мальчиком. Его хитрости, изворотливости и умения предугадать ситуацию хватило бы на троих. Нет, мальчишка не блистал искромётным умом, не был семи пядей во лбу, не обладал феноменальной памятью — он просто отличался от других своей хитростью. Потому-то и звался Саво. Как и Туно, он был старше Зоуро на одну зиму.

Тавк — друг неразлучной троицы, который ни на шаг не отставал ни в играх, ни в более серьёзных делах. Не только ходил, но и делал он всё необыкновенно быстро. Уже через три зимы от рождения имя он получил за свою неугомонность, проявившуюся практически с первым криком. Окружающие удивлялись: откуда мальчишка черпает необузданную энергию, которой с лихвой хватило бы на двоих или более? Он единственный в компании был старше жожака на две зимы.

Единственная девочка, которую приняли мальчишки в свою компанию, получила имя Сонх. Это произошло благодаря общению с дружным мальчишеским квартетом. Тихая и неразговорчивая, она попросила не прогонять её, разрешить быть рядом. Девочка пообещала не мешать в мальчишеских играх. Своё желание быть с ними она объяснила страхом уходить в одиночку далеко от жилища. Несколько раз прогнав, мальчишки смирились с присутствием тихой и незаметной девчонки-попутчицы. Она сопровождала неразлучных друзей везде, как бы далеко ни уводило их влечение к познанию мира. Попутчица же везде находила время для того, чтобы собирать цветы и травы. Этому бесполезному занятию никто из детей и взрослых долго не придавал значения, но через семь зим от рождения она стала Сонх — травницей.

Несмотря на то, что он был единственным ребёнком, получившим имя при рождении, этот мальчишка рос незаметным. Родился он богатырём, на несколько дней раньше Зоуро, но немного позже, чем Сонх. Если бы у пещерников были весы, они бы поняли, что младенец весит около семи килограммов. Большеголовый, как все дети племени, малыш-богатырь рождался в муках. Либо при прохождении материнского таза, или «благодаря» усилиям повитухи, принимающей роды, он родился уродцем. Его череп оказался деформирован, глаз и часть

рта на правой стороне лица были выше, чем на левой. Носик младенца повёрнут вправо. Оба глаза оказались выпученными, неморгающими. Самым ужасающим оказался звериный оскал, которого не могли прикрыть детские губки.

Женщины хотели умертвить похожего на зверёныша младенца, но Бахро, вождь племени в тот период, сказал:

— Такой крепыш должен жить. Он страшный, но вырастет сильным охотником и воином, сможет защитить жилище и нас с вами.

Немного подумав, добавил:

— Если не озлобится на весь мир и на нас в первую очередь.

Эти слова вождя соплеменники приняли за указание не нервировать мальчишку. Непроизвольно вождь дал имя малышу. Соплеменники оставили без внимания слово «крепыш», но ухватились за слово «страшный» — Пнихо. Дети сторонились его. Они боялись Пнихо, который казался им ужасным.

Имя Крепыш — Булут — шестью зимами позже рождения Пнихо получил другой мальчик. В свои пять зим он рос крепким, несмотря на то что босиком, как и его сверстники, бродил по лужам от растаявшего снега. И телосложением Булут не выглядел хилым. К компании Зоуро он примкнул в шесть зим, когда мальчишескому предводителю было уже семь.

Поначалу в детских забавах, которые обычно придумывал Зоуро, принимала участие вся мелюзга — мон и мин. Игры тогда не выходили за пределы пещеры — древнего жилища племени, живущего одной большой семьёй. Удаляясь не дальше второго поворота своей пещеры, уходящей куда-то в глубь горы, дети играли в прятки, догонялки, устраивали кучу-малу... Их не восхищали и не удивляли какие-либо особенности жилища. Они воспринимали существующее как само собой разумеющееся, неоспоримое и не требующее объяснений. Но уже тогда нашлись и те, кто значительно отличался от своих доброжелательных сверстников.

Молх в переводе на современный русский означало «вредный». Он на одну зиму моложе, чем Тавк. Если дети играли, то ему обязательно хотелось привнести в игру разлад, навязать свои правила игры, иногда даже небезопасные. Но это не означает, что недовольный игрой мальчишка был инициативным. Как только игроки теряли интерес к игре, он не мог повести за собой, увлечь каким-нибудь другим занятием. Неудивительно, что когда подросток Кукто, который младше его на две зимы, Молх попал под его влияние.

Кукто звался Тигр. Мальчик рос непомерно жестоким, как тигр, не щадящий свою жертву. Уступая в силе более старшим, он набрасывался на обидчика и бил его тем, что попадало под руку. Бил этот мальчишка без намёка на опасение покалечить своего противника. Даже тогда, когда нарывался на более сильного мальчишку, не выходил из драки. В таких случаях ему приходилось уползать с поля сражения.

Сулух, то есть «злой», носил волчье имя. Люди заметили, что волк, даже тяжелораненый, огрызается, скалит зубы, в злобе может наброситься на охотника. И это даже тогда, когда сам истекает кровью, доживает последние мгновения. Злобный мальчишка был слабее Зоуро, хоть был ему ровесником. Необщительный, он злился на других даже за то, что им весело, когда ему грустно, что они вместе, а он одинок. Кукто не обошёл нелюдимого своим вниманием, решил подчинить себе. Видя, что младший мальчишка пытается им верховодить, Сулух долго противился этому.

— Снова волчонок с тигрёнком разодрались, — говорили взрослые и принимались растаскивать дерущихся таким образом, чтобы они оказались подальше друг от друга.

Вскоре Тигр стал вожаком тройцы, которая пыталась всячески навредить компании Зоуро. Каждый раз ребята получали по заслугам, но не оставляли мысли о том, чтобы поквитаться с кем-нибудь, когда те окажутся порознь. Так повторялось раз за разом. Подходы к Пнихо искали недолго. Мальчишка знал о скверных характерах всех троих, но был рад, что хоть кто-то хочет дружить с ним. И всё-таки, несмотря на сближение с Кукто, страшный мальчик больше симпатизировал компании Зоуро.

В первой же стычке Пнихо не оправдал надежд компаньонов. Вместо того чтобы драться на стороне Кукто, он пытался растаскивать дерущихся. Его новые дружки, которым досталось от соперников, хотели побить миротворца. Мальчишки уже приступили к расправе, когда подоспевшие взрослые защитили убогого, разогнав драчунов. Они хорошо помнили наставление вождя относительно особенного мальчишки. Зоуро подошёл к обиженному дружками Пнихо и сказал: — Ты поступил здорово. Когда они вместе, все становятся жестокими злыднями и врединами. Ты, Пнихо, не такой, как они. Хороший! Жаль, что мы не можем взять тебя в свою компанию — Сонх боится тебя. Сегодня ты показал нам свою доброту, но одного раза недостаточно для того, чтобы Сонх избавилась от страха. Уверен, что скоро страх пройдёт, и тогда ты станешь нашим другом.

Кукто, увидев Зоуро около Пнихо, сообразил, что этого нового дружка надо не бить, а задабривать. Только так он постепенно перейдёт на те правила игры, которыми руководствуются они сами. Об этом предводитель поведал своим пакостным компаньонам, потребовав от них не настраивать новичка против себя.

Старшие дети играли в свои игры. Стены жилища стесняли их действия, заставляли выходить за его пределы даже зимой. Летом же все жители зимнего пристанища покидали пещеру. Они кочевали за стадами шерстистых носорогов, маралов и других травоядных, которых неустанно сопровождали стаи волков, гиен и даже тигры. Все хищники стремились урвать из мигрирующего стада свой лакомый кусок — травоядную жертву неопытности или беспечности.

Для защиты от зноя и дождя для всех кочующих, не участвующих в охоте, устанавливались несколько подобий переносных чумов. В них люди проживали не более недели. Когда стадо отдалялось, временные жилища переносились и обживались до следующего переселения. Чтобы защитить людей от хищников или завоевателей, вождь оставлял на стоянке нескольких воинов-охотников. Нападение родственных племён можно было исключить. Кроме людей снипс, как называли себя те, кого мы именуем денисовцами, в преследовании мигрирующего стада участвовали и люди пливс, по-современному — неандертальцы.

Но Сибирь — не тропики. Лето на Алтае короткое. Большую часть года людям приходилось жить в пещере. В морозы, ради сохранения тепла, приходилось жертвовать частью дневного света, завешивая шкурами выход из жилища почти полностью. Но вместе с дымом улетучивалась и часть тепла. Неудивительно, что в те времена люди отсчитывали годы, в отличие от нас, на зимы. Показывая на пальцах, человек говорил:

— Вот сколько мне зим!

Объясняли это они очень просто. Пережить лето, даже если оно сухое и жаркое, нетрудно. А вот пережить зиму почти всегда проблематично. Летом, в случае неудачной охоты, можно набить живот травами, ягодами, съедобными кореньями или хвоей. Зимой мягкой съедобной лиственничной хвои нет. Зимой нет ничего из того, что растёт летом. От холода и нерегулярного питания зимой чаще болеют и умирают. Что такое зимы, знают даже мин и мон, неоднократно испытывавшие их тяготы «на собственной шкуре».

Жилище и племенной очаг в нём — это спасение и от морозов, и от голодных хищников. Потому-то его защищали, если находились бездомные претенденты на то, чтобы занять родовой дом. За пару сотен тысячелетий пещера, ставшая теперь домом для людей снипс, бывала домом и для людей пливс, но была возвращена хозяевам предками нынешних владельцев. Зоуро и его друзья узнали об истории пещеры от Колса.

Жители пещеры заметили, что мальчишка хорошо видит то, что другие на расстоянии не различают. Вот и получил он имя Колс, означающее «зоркий». И в преклонном возрасте, когда осталась дальность зрения, но силы и изворотливость покинули пещерника, когда в нём отпала надобность на охоте, он словно впал в детство — играя, ненавязчиво учил мальчишек премудростям взрослой жизни. Дед, проживший тридцать семь зим, удивлял всех тем, что ему удаётся видеть где-то далеко-далеко. Ребяшня, не веря словам старика, бегала вдаль, чтобы убедиться в правдивости сказанного. Точнее, они бежали с желанием уличить старца в неточности, но каждый раз убеждались, что это невозможно.

Ещё раньше, Зоуро не помнит, сколько зим ему тогда было, его компания впервые оказалась за пределами пещеры. Вероятно, это

произошло в его три зимы. Всех тогда поразило невиданное зрелище. Прижавшись к скале, сидел медведь. Детям было страшно, но они осторожно приблизились к огромному зверю. Сидя без движения, гигант не рычал, не отпугивал любопытную публику. Осмелев, ребята с опаской потрогала шерсть и остроту огромных когтей. До баловства дело не дошло. Уже тогда мальчишки знали, что медведь — зверь, уважаемый взрослыми.

Вернувшись в пещеру, они поделились впечатлениями со взрослыми, с Колсом, который и рассказал тогда о рыре — медведе на языке людей снисп:

— Этот рыр, сидит здесь ровно столько, сколько зим сейчас Туно и Саво. Люди нашей пещеры знают его давно. Я был мальчишкой под стать вам, когда рыра впервые увидели невдалеке от пещеры. Наверное, тогда он был совсем молодым, но вёл себя степенно. И до того дня наши люди преклонялись перед силой и покладистым характером этих лесных богатырей. Не делая лишних движений, вынесли из пещеры остатки ужина, положили для рыра около скалы там, где рыр сидит теперь. Кости животного, не помню какого. Да это и не главное. Рыр учуял съедобное и подошёл к подношению. Вскоре он привык к щедрости людей. Навещал нас, хоть и не был голодным. — А что было потом? — поинтересовался Туно, когда старик прервал рассказ, чтобы собраться с мыслями.

— Потом он стал объектом нашего поклонения и покровителем племени. Приметили, что после «свиданий» с нашим рыром охотникам сопутствовала удача, а ему самому доставался богатый ужин. Ему стали подносить в качестве жертвоприношения охотников племени, когда кого-то из них приносили бездыханным. Погибшего усаживали спиной к скале с подогнутыми к подбородку коленями. Это стало традицией, которой удостаиваются только охотники и воины, лишившиеся жизни в бою с неприятелями или ушедшие в мир тьмы от боевых ран. Никто не смотрел, когда и как рыр поедал жертву. Но при этом зверь ни разу не напал на живого человека. И так было до последнего дня жизни нашего покровителя.

— Разве рыр сидит неживой? — спросил кто-то из малышей.

— В тот вечер наш любимец не пришёл, а приполз к пещере. Наверное, он надеялся, что люди помогут ему. Но никто не отважился приблизиться к великану даже на несколько шагов. Да и чем мы могли помочь ему, истекающему кровью? Когда рыр ушёл в мир тьмы, люди увидели следы драки до победного конца. Наверное, наш рыр победил ещё не старого и сильного тигра, но и сам пережил врага ненадолго. Все сожалели о том, что схватка произошла на склоне лет рыра, иначе он вышел бы победителем с меньшими, не смертельными для себя последствиями. С мёртвого покровителя сняли шкуру, зашили её и набили сухим песком. Ещё более тяжёлый, чем живой, рыр остаётся на месте при любом ветре. Ему так же приносят остатки

еды и оставляют жертвоприношения. И так же, как при живом, никто не смотрит на поедание оставленного для рыра.

— А тех, кто уходит в мир тьмы от болезней, тоже приносят в жертву рыру? — последовал вопрос Тавка.

— Ему приносят только достойных — воинов и охотников. Остальных отдают птицам, поднимая на лабаз недалеко от пещеры. Бирк — главная из птиц, — был ответ старика Колса.

Бирк на языке современников — это беркут. Так Зоуро и его друзья узнали о традициях поклонения покровителю. Узнали и о расставании с теми, кто уходит в мир тьмы. Учитывая возраст рассказчика, получалось, что рыр жил около людей почти столько зим, сколько пальцев на руках и ногах рассказчика и на обеих руках одного из слушателей. После рассказа о рыре ещё три зимы люди поклонялись чучелу, приносящему удачу так же, как когда-то он живой покровительствовал им самим и убежищу.

Об этом событии помнили не только взрослые, но и дети. Под конец зимы стая голодных волков ночью напала на чучело рыра. Утром люди обнаружили волчьи следы и утоптаный стаей снег, клочья растерзанной шкуры и песок, рассыпанный вокруг места «обитания» чучела. Обнаружив невосполнимую утрату, люди будто осиротели. Племя лишилось покровителя. Плакали даже мужчины. Пытаться собрать и сшить клочки шкуры оказалось невыполнимым делом.

Наступила седьмая зима Зоуро, когда произошло открытие невероятного. Совершенно случайно люди узнали...

Впрочем, обо всём по порядку. Вечером, не предполагая, что ночью будет заморозок, каменную чашу с остатками воды не занесли в пещеру. Утром на дне чаши обнаружили льдину. Подержав каменный сосуд около племенного пещерного костра, льдину небрежно вытряхнули. Но мальчишки не выбросили её за пределы пещеры, а принялись играть с ней. Зоуро вдруг заметил, что удерживающие льдину пальцы на той стороне, за льдиной, кажутся больше, чем есть на самом деле. Любопытный мальчишка стал смотреть сквозь прозрачный предмет на стены, лес около жилища и на других мальчишек. Что-то расплывалось, но кое-что удалось увидеть. Удивлению не было предела. Увиденное представало взору увеличенным.

Переходя с места на место, мальчишки оказались на уступе скалы у входа в пещеру. Приветливо светило солнце позднего утра. В лучах небесного светила можно было рассмотреть даже те подробности, которые в пещере были не видны. Тавк, в руках которого оказалась льдина, рассматривал волоски на своей ноге выше колена. Тавк заметил, что за льдинкой на ноге оказалось светлое пятно. То приближая, то удаляя льдинку от ноги и от глаз, мальчишка вдруг взревел: — Бон! Бон!

Мальчишки пытались понять, где Тавк видит огонь. Лишь вспомнив, что слово «бон» означает не только «огонь», а ещё и «горячо»,

стали проверять эмоционально пережитое их другом. Выяснилось, что когда светлое пятнышко за льдинкой становилось меньше и ярче, начинало прижигать именно то место тела, где было это пятнышко. Может быть, если бы среди мальчишек не было любознательного Зоуро, игра с льдинкой очень быстро всем надоела бы. Предводитель мальчишек продолжил испытания. Он направил яркую точку на кусочек лишайника, оказавшийся в пещере в начале зимы. К всеобщему удивлению, полусухая пластинка сначала задымилась, а потом вспыхнула.

Колс, издали наблюдающий за вознёй детворы, был поражён увиденным ещё больше, чем мальчишки. Все удивлялись тому, что холодный лёд, ситих, может породить бон. Весь жизненный опыт старца говорил о том, что бон и пун — это несовместимые противоположности. Там, куда приходит бон, бесследно исчезает пун — холод.

«Открытие мальчишек тем более ценно, что может иметь практическое применение,— размышлял старик.— Ребятня наигралась и рассталась с игрушкой. Надо приберечь эту необычную льдинку. С другими-то кусками льда ничего подобного никогда не было. Приберечь и показать другим взрослым. Полагаю, что Бахро оценит открытие».

Охотники вернулись не просто вечером, а после захода солнца. Заинтриговав всех необычным явлением, Колс предложил завтра задержаться, чтобы увидеть лично, как холодная льдинка рождает огонь. Утром Бахро был поражён увиденным не менее остальных. Ему и пришла в голову мысль, что, если бон умрёт, льдинкой можно возродить его даже зимой.

— Но лёд скоро растает,— возразила Куно, пожилая женщина, возраст которой приближался к тридцати зимам.

— Была бы чаша, делающая лёд необыкновенным, а найти воду и заморозить её — не проблема,— возразил вождь.— Даже согреть чашу теплом рук и дыхания, чтобы добыть и не повредить льдинку, мы сообща сможем. А это чудо из чудес заверните и закопайте в снег. Вдруг добыть бон придётся уже этой зимой.

Да, чаша, которая своим дном придавала льдинке выпуклость и совершенно ровную поверхность — с другой стороны, становилась равноценной сокровищу. Другим способом то, что мы называем линзой, пещерники того времени изготовить не могли.

II. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

Лишившись покровителя, с немалыми трудностями племя пережило остаток зимы и весну. Тем летом жители пещеры, как обычно, кочевали вслед за мигрирующими стадами. Как всегда, вслед за летом, избыточным теплом и разнообразием еды, наступила плаксивая осенняя пора. Гулять на улице становилось всё некомфортнее. Вот в такую-то непогоду Зоуро организовывал сверстников на рискованные

походы внутри пещеры. Со своими неразлучными друзьями он исследовал пещеру в кромешной темноте. Тогда сверстники Зоуро перешли рубеж в восемь зим.

К исследованиям своего жилища мальчишек подтолкнуло желание узнать, куда уходит дым, который при западном ветре почти не выходит в оставленное для него отверстие при входе. Продолав путь, о длине которого мальчишки не имели представления, они дошли до разветвления. Один, более узкий, проход уходил куда-то дальше прямо по пути следования. Другой заканчивался просторной галереей. Сначала исследователи пошли в ответвление, где чувствовалось слабое, едва ощутимое дуновение, направлено оно было куда-то в глубь подземелья.

Ориентируясь лишь по запахам каменных стен и свода да полусухого грунта под ногами, любознательная толпа продвигалась всё дальше и дальше. Исследователи пытались найти отверстие, через которое выходит дым. Они старались изучить повороты и запомнить расположение ещё двух ответвлений, чтобы, возвращаясь, не потеряться в этих лабиринтах. Попадая в тупики, они ощущали запахи сырости, застоявшегося воздуха и даже плесени.

Никакой видимости, но на обратном пути интуитивная ориентация в пространстве и обоняние давали надежду на безошибочное возвращение следопытов в обжитый грот. День исследований подходил к концу. Уже пора было подумать о возвращении, когда на пути возникло препятствие. До того неширокий и низкий проход пошёл почти вертикально. Зоуро, опираясь о стенки руками и ногами, пролез расстояние в три собственных роста и очутился в просторном гроте. Глаза, давно привыкшие к темноте, ощутили едва заметный свет. Он достигал дальней стены грота, многократно отразившись от стен на поворотах ещё не изведанного участка прохода.

Дождавшись, когда Сонх, последняя из путешествующих по подземелью, преодолет подъём и окажется рядом, Зоуро обратил внимание друзей на еле заметный свет. Все устремились к нему — он был надеждой на долгожданный выход. Поворот за поворотом приближали пещерных путешественников к концу пути. Туда, где дым выходил из пещеры.

Каково же было разочарование, когда выяснилось, что выход из пещеры завален камнями. Промежутки между огромными валунами оказались забиты более мелкими осколками скалы. Отверстия в завале на выходе были достаточны для выхода дыма или прохода какой-нибудь мелкой зверушки, но слишком малы для того, чтобы в них можно было пролезть мальчишкам. Все понимали, что по улице, даже под дождём, идти было бы проще и быстрее. Пришлось возвращаться тем же путём, которым пришли.

Пока шли до крутого узкого спуска, глаза постепенно привыкли к полной темноте. Аккуратно спустившись, прошли все препятствия

и оказались в жилище, когда другие дети уже спали. Но и тогда ребята не могла удержаться, чтобы не рассказать взрослым о результатах исследований. Выслушав детвору, Куно сказала:

— Наверное, вы не первопроходцы, кто-то бывал у того заваленного выхода. Но им невозможно пользоваться, поэтому про проход все давно забыли.

И всё-таки детей распирала гордость оттого, что благодаря именно им люди стоянки узнали о своей пещере чуточку больше. Это обстоятельство подталкивало к дальнейшим исследованиям пещеры. Они временно были оставлены, когда повернули в задымлённый проход. Но почему-то было страшновато идти туда даже не в одиночку.

Зоуро пришла в голову мысль о том, что в поход можно идти, освещая себе путь. Единственно возможным способом казался поход со светлячками. Их-то за пределами жилища, на траве, было предостаточно. Никто из готовящихся к походу в глубь пещеры не знал, будут ли они светить в пути, а если будут, то как долго. Того, что много позднее индейцы использовали светлячков для освещения помещения, как свечи, эти путешественники знать не могли.

Насобирав более десятка насекомых, дети разместили их на крупных листьях трав. Чаще плавные, а где-то и резкие повороты, подъёмы и спуски, обширные галереи и узкие, порой низкие проходы сменяли друг друга. По ним исследователи уходили всё дальше от обжитого грота. Казалось, что пещера бесконечна. Части пространства, являющиеся взорам в мягком свете, нередко заставляли съёживаться от страха. Казалось, что глыбы, свисающие из свода, в любой момент могут сорваться. Если даже они упадут мимо, то могут привести к обвалу и отрезать обратный путь.

Шли молча, стараясь громко не шлёпать босыми ногами по полу, местами каменному, но чаще — земляному. Казалось, что не только прикосновение к чему-нибудь, но и громкий звук способен привести к обвалу. Но шло время, продвигалась людская цепочка, а огромные глыбы, наводившие страх, сменялись другими опасными участками.

Мальчишки и Сонх, ещё ни разу не принимавшие участия в охоте, могли безошибочно определять зверя по запаху. Лёгкий, щекочущий ноздри, с привкусом пота и жира, запах стал ощутим ещё до появления отблесков света. Зоуро припал носом к полу. Нет, здесь зверь никогда не был, не оставил следов. Запах распространялся оттуда, куда шла любознательная детвора. Все отчётливо понимали, что впереди рыр.

«Если рыр был здесь, то почему? Ему хватает места там и нет надобности идти сюда. Как рыр попал туда, если здесь он не проходил? Неужели дальше есть ещё один выход?» — терялся в догадках детский предводитель.

Вопросы роились в головах у всех присутствующих, и все продолжали движение к неизведанному.

— Наверное, дальше есть выход из пещеры, в него и входит рыр,— Зоуро высказал догадку вслух.

Ему предлагали прекратить продвижение, но мальчишка-предводитель остался непоколебим в решении двигаться вперёд. Он даже сказал, что желающие могут возвращаться хоть все, его и это не остановит. Бесстрашный до бесшабашности Туно поддержал идею идти дальше. Остальные последовали примеру друзей. А вот и свет замаячил. Сомнения рассеялись. С каждым шагом медвежий запах ощущался всё сильнее, а идти становилось опаснее. Запах совсем близко. В невысоком, но широком проёме за узкой щелью впереди юных путников виднелись звёзды. Осеннее утро ещё не наступило.

Ведомые любознательностью, исследователи друг за другом проникли сквозь щель. Этого не случилось бы, если бы чувствовался запах живого зверя рядом. Но рыр отлучился из пещеры по своим делам. Обрывки шкур устилали пол просторного грота. Удалось различить бывшие одеяния гиен, лисиц, росомахи, ещё каких-то животных, которых взрослые никогда не приносили с охоты. В углу поодиночке валялись рога оленя. Их взяли в доказательство посещения логова рыра.

При свете светлячков осмотрели грот. Невысокий вход в пещеру препятствовал задуванию снега дальше нескольких шагов от начала грота. В дальнем углу от входа, вдали от щели, чистая площадка земляного пола оказалась самой сухой и наиболее сильно сохранившей запах хозяина жилища. Несомненно, это было местом лежбища временно отсутствующего зверя.

Некоторые участники путешествия уже прошли щель, отделяющую грот медведя от прохода между выходами, когда Зоуро ощутил свежий запах приближающегося медведя. Остальным пришлось поторопиться, чтобы не стать добычей хозяина помещения. Успокаивало то, что в щель медведь не втиснется, даже если его разозлить. Злить медведя не стали. К этим сильным животным взрослые относились уважительно, а дети во всём подражали взрослым.

Детям, вернувшимся с оленьими рогами, взрослые поверили. Они признали факт существования медведя. Известию о рыре радовались все. Племя вновь обрело покровителя. Свуно взял тогда двух соплеменников, и они унесли рыру не только объединённые кости, но и часть оставшейся с вечера трапезы. При удачной охоте еды всем хватало с избытком. За много лет медведь привык не только к подношениям, но и к жертвоприношениям, которыми становились погибшие в схватках с недругами воины и лишившиеся жизни охотники на крупного зверя.

Не только взрослые, но и Зоуро с друзьями тоже, приходили с подношениями для рыра. Вскоре он стал подходить к подаркам детей с негромкими короткими рыками. Они отличались от грозного и гневного рёва этого сильного зверя. Дети не были уверены в правильности предположения, но стали воспринимать сдержанные рыки жителя этого грота за своеобразную благодарность.

III. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Пережить зиму считалось главной задачей года. Но и лето, бывало, приносило свои неприятности и беды. Вот и в то лето, предшествующее девятой зиме Зоуро, в существовании жителей пещеры произошли события, повлёкшие за собой немалые перемены.

Нет, началось всё в то лето как обычно. Засушливое, оно погнало стада животных в более северные и влажные местности. Охотники, удаляющиеся на два дня пути, сообщили тогда, что стада маралов и кабарги под охраной шерстистых носорогов приближаются к стоянке наших пещерников. Как всегда, вслед за травоядными шли хищники: тигры, волки и гиены. Началась подготовка к летней, кочевой, жизни племени. Надо было взять менее громоздкую посуду, шкуры для чумов, охотничье снаряжение.

В жилище царило всеобщее возбуждение. Со стороны жилище могло показаться пчелиным ульем, работягам которого непогода мешает заниматься нужным привычным делом. Ждать, когда пища придёт к пещере, не стали. Семнадцать охотников, в их числе шесть женщин, отправились навстречу приближающемуся стаду.

Солнце подходило к зениту, когда вождь всех остановил. Впереди слышался пока только еле различимый, глухой равномерный шум. Его порождали неспешные касания земли многих сотен или даже тысяч копыт. Казалось, что он доносится отовсюду, даже сзади. Но более тонкий слух Бахро определил, что правее идущих земля гудит дальше. Вождь решил обойти стадо слева. Напомнил соплеменникам, что нельзя преграждать путь идущим гигантам.

— Не надо уподобляться и гиенам или волкам, пытающимся вырвать кого-то на обед, атакая сбоку, — предупредил Бахро.

Высказал он и напоминание о том, что численность этих хищников, держащих больших и малых оленей в постоянном напряжении, надо по возможности сокращать. Более того, необходимо в любой момент быть готовыми к их нападению на людей.

Молодых охотников напутствовали бывалые:

— Если станет ясно, что от огромной стаи не отбиться, надо уходить под защиту носорогов. Люди обычно не трогают этих гигантов, а волки и гиены докучают им днём и ночью. Эти наглецы надоели настолько, что при их приближении носорог идёт в наступление, отпугивает стаю, какой большой бы она ни оказалась. И всё мелкое в сравнении с носорогом зверьё отступает.

— Тактика понятна. Лучше заходить сзади и выбивать какого-нибудь замешкавшегося олешка, — согласился совсем юный обладатель охотничьего копья.

Около половины дня ушло на обход стада. Сколько в нём гигантов, посчитать было невозможно. Каждый раз в крупный просвет между группами деревьев попадало до двух десятков шерстистых монстров. Но это лишь малая часть от общего числа совершающих переход

мохнатых реликтовых травоядных. Маралов и других разновидностей оленей, кучками держащихся внутри групп носорогов, и вовсе было несчётное количество. Ещё больше рыскало вокруг зубастых тварей. Они стаями до тридцати особей неожиданно появлялись то тут, то там и так же непредсказуемо терялись из виду.

У денисовцев никогда не было ни нужды, ни желания интересоваться численностью проходящего стада. У них просто не хватило бы пальцев ног и рук всех жителей пещеры, чтобы вести счёт такого порядка. Взять олешка и не обратить на это внимание хищников пока не удавалось. Лёгкими копьями, летящими дальше и быстрее, пригвоздили трёх гиен, обеспечив долгожданный обед другим членам их стаи.

Выбрав подходящий момент, дружно завалили марала. Охотники вывернули желудок, вырвали печень и насладились парными внутренностями. Лишь потом они выпустили кишки и стали выносить тушу подальше от любителей отбить добычу. Столкнулись с группой из семи волков. Ранив двоих, оставили их на растерзание остальным. Уйдя от стада километра на три, отправились к чумам. Ужин и завтрак, почти барские, были обеспечены для всех, кто был на стоянке.

Только через четверо суток стадо прошло оставленную на лето пещеру по менее гористой местности, минуя её в часе быстрого хода охотника налегке. Насытившись к тому времени, как наступил обеденный зной, почти все животные ложились отдыхать. Лишь несколько носорогов, сменяя друг друга, оставались на страже покоя. За сутки вся ватага продвигалась чуть больше, чем охотник за время от заката до темноты.

Дважды перенёся чумы на новые места, чтобы подносить добычу было недалеко, племя встретилось с другими людьми снипс. До этой встречи в поле зрения наших охотников оказывались добытки мяса из племени пливс. Люди разных ветвей не конфликтовали на охоте. Добычи было достаточно для всех. И те, и другие просто соблюдали негласные границы, где им не мешали и они сами не препятствовали другим добывать пропитание.

Денисовцы и алтайские неандертальцы, живя рядом, нередко встречались на охоте. Жители этой пещеры знали и о людях снипс, живущих в далёких пещерах. Возможно, что и в той, которая ныне зовётся Денисовой. Реки, холмистая лесостепь, предгорья, поросшие почти сплошными лесами, и всё, что там водилось, были ничьими. Охотиться, собирать съестное с деревьев, кустарников, из земли и воды не воспрещалось никому.

Неписаным правилом для всех был делёж добычи при совместной охоте. Если оказывалось, что одна группа охотников загоняла зверей, а другая оказывалась добытчиком, то трофеи делились поровну, независимо от численности охотников в группах. Если неудачливые охотники встречались с группой, у которой был богатый трофей,

то расходились с миром без дележа и захвата. Так повелось со времён встреч прадедов тех и других и даже раньше на много тысячелетий.

Всё это время люди разных ветвей человечества контактировали, общались. Было бы удивительно, если бы представитель рода снис не понимал человека пливс или наоборот. В большинстве случаев именно непонимание приводит к стычкам. Враждуя, народы могли бы истребить друг друга. Мирное сосуществование позволяло и тем, и другим безбоязненно удаляться от стоянки на пару дней пути.

Вскоре сообщество охотников пополнилось третьим племенем людей снисп. Увеличилось и число охотников пливс. Но добычи хватало всем, включая и хищников. Люди снисп, охотясь, устанавливали чумы рядом, образуя большие кочевые селения. Добывая маралов и кабаргу, люди снисп мечтали совместными усилиями одолеть носорога.

Бахро не признавал каменный наконечник копья. Уже несколько миграционных походов он пользовался копьём с костяным наконечником. Когда-то он сколол часть большой берцовой кости сохатого с одной стороны и камнем обровнял с другой. Уже другим камнем обработал полость кости. После обжига конца древка копья Бахро насадил на него костяной наконечник. Кость, острая в местах сколов, при ударе неоднократно легко прорезала шкуру даже дикой лошади и сохатого.

И в эту миграцию животных Бахро охотился со своим проверенным оружием. По общему решению всех трёх вождей, именно ему предстояло ослепить носорога. Другой, уже рядовой, охотник должен был копьём с каменным наконечником пустить кровь из ноздрей сильного животного, чтобы лишить его обоняния. Остальным предстояло копьями и каменными топорами нанести носорогу как можно больше ран. Только истекая кровью, гигант перестал бы сопротивляться.

Прежний, состарившийся, вождь остался охранять чумы. К сожалению, только там он мог дать дельный совет нынешнему, Бахро, предположив, что что-то пошло не так, как надо. Огромная толпа охотников без проблем окружила спокойно лежащее животное. Огуп — большой шерстистый носорог — не обращал внимания на людей. Главный напарник встал чуть левее Бахро, и они вместе приступили к выполнению своих обязанностей. Огромное животное, только что казавшееся воплощением наивысшей степени спокойствия, лишённое зрения и обоняния, с диким рёвом вскочило с лёжки и напролом понеслось невесть куда.

Несколько охотников с каменными топорами, напоминающими современные колуны, успели вскочить носорогу на спину и, удерживаясь за шерсть, стали наносить удар за ударом. Озверевший гигант, не ощущая препятствий, напролом понёсся вперёд. Потом, несмотря на кажущуюся неповоротливость, повернул так резко, что «наездники» едва удержались на мохнатой спине. Они продолжали наносить удар за ударом, едва прорубая толстую и прочную, как щит, шкуру своей

жертвы. Один обладатель топора успел отрубить одно ухо и с усердием пытался лишить животное второго. Уши — одни из наиболее уязвимых мест этого «бронированного» реликтового гиганта. К тому же там можно перерубить крупные артерии, ускорив кровопотерю.

Бахро успел нанести удар по второму глазу, но не успел увернуться от вскочившего разъярённого животного. В агонии гигант и не почувствовал того, что всем своим трёхтонным весом наступил на живое существо. Кровь хлынула не только изо рта и носа вождя, но и из ушей. Едва успевая сглатывать наполняющую рот вязкую сладковатую жидкость, он успел выдать из себя единственное слово: — Свуно.

Да, Бахро сказал не «Свуно», как звался один из лучших охотников, а «Свуро». Звук «р» мог присутствовать только в именах вождей племени. Так он передал полномочия и в корне пресёк возможную тягбу соплеменников за обладание титулом вождя.

И раньше Бахро часто назначал Свуно предводителем группы охотников, когда обстоятельства заставляли промышлять на нескольких участках обширных охотничьих территорий одновременно. Не всегда можно было рассчитывать на то, что пропитание можно добыть наверняка и где-то в одном месте.

Этот находчивый добытчик умело организовывал соплеменников, когда охотились на крупное травоядное: лошадь, сохатого, марала, — или если приходилось выбивать нескольких хищников из многочисленной волчьей стаи. Был Свуно не менее удачливым в нечастых сражениях с людьми пливс. Не прячась за чьи-то спины, он умудрялся не получить ни одного, даже лёгкого, ранения. Но шрамы, оставленные когтями и клыками животных на охоте, не миновали и его.

Общими слаженными усилиями с носорогом справились. Отбиваясь от полчищ волков и гиен, почувствовавших предстоящий дармовой пир, охотники унесли к стоянке столько мяса, сколько было им по силам. Сладкие внутренности: печень, не имеющую желчного пузыря, сердце и прочее, — не оставили хищникам, взяли в первую очередь. Но более полутонны, а это не только шкура и кости, но и мягкое парное мясо, досталось хищникам.

По очереди несли обезображенное тяжеловесом тело Бахро. Несмотря на людское горе, яркое летнее солнце продолжало лить свои тёплые лучи на всё живое: травы, разновидности кустарников и деревьев. Они ласкали теплом птиц, парящих высоко в небе. Правее похоронной процессии, чуть в отдалении друг от друга, парили несколько ястребов. Левее людей и выше, чем ястребы, выписывая невероятные фигуры, выслеживали добычу два беркута. Мелкая живность обширных полей с опаской расступилась перед бесчисленным количеством копыт травоядных, скопилась здесь, поодаль от мест миграции. Этих-то полёвок, сусликов, зайцев, куропаток и прочую мелкую живность выискивали теперь пернатые хищники.

У реки тело бывшего вождя усадили с подогнутыми к груди коленями спиной к дереву. К туловищу приставили обломок копыя. Попытка снять с древка костяной наконечник оказалась безрезультатной. Кость словно приросла к дереву копыя. Чтобы тело охотника досталось рыру, а не гиенам, его заложили наиболее крупными камнями. Запах разлагающегося трупа почувствуют и гиены, и рыр, но разобрать примитивный склеп по силам только рыру. Тигров и волков мертвечина в летний сезон изобилия не привлекала.

И вот, в двадцать пять зим от роду, когда огуп забрал жизнь Бахро, Свуро стал вождём племени. На нём ответственность за сытость, благодущие и уверенность соплеменников в завтрашнем дне. Никто не пытался предположить, что будет с ним или с племенем после рождения новой луны, но очередное завтра интересовало всех взрослых.

Свой вывод после превращения Свуно в Свуро сделала Сонх. Не без хвастовства она сообщила Кукто:

— Теперь только попробуй тронуть Зоуро. Он стал сыном вождя.

— Ну и подумаешь. Нашла причину. Если Свуно не бегал за нами раньше, то и теперь Свуро не побежит наказывать нас. Вождь ведь, а не просто отец. По статусу не полагается, — с издёвкой в голосе сообщил девочке нагловатый мальчишка.

К своему сожалению, Сонх признала, что Кукто прав.

IV. ПОДОПЫТНЫЕ

Всё началось неожиданно и совершенно случайно. Бродя по осеннему лесу, Зоуро и компания оказались в кедраче. Под одним из деревьев-великанов валялись кем-то разбросанные ветки. Бурундук, стоя на задних лапках, как маленький человечек, держа шишку в передних лапах, куда-то относил её и возвращался за следующей. Маленьких шишкарей оказалось двое. Детям было интересно наблюдать за суетой зверьков.

Вдруг где-то у вершины огромного кедра что-то затрещало. Через мгновение стали слышны звуки чего-то падающего и цепляющегося за ветки. Оказалось, что это макушка сибирского богатыря, кедра. А впереди неё, как крупные градины по каменистому берегу, глухо ударяясь о ветви, с шумом падали шишки. С приземлением одной из них в траве послышался писк. Не свист бурундучка, уже привычный наблюдательной детворе, а именно писк.

— Наверное, это зверька шишкой зашибло, — предположил Туно.

Любопытство подстегнуло мальчишек выяснить, так ли это. В редкой таёжной траве лежал бурундучок. Осторожно, чтобы зверёк не укусил, сердобольная Сонх взяла лесного обитателя на руки. Аккуратно прощупав его, девочка выяснила, что удар пришёлся по области таза.

— Наверное, задние ноги на время отказали, потому-то зверёк и не смог убежать с места ранения, — сочувственно сказала девочка.

Пока выясняли, что случилось с бурундучком, услышали, что кто-то спускается с дерева. Этим кем-то оказался медведь-второгодок. Он уже прозимовал в берлоге с матерью, отжировал летом на ягодах, а теперь пополнял запас жира, трамбуя в себя кедровые орехи — готовился к самостоятельной зимовке. Медведь увидел посторонних и, находясь ещё на дереве, рывкнул для острастки.

— Пойдёмте отсюда, не надо беспокоить рыра, — позвала друзей Сонх.

Держа копыя наготове на случай, если молодой медведь вздумает напасть, все в спешке отошли от медведя. А он стал спокойно разскивать разлетевшиеся шишки и выедать вкусные и питательные орехи. Мальчишки успели прихватить для себя по несколько шишек и тоже наслаждались орехами. Девочка попросила несколько орешков и на ладони поднесла к зверьку. Беря орехи, как руками, передними лапками, бурундук быстро отправил их себе в рот. Это понравилось детям, и они продолжили кормить найдёныша.

Незаметно для себя дошли до родной пещеры. Сонх призналась, что хочет заботиться о больном, но не знает, куда его поместить. Саво предложил вырыть в земле ямку и выпустить зверька в неё. Туно уже принялся вырубать топориком дёрн, но девочка остановила друга словами:

— Его же здесь съест кто-нибудь. Может полакомиться лиса или соболь, а могут и волки подойти к пещере. Как тогда, когда они в ключья порвали шкуру чучела рыра, сидящего недалеко от входа.

— То было ранней весной, когда волки были голодные, — возразил Зоуро. — Но и теперь беспомощного бедолагу может съесть кто угодно. Даже хищная птица. Не будем же мы сторожить его?

Сошлись на том, что жить больному лучше с людьми. В дальнем углу грота, чтобы никто не наступил на нового пещерного жителя, вырыли ямку. Зверёк беспомощно лежал на постеленной для него траве. Всем мин и мон запретили трогать больного, предупредив, что он может укусить. Но как удержаться от соблазна, когда нельзя, но очень хочется? Один несмышлёныш не выполнил запрет и, в назидание другим, был укушен. Кому-то пришла мысль, что нового жильца надо не только кормить, но и поить. У Сонх был запас трав, она распарила одну из разновидностей и поставила перед новожителем в глиняном подобии блюдца. Зверёк дотянулся и полакал.

Сначала бурундук волочил тело, скребясь передними лапами, но через несколько дней ему удалось встать на все ноги. Тогда Сонх, беспокоясь, что её пациент может покинуть пещеру до выздоровления, углубила ямку. Кому-то из малышей пришла мысль, что одному полосатику скучно, ему нужны друзья.

— Что мы, на всех шишек должны запасать? — съязвил Тавк.

Сонх посмотрела на друга укоризненно, но пояснила:

— Можно не только шишек. Смотри, этот выбирает траву из своей подстилки. Особенно ту, где есть семена. Наверное, он будет есть

грибы и ягоды. Ест он и некоторые из остатков нашей еды. И другие будут есть.

Весь остаток дня дружная компания отлавливала друзей для своего питомца. Примостившись на сваленном ветром дереве, рядом клали кедровую шишку, а над ней подвешивали на колышки душегрейку. Когда осмелевший бурундучок подбегал к лакомству, его резко накрывали душегрейкой. Так вместо одного в новой, более вместительной и глубокой ямке оказалось пять зверьков.

Сонх поила всех отварами, но каждого своим. Со стороны это не было заметно. Ни дети, ни взрослые не догадывались о намерениях ухаживающей за бурундучками. Все предполагали, что ей надоело возиться с цветами и травами и она переключилась на зверушек. Через два дня одного подопечного обнаружили мёртвым.

— Суслики давно бы вырыли нору и сбежали от твоей заботы о них, — злорадно подметил тогда Кукто.

— Меня радует то, что сбежали бы не к тебе. У тебя бы они не выжили даже дня, — колкостью на колкость ответила Сонх.

В действительности же девочка на зверушках испытывала свои снадобья. Не зная о полезности отваров, она выявляла те, которые опасны для употребления. О том, что на зверьках испытывает вредность трав, Сонх не рассказывала даже друзьям. С промежутками в несколько дней пришлось выбросить трупики ещё двух испытуемых. Часть взрослых расценила падёж питомцев как неумение ухаживать, а другая часть сделала обобщение: дикие звери не способны выжить в неволе. Никто не знал и того, что одного подопытного девочка напоила отваром из мухомора.

Сонх настояла на отлове ещё хотя бы двух друзей для выздоравливающего питомца. Не без труда, но её просьбу удовлетворили. Экспериментаторша и раньше замечала, что зверьки едят не все грибы. Из этого она сделала вывод о несъедобности и съедобности для людей конкретных видов грибов. И снова не обошлось без жертв среди бурундучков. Было ясно, что виной тому не грибы, а снадобье. По счастливой случайности именно главный питомец девочки остался жив и был бодр.

Наступили холода. Бурундуки, живущие на воле, забились в свои дупла. Стали менее активными и пещерные зверьки. Сонх поила их тёплыми отварами, и тогда бурундучки ненадолго становились более шустрыми. Но настало время, когда, подобно собратьям в дикой природе, пещерные зверушки впали в спячку. К той поре девочка точно знала, какие именно травы ядовиты, и выбросила их.

Зимой обострились простудные заболевания. Болели не только мин и мон, но и взрослые. Девочка запаривала и настаивала разные травы и предлагала выпить, не называя это средством для поправки здоровья. Таковым снадобье могло бы стать, пройдя испытание, ранее вылечив кого-то. Она всегда наблюдала, кому напиток пойдёт

на пользу. Не зная письменности, люди той поры старались всё удерживать в памяти. Так же приходилось набираться знаний и опыта Сонх.

Весной обострились расстройства живота. Однообразное и нерегулярное питание давало знать о себе болезнями. И снова эксперимент за экспериментом. Какие-то настои и отвары давали непосредственный эффект, а другие оказались просто витаминными добавками, которых так не хватало весной. Пригодились ягоды шиповника, жимолости, черёмухи и малины! Но главное то, что усилия девочки венчались успехом. Быстрее от болезней избавлялись мин и мон, но помогали снадобья и тем взрослым, которые не отказывались их пить.

Уже тогда жители пещеры обратили внимание на полезность снадобий девочки. С пониманием их лечебных свойств к понятию «травница» добавился синоним «лекарша». Взрослея, Сонх становилась всё более значимой для соплеменников, необходимой им в трудные периоды. Её не хотели отпускать в мальчишеские продолжительные летние походы, но более обширное познание окружающего мира стало смыслом жизни путешественницы. Её открытия становились достоянием братьев-пещерников, обогащали их жизненный опыт.

Время шло, и с его медленным ходом древние люди пополняли копилку знаний, передаваемых из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие.

Светлана Мель

* * *

Вправду ли виделась тонкая эта
Ниточка? А на ней
Кто-то собрал без подбора цвета
Мелкие бусинки дней.

Может быть, в этом была система,
Пусть это даже сон,
Что-то пульсировало, блестело.
Виден мне был и Он.

Был Он устал, молчалив и грустен.
Очи полузакрыв,
Перебирал эти чётки бусин,
Пробовал нить на разрыв...

Выткался образ и вновь распался.
Только мне не забыть
Длинные, тонкие эти пальцы.
И на пределе нить.

В чувстве смятения неизбежном
Дрогнет перед рывком...
В бусине каждой взблнкнёт надежда
Искоркой-огоньком.

Выдержит нить. Это было, было,
Было уже не раз.
Что же так сильно в груди заныло?
Может быть, пробил час?

Нет, показалось... Но снова снится
Ниточка, а на ней
Светом пульсирует вереница
Бусин бесценных,
Дней...

* * *

Дослушиваю прерванные сны...
Они уплыли, ставши миражами,
Но отголоски всё ещё слышны,
Лишь стало непонятным содержание.

Дослушиваю перестук колёс
О стыки, разлетевшийся на части...
И этот сон мне счастья не принёс,
Но кто сказал, что сны приносят счастье?

Дослушиваю, как гудит струна
Колёсной лиры... Или двухколёсной.
Упал велосипед за краем сна,
В прямом ли смысле или в переносном...

Дослушать бы, куда он перенёс
Наездницу, летящую по звёздам!..
Разбился сон о призрачный утёс,
А смысл его не впитан, не осознан.

Лишь капли брызг едва-едва слышны.
А звуки между тем рассветом пахли...
Дослушиваю прерванные сны.
В них счастья нет. И смысла в них ни капли...

* * *

Начало положено — дело пойдёт.
Начать — значит сделать полдела!
С каким торжеством устремилось в полёт
Всё то, что поджавшись сидело!

Начало положено. Столбик забит.
Ликуйте и радуйтесь, люди!
Никто не язвит, и в душе не свербит:
Раз начато — сделано будет!

Начало положено! Слава труду!..
Хвалебная песнь отзвучала,
Доделывать надо...
Вот только найду,
Куда положила начало.

* * *

С осенних картин постепенно сойдёт позолота,
Вчерашние краски своё отдадут, отгорят.
Вот тут-то и явит себя неприметное что-то,
Природы, тебе непонятной, нездешнее что-то,
И в душу твою устремит немигающий взгляд.

Он холоден, он леденящ. Сквозь сплетение веток
Он льётся свободно, сливая восход и закат...
Всё жёстче вопрос, на который не знаешь ответа,
Хотя и заложен ответ в подсознании где-то...
Но так ли уж нужно оттуда его извлекать?

Ты можешь лукавить — лукавство вполне правомерно:
Влезать в свою душу нельзя позволять никому...
Но в поисках слов, наудачу попавшихся, первых,
По смыслу едва подходящих — не то чтобы верных,
Себя принуждаешь лукавить себе самому...

Меж тем всё бледнее осенних картин позолота.
Сквозь плотные тучи едва пробивается свет...
И в душу твою проникает несносное что-то,
Вопросы тебе задаёт. Отвечать неохота,
Но ты, не умея смолчать, произносишь ответ...

ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ

В маленькой каморке полутёмной,
Где шумы извне едва слышны,
В блёклом свитерке, в косынке скромной
Девушка сидела у стены.

А на полках в некоем порядке
Сложены ключи, очки, значки,
Шарфики, непарные перчатки,
Босоножки, брошки, кошельки...

То и дело вскрикивали двери —
С раннего утра, часов с семи,
И впускали чьи-нибудь потери,
Найденные добрыми людьми.

Новый день, бессмысленно кивая,
Приходил, неся из разных мест
Зонтики, забытые в трамвае,
И котят, подброшенных в подъезд...

Девушка тетрадку доставала,
Спрятанную с краю на шкафу,
Всё, что нанесли, сортировала
И вносила в нужную графу.

Иногда такие кучи разом
Приходилось бедной разбирать...
Что там? Чей-то имидж... Чей-то разум...
Записями полнится тетрадь.

Чьё-то неосознанное счастье
В уголке потерянно блестит.
Чей-то гонор, сдувшийся отчасти...
Чьи-то сон, покой и аппетит...

Каждый день потери — сотни, тыщи.
Год за годом падают во тьму.
Все теряют, почему ж не ищут?
А понять несложно — почему.

Потеряли зонт — другой купили.
Потеряли друга? Новых два —
Всю-то ночь с тобой вчера кутили...
Ну а потерялась голова —

Столько рядом бродит безголовых,
Всем довольных — вроде жалоб нет,
Пировать и праздновать готовых!
Только это всё — в другой сюжет...

Та девица — не сказать «красотка».
Сколько лет — в пыли не разобрать.
Да, она, конечно, не находка,
Но потерей трудно не назвать.

Что она зарылась в эти вещи,
В никому не нужное старьё?
Ну а вдруг их всё же кто-то ищет
И придёт? И здесь найдёт её?..

Глупо, нелогично и коряво —
Как ты к мысли той ни относишься.
Дамочка надёжно потерялась
И не так торопится найтись.

Эти думы, без сомненья, горьки.
А сюжет затянут и раздут...
Тётушка в заваленной каморке
Молча ждёт, когда её найдут.

* * *

В каждом приличном благоразумии
Есть островок безрассудства.
Там есть вулканчик — поменьше Везувия,
Там динозавры пасутся...

Есть там река, каменистая, шумная,
Грохот и рокот несутся,
Чтобы приличному благоразумию
Хоть иногда бы встряхнуться.

Мыслей бредовых засохшие мумии
Спрятаны в гротах от света.
Но не открестится благоразумие,
Если притянут к ответу...

Множество логик, никак не связуемых,
Двинутся встречной лавиной.
Благоразумия все предсказуемы
И оттого — уязвимы.

Сдулась уверенность, доводы умерли.
Все предложения плохи.
Как не утратить тут благоразумию
Смысла последние крохи?

Тут и рванётся, как пчёлы из улья,
Облако пепла из жерла.
Вспыхнет идея — на грани безумия,
Но неожиданно верно...

Чья-то попытка не сгнула втуне, и
Все, вероятно, спасутся...
В каждом типичном благоразумии
Есть островок безрассудства.

* * *

Душа в смятенъе мается и мечется,
И всё острее боль день ото дня...
Мои друзья, сменившие отечество,
Плюют в мою страну, а с ней — в меня.

Остыла близость — холод отстранения.
Так просто, не взывая лишним проб,
Они спонтанно разделяют мнение
Их принявших америк и европ...

Мои друзья не лживы, боль их искренна,
Но правда ближе каждому своя.
Чья правда дальше отстоит от истины —
Лишь небо очевидец, Бог — судья...

Разладом в дружбе сердце опечалено,
Но я живу, как бытность ни трясина,
В той изначальной, хоть и измочаленной,
Но к солнцу прорастающей Руси.

Они ж полжизни в зарубежье прожили,
И я за то судить их не берусь.
Я со своей страной душой и кожей,
И из меня не выветрится Русь...

Недолог путь от вечности до вечности,
Все страсти утекут в небытие...
Мои друзья клянут моё отечество,
Утерянное прошлое своё.

Аркадий Гонтовский

* * *

Снеги белые в осень серую,
 Как всегда, запоздалыми письмами,
 Но читаю и свято верую
 В их печаль и простую истину.

Ни отрадою, ни наградою,
 А уже чем-то очень единственным
 Снеги белые в осень падают,
 Замирая над жёлтыми листьями.

Точно бисером по-над листьями,
 Где мгновенья, летящие сонмами,
 Вдруг окликнут мятежными высями —
 И на листья — падут невесомые.

* * *

Дрожь дождя в фонарном свете,
 Шорох капель по стеклу.
 Шорох, шёпот — это ветер
 Пересказывает мглу.

Перешёптывает листья,
 Пересказывает дождь
 И не знает бóльших истин,
 Чем влюбиться в эту дрожь.

...Тихо. Зыбко. Безответно.
 Словно ты чего-то ждёшь,
 С тишиною вслед за ветром
 Перешёптывая дождь,

Повторяя: «Боже, Боже,
 Сколько нежности во мгле...»
 И всё тонет в лёгкой дрожи
 Светлых капель на стекле.

ОСЕНЬ

Тут влюблённость моя, как листва с тополей,
Закружив золотыми ветрами,
Поднялась на крыло и с тоской журавлей
Породнилась по-над сентяблями;

И летела, и кличами стае вослед
Обрывалась в остывшие скверы,
И по жухлой листве уходила на свет
Никому не рассказанной веры.

Одинокость твою не измерить, не спеть,
И я снова за кромку тумана
Провожу журавлей и последнюю медь
Брошу нищим у старого храма.

Мне до неба осталось не больше версты.
И — всего ничего до покоя
На холмах бездорожья, где пишет холсты
Ветер жёлтым и серым с тоскою.

* * *

Слова немые, есть правда жизни,
Когда идёт на брата брат;
И сызнава любовь к отчизне
Отчизну превращает в ад.

В который раз мы брат на брата?
Который год идёт война?
Там, где кончаются набаты,
Есть после боя тишина.

Есть непомерная усталость:
Когда мы веку не видны,
Кто не почувствовал хоть малость
Своей запрятанной вины?

Она забудется. Важнее
Сверяться чувствами с толпой,
Мы по-другому не умеем,
Нам нужен этот стадный вой.

..И смотрят лики с укоризной
На неприкаянные дни,
Где, словно эхо над отчизной,
Летит: «...Распни Его, распни...»

НА ИЗЛЁТЕ

День обезличен, вечер пуст.
За окнами фонарь устало,
Как зачарованную грусть,
Свет выдыхает вполнакала.

Мы с ним давным-давно дружны,
Свидетели другой эпохи.
Вот так оглянешься — на вздохе,
И сердце ищет тишины,

Чтоб — в ней исплакавшись — пролиться
Нещадной грустью на листы,
И сжечь страницу за страницей,
Сгорая в них до немоты,

И падать в уходящем свете
Сквозь слёзы, сумерки и гарь
Туда, где сгорбленный фонарь
Один — за целый свет в ответе.

* * *

Тишина. И свет усталый.
Снег идёт, ложится снег
На дороги, на кварталы,
На страну, которой нет.

Зачарованная снегом,
Спит она, и снятся ей
Города под мёртвым небом
В блеске призрачных огней.

Снятся праздные витрины
И, от блеска в стороне,
Среднерусские руины
В нескончаемой войне.

Кто их вспомнит? Кто ответит?
Кто вернёт им день былой?
Снится им: февральский ветер
Снова бродит над землёй.

Снятся банки и вокзалы,
Телеграф и поезда...
И над всеми свет усталый
Льёт погасшая звезда.

* * *

Проходят дни, и с каждым вздохом глуше,
И с каждым шагом чуточку больней —
Так иногда нащупывают душу,
Когда хотят забыться вместе с ней,

И — ждать, когда она захочет проще
Разъятое в одно соединить,
Быть здесь и над, и звёздный свет на ощупь
Нанизывать на тоненькую нить;

И, небеса, как Книгу Книг, листая,
Пройти дождём случайным, и, на взмах,
В немых очах растаять птичьей стаей;
Упасть слезой непрошеной в ночах

В скользящее по грани сновиденье,
Где «здесь» и «над» закручены в одно,
И — с лёгкостью благословить паденье,
В твоих глазах разглядывая дно.

* * *

Ну что, мой старый друг, — плеснём по сотке,
Закурим сигарету не спеша
И погрустим, пока от горькой водки
Пробудится озябшая душа.

И будем вспоминать смешно и пьяно,
Как жизнь жилась назло и вопреки.
И замолчим, когда на дне стакана
Останутся надежды... и грехи.

Мы будем пить за счастье земное!
И снова пить за прошлое — до дна.
И станем на мгновенье тишиною,
В которой притупляется вина,

В которой нарождается, как чудо,
Хмельной души такая благодать —
Ни высказать, ни выдохнуть, покуда
Вдруг не поймёшь, что надобно отдать

И раздарить бездумно, без остатка
Певучий всплеск оттаявшей души,
Налить на посошок, вздохнуть украдкой,
Махнуть рукой: «Не пропадай... пиши...»

ЛЕСТНИЦА

Дни за днями, месяц за месяцем
Жизнь наматывает круги.
Только надо, чтобы по лестнице
Восходили твои шаги.

Вверх и вверх. Чёрной кровью, потом ли
Ты оплачиваешь свой счёт,
Но всегда, всегда за пролётами
Остаются ступени ещё.

А куда идёшь?.. Всяк по-своему
Понимает конец пути.
Только надо ввысь — так устроено —
Что-то главное донести.

Дни за днями, месяц за месяцем,
И порой не видать ни зги.
Старость — это когда на лестнице
Затихают твои шаги.

И однажды, взглядевшись в прошлое,
Остановишься у перил,
Вспоминая, сколько хорошего
В этой жизни недолюбил.

ПОЭТ

Наверно, он познал секрет,
В чём суть людского рода,
И наблюдал, как гаснет свет
И ширится свобода.

А собираясь на ночлег,
Твердил пространству глухо:
«Я возведу тебе ковчег», —
И улыбался глупо.

Так проходили день за днём:
Приоткрывая дали,
Пространство поселялось в нём.
А что он? Он едва ли

Всё понимал, но шёл и шёл,
И к небу от суглинка,
Пробитая живой душой,
Легла его тропинка.

Однажды там, средь вечных звёзд,
Он — так же улыбаясь —
Повесит старый плащ на гвоздь
И выйдет, не прощаясь.

И будет так же длиться век.
И будет свет струиться
Уставшим людям на ночлег,
Страница за страницей.

* * *

Между печалью и грустью
Камень горячий лежит.
Кто моё сердце отпустит?
Сколько ни пробовал жить —

Не было счастья, и только
Бусинка-детство в горсти;
Выйду из дома и долго
Буду по свету брести.

Буду идти без дороги,
Сколько останется сил,
В храм, где забытые боги
Не забывали Руси.

Я подойду к ним с поклоном:
«Не обрекайте на суд».
Словно янтарь с небосклона,
Бусинку поднесу.

«Вот он я — сирый и босый».
И, может быть, за грехи,
Тихая-тихая осень
Птицу отпустит с руки,

Чтобы нечаянной грустью
Слышалось в небе порой:
«Кто моё сердце отпустит?
Кто мне подарит покой?»

БЕЛАЯ РОЩА

Здесь тишина и снов громады,
Здесь веры древней алтари,
И чьи-то пристальные взгляды
Разбудят музыку внутри;

Печальные — коснутся сердца,
Как будто ждут его ответ,
И отпускают иноверца,
Забредшего на дивный свет.

И не поймёшь, зачем так пусто
Зашелестел средь листьев дождь —
Так одиноко, безыскусно,
Как плачет старость... Что ты ждёшь?

Чего ты ищешь? Сон природы
Качнулся в сторону зимы.
Иди, иди в свою свободу,
Где нет печалей, нет вины,

Где ничего уже не надо
Остывшей памяти твоей,
Где спят бетонные громады
В тиши неоновых огней.

Ольга Немежикова

Крепкий дом

Астафьев на сцене студенческого театра
Сибирского государственного института искусств

О спектакле студентов третьего курса СГИИ (театральный сезон 2021–2022 гг.) «В крепком доме и жизнь крепкая» по мотивам рассказов В. П. Астафьева «Если это любовь», «Солдат и мать», «Бери да помни», «Руки жены», «Слепой рыбак».

Режиссёры-педагоги: художественный руководитель курса — заслуженная артистка РФ, профессор И. Б. Калиновская; доцент кафедры мастерства актёра И. Б. Гудков.

Невероятно... Неужели действие длилось больше четырёх часов?! Спектакль по мотивам суровой прозы Астафьева прошёл — нет, пролетел (!) на сцене не в часах и минутах, а в принципиально другом измерении.

Переплетение национальностей, судеб, характеров показано экспрессивно и поэтично. Атмосфера... Проза Астафьева красива и беспощадна: «О, русская земля! Где предел твоему величию и страданию!» Но, переведа дух (овации были заслуженно многократными), хочется воскликнуть: «*O rus!..*» — пушкинский эпиграф в русской словесности передаёт восхищение простыми нравами и натуральной жизнью. Спектакль схватил за живое, до слёз, и всё равно остался светлым, как природа в произведениях нашего любимого писателя. Здесь не раз и не два подаёт голос кошка, хозяйка кормит цыплят, днём заливаются птички, ночью — цикады, и аромат яблок перебивает фронтовой дымок табака. Здесь любят гулянья и пляски, а поют так, что душа улетает. Только семьи-дома, как и всюду, возводят кто на песке, а кто на крепком фундаменте. Разные люди — разные судьбы. Деревенский колорит, Советская Россия с 1941 по 1962 год.

Об этом спектакле хочется говорить, хочется понять его тайну, хотя бы приблизиться к ней. Одна из сторон этой волнующей тайны, духовная связь зрителей с великим русским писателем, с чувством земли и Родины — созданные актёрами сценические образы. Каждый из них ярко индивидуален, каждый почти что миф, узнаваемый интуитивно, почти мгновенно. Ведь это наши, русские люди, близкие, родные — свои!

Одинокий контуженый солдат Глеб (*Борислав Носатов*) — из тех, кто отдаст последний паёк и рубаху. В каждом встречном он видит

прежде всего человека, которому надо помочь, и помнить ли тут о своих-то увечьях?..

В спектакле много калечных. Но Глеб впечатляет особой правдой тела, напоминая стойкого оловянного солдатика, которого можно уничтожить, но не разуверить. О житейской неустроенности он просто не думает. Проклятые вопросы эпохи, непримиримые противоречия между чувством справедливости и скотской реальностью — его личная пытка длиной в жизнь. Этот человек из тех, кто по выбору сердца живёт под рефрен: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Впервые с Глебом мы встречаемся в теплушке на отступлении, он ведёт беседу с Арсением (*Николай Братищев*). Молодой солдат не пострадал в бою, а может, ещё не стрелял, но совсем захандрил и поник. Война выдернула его с учёбы, он — человек гражданский, война его давит. Затяжное отступление почти деморализовало Арсения, но старший товарищ убеждён в неизбежном повороте действий, в боеспособности нашей армии, в нашей победе.

Сцена напутствия производит впечатление необыкновенной силы. Игра дуэта пробирает до мороза по коже. Мерное колыхание фигур под стук поезда. Крепко стоящий солдат, неколебимый в своих убеждениях. Ударная лаконичная патетика. И упавший духом юнец поднимает голову, расправляет плечи, встаёт. Перед нами знаковая картина войны из категории вечных.

Занавес опустился, жизнь продолжается, а изображённое событие, стоит чему-то близкому коснуться души, всплывает наряду с другими произведениями, с детства впечатанными в советскую картину Великой Победы. Эхом памяти звучат «Комиссары» (слова М. Матусовского, музыка Е. Жарковского, исполнение В. Коннова):

...Ваше слово на той войне,
К сердцу путь самый верный выбрав,
Шло с гранатами наравне,
Со снарядами всех калибров.

Вы бросали людей в штыки,
Наносили врагу удары,
Замполиты, политруки,
А по-прежнему — комиссары.

Обжигая командой рот —
Видно, участь у вас такая, —
Всюду первыми шли вперёд,
За собою нас увлекая...

Не забыть печальный взгляд матери предателя, которую люди заклеймили Фашистхой, вычеркнув из памяти её настоящее имя — Варвара (*Александра Шаранова*). Что должна чувствовать женщина, ненаглядный единственный сын которой пошёл в полицаи? Непредставимо...

Эта мать — не соляной столб. Из дерюжного кокона почти монашеских одежд смотрят живые глаза, в которых мука и стойкость. Мать предателя или убийцы — не самый расхожий образ в искусстве, разве что сразу приходит на ум «значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние», губы которой в ожидании участи сына шепчут не то молитву, не то проклятие («Фаталист», Лермонтов). Теперь трудно представить, что когда-то Фашистиха была в колхозе своей — так ожесточила война народ, и ждать надо долго, терпеть, пока люди обмякнут.

Сама женщина принимает мирское клеймо так же смиренно, как хочет — не хочет, но вынуждена принять сына: на стене между фотографиями родителей от его портрета осталась лишь рамочка, но она висит, не снята. Вспоминаются строки «Молитвы» Бехтеева: «Дай крепость нам, о Боже правый, злодейство ближнего прощать». Возможно ли простить предательство, да ещё сына?.. Солдат Глеб единственный в деревне не осуждает Фашистиху, видит в ней несчастную мать и выражает надежду, что всё перемелется, чем крепко поддерживает её.

Образ слепого рыбака Жоры (*Филипп Ярушин*), его осторожные движения, тихий голос буквально гипнотизируют до такой степени, что иногда кажется: он — призрак среди людей. Потерявший из-за непосильной работы слабое после контузии зрение, этот кроткий человек, которого на деревне любят и жалеют все, кроме жены Нюры (*Алина Буторина*), безропотно тянет лямку. Его жизнь оборвётся в предрассветной тиши, отозвавшись в наших сердцах лопнувшей на минорном пассаже скрипичной струной: отмутился лирик, романтик, человек не от мира сего — человек без претензий, даже на несносную жену не державший зла. И когда Нюра наткнётся на окоченевший труп мужа, другая женщина в ней, моложе лет, может, на двадцать, очнётся от слепоты, заголосит по упущенному, профуканному счастью. Теперь горе её неподдельно, и от внезапно нахлынувшей потери не только у неё наворачиваются слёзы. И хочется верить, что плачет она по своему рыбаку, а не по разбитому корыту.

Проворная Роза (*Сай-Дажу Найдан*), узнаваемо повседневная, сельская, буквально искрит: Фашистиха ей — что красная тряпка быку. Роза свирепо вращает глазами и так долбит бедро кулаком (не иначе до синяков), что лучше держаться подальше. Да и стырить рыбёху у слепого рыбака ей, видать, не впервой, пока тот без упрёка, но с огорчением не спросил: «Роза, зачем?» Будто сказал: «Роза, за что?» Оказалось, Роза не воровата: она смерть как «по мясу соскучилась», вот и не удержалась. Хотя мы помним, что не голодная, незадолго до этого поделилась с женой рыбака пасхальными яйцами. Однако яйца — не рыба!

Испытания послевоенного времени производственными авариями зачастую не уступали боевым действиям. Инвалидам войны мы глубоко сочувствуем, но молодой Степан Творогов (*Кирилл Черных*),

потерявший писти при взрыве на шахте,— другое дело: для нас он герой без страха и упрёка, одержавший полную победу над собой и обстоятельствами. Мы восхищаемся Степаном и его умницей-женой Надеждой (*Екатерина Мишина*). Скромная, но при этом деятельная Надя (не Надечка!) смело строит семью, не отступив перед страшным испытанием — внезапным увечьем юноши. Надя смогла убедить Степана, что он нужен ей, что они справятся вместе. История их черёмуховой любви вошла в основное содержание спектакля и отражена в названии.

Интеллигентные Мурочка (*Лиза Опалева*) и её муж Иннокентий (*Георгий Рогоманов*) на фоне эмоционально красочной, рыхлой, плодородной деревенской «толщи» представляют (вместе с Арсением) рафинированную городскую «прослойку». Мурочке в этой жизни повезло как никому: из разведки (прошла всю войну) вернулась с аномально здоровой психикой, без единой царапины; на зависть селянкам её новые туфельки в цвет новому платью, косы короной и фигура по моде тех лет; а уж муж-архитектор, в поезде с обожанием стелющийся два матраца своей принцессе, надевающий ей на ножки домашние тапочки! (И всё одной рукой — вторую оторвала война.) Он и на фронте на привалах не столько отдыхал, сколько писал письма любимой, нередко забывая про кухню. Мурочка с достоинством и восторгом принимает его обожание и в меру сил чутко присматривает за порядком. Его заработок запросто позволяет Мурочке заниматься любимым делом — картины писать. Творчество — «вся её жизнь». Но подлинный её талант — влюблять в себя окружающих. И войну ей, похоже, удалось «закрыть», как прочитанную книгу.

Наивная очаровательная Анфиса (*Алёна Хорошая*), в ладных сапожках, с вечным своим недоеденным яблоком. Фисе с Арсением суждено запутаться в треугольнике стреноженных чувств. После замужества крылышки ангелицы поникнут, а удалец (*Антон Семёнов*), лихо сосватавший ядрёную молодуху, станет немилым и грубым.

Встреча Фисы с Арсением через семнадцать лет у ведра солёных огурцов, казалось, лишь допишет расхожий постскрипtum. Но огурцы забыты на рынке, и теперь Фиса провожает Арсения. И когда она грустно скажет: «Я по домашности»,— словно солнышко выглянет, прорвётся лучом вечная женская тема о крепком доме, любви, о муже желанном, о счастье... Удивительно точная, задушевная интонация простой, незатейливой фразы — как росчерк, как подпись на фотографии. Унеслась молодость, а с ней и наивность, но что-то созрело... что-то некрасовское... Сноп спелых колосьев... и поздние яблоки... «Есть женщины в русских селеньях». Есть. Ну, не сложилось... Случается... Дочке — цвести...

Два персонажа, пасечник и старуха Адольфовна (баба Маня), щедро бодрят публику. Никакой лихоманке не заломить народ, не выкосить дух под корень — люд перетопчется, выдюжит, поднимет голову, когда и не ждали.

Прощельга-пасечник (*Александр Оленцов*), похоже, перебивается остатками роскоши когда-то зажиточной семьи. Этот жизнерадостный выпивоха и нахлебник в деревне свой в доску: бабы жалеют, работающие мужики презирают, собутыльники жалуют. Он и к зрителям подобрал ключик: мы любуемся заплатами на резвой его упитанности, смачным «взятием на грудь» бабкиной самогоночки, деловитой меной и торговлей медком и заправским умением приспособиться. Есть в этом типаже что-то от русского Иванушки, время которого ещё не пришло — не клюнул пока петух. А если этот Иванушка сгинет, то похожие народятся.

Гротескный образ Адольфовны (*Валерия Крайцова*) сносит все штампы! Ошеломляет!!! Она непосредственна, как дитя дремучей и мудрой природы. Она знает, как устроить гулянье — этой душе компании возраст не помеха, а самая хмельная настоечка! Баба Маня умеет и чарочку поднести, и сама не дура для здоровья принять. А как залихватски бабуля наяривает на аккордеоне: пальцы, клеёные пластырем, так и гуляют! Колдуют! Усидеть невозможно — все рвутся в пляс, забыв обо всём, кроме пляски! Самим присутствием Адольфовна поддаёт жару. Даже если бабка притихла, она не просто сидит, а тарашится: чудны дела Твои, Господи! А ритуал самозабвенного ступора, когда она тащит кошкину шерсть изо рта! Эта вездесущая бабулька — живучая древняя душа, жизнь для которой — вечная сказка, которая поворачивается то злом, то добром.

Тема Великой Отечественной войны начинает спектакль и густо пронизывает всю его атмосферу. В одной из интермедий солдаты (*Филипп Ярушин, Антон Семёнов, Александр Оленцов*) в поисках дизтоплива входят в село с разрушенной школой. Они невольно останавливаются и замирают перед руинами, как перед храмом... своего детства, которое наверняка не было ни сытым, ни лёгким, но, судя по их зачарованному облику, в каждом оно оставило много теперь счастливых, светлых воспоминаний. Однако найденный мешок фронтовых писем словно торопит бойцов обратно. «Бумага — какая в ней тяжесть? В штаб отнесём, там разберутся». Некогда предаваться воспоминаниям, надо идти вперёд, заканчивать войну и возвращаться в разруху, строить всё заново.

Молодая Фиса, вернувшись после войны в родное село, мчится навестить бабу Маню, которая её, сироту, считай, вырастила. Радость встречи омрачается сообщением, что муж и трое старших сыновей бабы Мани погибли в первые годы войны, а от младшего уже пару лет нет известий, но она его ждёт, очень ждёт... Парень вернётся, женихом Фисе будет — вот заживём! И тут Фиса спешит обрадовать бабу Маню весточкой от пропавшего младшего сына — именно Фисе было поручено разобрать мешок писем, найденный солдатами возле разрушенной школы. Баба Маня просит скорее читать письмо, Фиса с выражением начинает... Скоро голос её стихает, надламывается...

В письме — весть о гибели смертью храбрых на поле боя последнего, младшего сына... Время остановилось. Фиса рыдает. Губы бабы Мани дрожат, в сердцах срывается горькая горечь... Горькая соль...

В спектакле крепко посолено: солдат Глеб, Степан с Надей, баба Маня — очень разные и очень стойкие, цельные личности. Их вера неиссякаема, они сами не пропадут и помогут выжить другим. Испытания делают их только крепче.

Это не значит, что другие слабы, но в них присутствует какая-то зависимость или фатальное несовпадение с тем, что дано. Архитектор непредставим без Мурочки — она для него что божничка, и Мурочка мужа от себя ни на шаг не отпустит. Арсений и Фиса хронически не способны к решительным действиям. Муж Фисы заливает горе, да его же и заколачивает. Слепой рыбак Жора вроде бревна для жены-пилы, и она его таки допилила. Пасечник без грома не перекрестится. Фашистиха, вероятно, и до беды не особо дружилась с односельчанами. Роза — как проросшее в чужом климате семечко, каких расплылось несчётно по советским просторам и захолустьям.

Почему совершенно эпический спектакль «В крепком доме и жизнь крепкая» хочется смотреть снова и снова, почему он захватывает и, как страстная проза Виктора Петровича Астафьева, не отпускает со временем? Мы можем забыть сюжет, имена героев, но впечатление останется навсегда, потому что сама встреча была удивительно славной. Такие произведения родниками питают душу, утоляя вечную жажду сердечностью и простотой, светлым началом и верой в народ, который и есть начало, опора и то самое зерно таинственного смысла, в поисках которого заходитесь современная цивилизация.

Герои спектакля вместе идут сквозь войну и разруху, вместе строят дома и семьи, в каждой из которых своё житьё-бытьё, своя житейская история. У каждого есть дом, общий, крепкий, родной дом — Родина. Мы не удивляемся, что женщины в этом доме дружны, мужчины солидарны, особых конфликтов нет, разве что мелкие бытовые неурядицы и типичные семейные разногласия, свойственные полёту национального характера. Бытовая и социальная достоверность спектакля узнаваема подсознательно, на уровне родства с персонажами.

Тема дома раскрывается в том числе через вариации любви в различных её проявлениях до самых краёв: каждый герой наделён огромным даром любви, восприимчивости, переживания. Другое дело, как этот дар проявляется в испытаниях, какие формы находит.

Примечательно, что никто из «неблагополучных» семей не рассматривает возможность развода. Это характерно для астафьевского времени: тогда люди воспринимали развод как чрезвычайную меру по причинам не столько историческим, сколько материальным. Также считалось, что детям лучше расти с обоими родителями, какими ни есть, даже если они друг друга едва терпят. Семьи обычно создавались смолоду и на всю жизнь. Развод не только не был делом обычным,

но заметно снижал социальный статус и самооценку. Слово «разведёнка» бросалось женщине как оскорбление.

История «Крепкого дома» начинается под запов «Вставай, страна огромная!» отъездом на фронт молодого архитектора Иннокентия, кончается смертью слепого рыбака Жоры. Тают в рассветном тумане звёзды, и чертовски хочется жить...

Оба мужчины по возвращении с фронта увечны, но за Иннокентием неусыпно глядит его ненаглядная Мурочка, а Жору выгнала в ночь злая жена.

Впрочем, злится Нюра только на Жору, с другими она приветлива. Не будь Жора ей мужем, она бы зла на него не держала. Наверняка помогала бы, чем могла. А так травит её смертная обида: мужик, как назло, взял да ослаб и ослеп окончательно... Их повседневная жизнь — цепь трагических эпизодов. То этот «козёл отпущения» хлеб потерял (другую булку купить не на что), то передал «такие хорошенькие» пасхальные яйца, которые сама же на лавке бросила, то бессоннице её мешает храпеть поздним своим возвращением. В сердцах Нюра не может сдержаться: «Когда же ты сдохнешь, когда?..» — после ужасаясь тому, что сказала. Жора готов уйти в инвалидку, да не дойдёт, сил не достанет. Жена не знает, как ещё обругать, а Жора страдает: ведь Нюра была другая, разве можно не понимать человека, который старается ей не мешать, которому недолго осталось?.. Эх, Нюра, Нюра... Доверчивый Жора во всём винит только себя — похоже, Нюру он жалеет даже больше её самой. И мы, наблюдая Нюру — базарную бабу с арсеналом яростных воплей ради души облегчения, всё-таки верим Жоре, что когда-то она сильно его любила.

Слова одинокой Розы о том, что Нюра, будучи замужем, счастья своего не понимает, до самой смерти Жоры останутся для неё пустыми. Вот так стоит запустить в сердце обиду, как человек сбивается с дороги, по которой суждена пускай трудная, но для многих такая завидная доля...

Полная противоположность — городской рахат-лукум художницы Мурочки и архитектора Иннокентия. Глядя на эту пару, мы словно видим инсценировку «Песни о московском муравье» Б. Окуджавы: «Мне нужно на кого-нибудь молиться», — настолько эти двое обожают друг друга, а Иннокентий и вовсе благоговеет. Он действительно очарован, и мы его очарованием тоже околдованы, сколь бы куртуазно ни выглядела эта любовь.

Волнующий треугольник истории — Анфиса, её муж Геннадий и Арсений. Фактически Арсений бросил Фису, оказался не готов к «семейной повинности», считал, что сначала надо закончить образование, встать на ноги. Получается, не верил, что вместе они, молодые, здоровые (без ранений!), построят свой дом. Надеялся, что всё ещё будет, что на Фисе свет клином ему не сошёлся. А когда через семнадцать лет встретились... Арсений весьма убедителен в этой

последней встрече. Сказать ему нечего, он и не пытается — молчит. Но как молчит! Внутри мрак и сплошные завалы... Он давно всё про себя понял: ничего-то ему не переиначить, другим не стать никогда, не выйти на солнышко...

Но Фиса — была бы она с ним счастлива? Ведь не «сохранность» стала причиной разлуки. Арсений — человек ответственный, он бы женился — дело нехитрое. Но что-то подсказывает, что судьба уберегла Фису от Ньюриной дорожки, от превращения в фурию.

Арсений живёт внутренним миром, а Фиса очень земная женщина, пришла пора — молоко брызжет — нужен дом, дети, муж. Геннадий вовремя появляется на сцене. В выборе он не ошибся, по-хозяйски, не откладывая женитьбу в долгий ящик, ухватил ангелицу. Да только запал ей в душу мечтатель Арсений, занозой засел — присушил. Малейший огрех Геннадия — и образ Арсения в душе Фисы заполняет всё, дразнит неведомой жизнью, волнует, настраивает против мужа. Геннадий ситуацию чувствует по-звериному верно, бесится, забывается водкой, дерётся.

Геннадий по ходу спектакля как бы на втором плане, но только «как бы», потому что его словно рубленая под историю Фисы роль сыграна правдиво и тонко. Если Арсений и Фиса страдают и несут крест, то Геннадий злится... и тоже несёт свой крест. Первый парень на деревне, в котором жена должна бы души не чаять, млеть и гордиться, который мог выбрать любую, выбрать по нраву, вдруг оказался постылым — убойный удар по самолюбию. Пережить философски такую инверсию по силам, пожалуй, только святому. Нам и Фису с Арсением жалко, и Геннадию мы глубоко сочувствуем. По большому счёту, он не с женой воюет, а с одним из тайных законов любви, с гордиевым узлом, ещё до него завязанным. Остаётся надеяться, что встреча с Арсением разрубит невольный приворот и расставит в семье Геннадия всё по местам.

Проникновенная история Нади и Степана Твороговых в спектакле — словно матица в русской избе. Мифические атланты держат небо, а реальная матица — крышу над головой.

Беда, случившаяся со Степаном Твороговым в девятнадцать лет, по большому счёту, непредставима. Война позади. Юноша делает первые зрелые шаги. Светлое будущее что только ему не сулит: страна преодолевает разруху — заживём! Уважение в посёлке и на работе, профессиональный рост не за горами, любовь и семья. Первый танец с милой, хорошей девушкой. И враз всё насмарку — взрывом на шахте оторваны пясти. Рок, чудовищная несправедливость, конец...

Надя не стала ждать, когда Степан «встанет на ноги» (не иначе отрастит руки), она всё приняла как судьбу, бежать от которой не было даже мысли. Когда Степан мучительно пытался гнать Надю от больничного окошка: «Слушай, ты больше не приходи», — пытался уберечь от мучений с калекой, когда больничная сестра стыдила: «Девушка,

не шарахайтесь по ночам, приходите в часы посещений»,— Надя дерзко им крикнула: «А я не девушка, я жена!» Степан, как говорится, чуть из окошка не выпал, и мы понимаем, что с этой минуты его самым сильным желанием стало не в щель горемыкой забиться, а наравне со здоровыми строить жизнь, да не простую — счастливую, которую одним метким словом распахнула перед ним его Надя.

Путь из больницы к дому мимо черёмухи стал мотивом судьбы на двоих, образом красоты и плодородия, первозданной весенней силы, которая обязательно возрождается после каждой зимы. Крупных споров в этой семье не случается, мелкие оборачиваются шуткой вроде: «А малина слаще!» У такой любви конец невозможен, ведь она — крепкий фундамент для образов, которые никогда не разочаруют друг друга — только вызывают взаимное уважение. Наде со Стёпой некогда было скучать, тем более слёзы лить по несбыточному, и всё у них сбылось, да так крепко, как, казалось бы, может быть только в сказке, но на самом деле случается в жизни.

Степан придумал себе множество приспособлений, без рук он мастер на все руки. Счастливый характер: ни тени гордыни. Запросто Степан выдаёт правду, и никто из сельчан не держит обиды, потому что сказано всё без надменности, искренне, ясно и просто.

Неслучайная картина долго держится в памяти: Надежда за прялкой в центре сцены. Кому, как не Наде, можно доверить общую судьбу обитателей крепкого дома?

Тянется нить — каждому будет по мере его.

Вместе встанут в основу общего дома — Родины.

Александр Ёлтышев

Подвиг во льдах

80-летию обороны Диксона

В глухом тылу в полярном рейсе,
вблизи от наших берегов,
вступили в бой немецкий крейсер
и ледокол «Сибиряков».

Плавучей крепости огромной
пытался перекрыть проход
для мирных будней сотворённый
простой трудяга-пароход.

Моряк вовек не станет драпать.
Неравный бой, пробитый борт...
«Горим, прощайте!» — ёмкий рапорт,
по-мореходному — рапорт.

От парохода — лишь руины,
но сквозь разрывы и ветра
над безысходною пучиной
гремит победное: «Ура!»

Вот так уверенно вершился
грядущих подвигов гарант,
и суперкрейсер не решился
на берег высадить десант.

Таймырец верою проникся,
что будет порт родной спасён,
и выстоял посёлок Диксон,
по-мореходному — Диксон.

Росла тревога всё острее
от фронта главного вдали.
Корабль спугнули батареи —
защита северной земли.

Победы зов сильнее жажды,
и враг с позором удирал,
когда в атаку рвался каждый,
по-мореходному — аврал.

Наталья Калеменова

Сибирь атакует

Захват немецкими войсками 8 сентября 1941 года в устье Невы Шлиссельбургской крепости стал началом блокады Ленинграда. По решению Верховного главнокомандующего были созданы Волховский и Ленинградский фронты для выполнения главной задачи — прорвать блокаду. В распоряжение командования Волховского фронта были переданы несколько крупных войсковых соединений, в том числе 59-я армия, сформированная на территории Сибирского военного округа. В эту армию вошли 374-я, 378-я и 382-я стрелковые дивизии и другие воинские части, сформированные на территории Красноярского края.

По приказу Военного совета Сибирского военного округа 4 июля 1941 года в Ачинске началось формирование 378-й стрелковой дивизии. В Минусинске шло формирование 1254-го и 1256-го стрелковых полков этой дивизии. За успешные боевые действия на Карбусельском направлении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1943 года 378-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени. За массовый героизм и мужество бойцов и офицеров, проявленные при освобождении Новгорода, ей было присвоено наименование «Новгородская». Полное наименование дивизии, под которым она вошла в историю Великой Отечественной войны: 378-я стрелковая Новгородская Краснознамённая дивизия.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКОВ В МИНУСИНСКЕ

С Днепра — на Енисей

Воспоминания Григория Павловича Дерзского — бывшего командира 1256-го стрелкового полка 378-й дивизии

15 августа 1941 года Киевское пехотное училище по приказу Ставки Верховного главнокомандующего было снято с обороны Киева и отправлено в город Ачинск. 5 сентября меня пригласил начальник училища полковник *Чебышев* и сказал: «Товарищ старший лейтенант, вы просились на фронт, сейчас появилась возможность удовлетворить вашу просьбу. Получите предписание и сегодня же выезжайте в штаб Сибирского военного округа за получением назначения».

В отделе кадров СибВО мне объявили, что я назначаюсь начальником штаба 1256-го стрелкового полка 378-й стрелковой дивизии, а до подбора кандидатуры командира полка буду исполнять его обязанности.

Я попросил, чтобы мне разрешили взять из училища по моему усмотрению хотя бы двух человек: временно исполняющего обязанности комиссара полка и временно исполняющего обязанности начальника штаба. Со мной согласились, из Киева были вызваны старший политрук *Сергеев* и старший лейтенант *Хозин*.

8 сентября 1941 года мы были уже в Минусинске, где формировался 1256-й стрелковый полк 378-й стрелковой дивизии. Появилось много трудностей. Формирование шло с отклонениями от плана. Не поступил ещё рядовой состав, было мало младших командиров, а конезаводы поставляли плохо обученных и обкатанных тувинских лошадей. Не было нарядов на фураж и продовольствие, не решён был вопрос с финансированием и т. д. Пришлось подключать райком партии и депутата Верховного Совета СССР (к сожалению, фамилии его не помню).

Решение этих трудностей облегчало то, что мы с *Сергеевым* и *Хозиным* хорошо знали друг друга, дружно и согласованно решали все вопросы, имели полное взаимопонимание. Нам очень помогал секретарь партийного бюро полка — политрук *Крецуц Михаил Иванович*, работавший ранее помощником секретаря Минусинского РК ВКП(б), знавший руководство города и района.

Наши бывшие курсанты, только что окончившие училище, прибыли к нам в полк на должности командиров стрелковых взводов. Мы их знали по Киевскому пехотному, а это очень важно.

Приходили также командиры запаса, выздоравливающие из госпиталей. Прибыли командиры стрелковых батальонов старшие лейтенанты *Топильский*, *Соколов* и *Кротенко*.

У нас не было винтовок и карабинов, не говоря уже об автоматах и пулемётах. Строевые занятия, рукопашный бой проводили с винтовками-макетами, сделанными из досок, с ними же занимались и на тактической подготовке. По нашей просьбе нам привезли из нашего училища 50 боевых винтовок, 5 ручных и 2 станковых пулемёта. Это послужило большим подспорьем для проведения боевых стрельб с личным составом.

Штаб полка размещался в большом деревянном доме, двор огорожен забором, напротив штаба — большой плац для строевых занятий. Мы, командование, жили трое в одной комнате в домике во дворе штаба. Личный состав размещался по всему городу в небольших домах на двойных деревянных нарах.

Сроки формирования полка были сжатые. К 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции надо было закончить формирование и обучение. Занятия проводились круглосуточно,

особое внимание уделялось боевым стрельбам. Лимитировали полигон и наличие боевого оружия.

Преодолевая трудности, сибиряки настойчиво и упорно осваивали программу ускоренной подготовки. Большую помощь в этом оказывали младшие командиры и солдаты, прибывающие из запаса, ранее участвовавшие в боях на Халхин-Голе, у озера Хасан и на финском фронте.

Однажды к нам прибыли командующий Сибирским военным округом, волевой, энергичный и требовательный генерал-лейтенант *Медведев* и большая группа командиров и политработников. Они проверяли наш и 1254-й стрелковые полки. Серьёзных замечаний не было. У нас на душе полегчало.

Вечером в городском театре состоялось совещание командиров и политработников обоих полков. Результаты проверки боевой и политической подготовки были в пользу нашего полка. Командующий рассказал об обстановке на фронте и поставил задачи по быстрейшему завершению формирования частей дивизии, готовности выехать на фронт.

В первых числах октября личный состав полка принял военную присягу. Вскоре в Минусинск прибыли командир 378-й дивизии полковник *И. П. Дорофеев* и комиссар дивизии полковой комиссар *К. А. Корнышев*. Они проверяли готовность полка к отправке на фронт. Полк совершил 30-километровый марш, проверили разворачивание подразделений полка на марше, боевые порядки подразделений при наступлении и в обороне.

После учений комдив и комиссар провели совещание по полкам с командным и политическим составом, рассказали о текущем моменте, дали указания на быстрейшее сколачивание подразделений и готовность к выезду на фронт.

В октябре в Минусинске стояла тёплая, без дождей, погода. Ходили в гимнастёрках. И только к началу ноября появились небольшой снег и морозец. Морозом воспользовались сибиряки — снабженцы полка, которые с помощью добровольцев — женщин Минусинска — готовили запас мяса для фронта, изготавливая из него сибирские пельмени. Было изготовлено и упаковано в мешки свыше трёх тонн замороженных пельменей. Это послужило большим подспорьем на фронте, когда были перебои в снабжении.

7 ноября, в 24-ю годовщину революции, на площади состоялся митинг трудящихся города и парад двух полков. Минусинцы, провожая нас на фронт, вручили полкам шефские знамёна, сказали напутственные речи, дали наказ мужественно защищать Советскую Родину. С ответным словом выступили полковник *Коваленко* и комиссар *Корепанов*.

Части дивизии отправлялись на фронт. 1254-й стрелковый полк успел переправиться через Енисей по паромной переправе, а у нашего полка

возникли трудности: на реке образовалась сильная шуга, паромная переправа оборвалась.

Я переправился на барже и через облвоенкомат Абакана связался с командующим СибВО, доложил обстановку. Командующий дал указание принять все меры для переправы полка на баржах. Лошадей и повозки сдать Минусинскому райвоенкомату, вместо них мобилизовать и дать полку такое же количество лошадей и повозок в Абакане. В течение 12–15 часов полк был переправлен на баржах через Енисей. Переправлено было всё продовольствие, вещевое имущество, лошади полковой артиллерии и конной разведки. Полудиких тувинских лошадей и повозки получили на месте — в Абакане.

Во время погрузки в Абакане в полк прибыли назначенные командиром полка майор *Карнаухов*, комиссаром полка — полковой комиссар *Никифоров*. Карнаухов привёз приказ командующего СибВО, где мне было присвоено воинское звание «капитан» и я был назначен начальником оперативного штаба 378-й дивизии.

14 ноября с первым эшелоном 1256-го полка я выехал на фронт. При остановке на станции Ачинск меня вышли проводить жена с пятилетним сыном и шестимесячной дочкой.

В декабре наша дивизия прибыла на станцию Большой Двор и совершила многокилометровый марш через освобождённый Тихвин к реке Волхов. На ходу получили стрелковое вооружение в заводской смазке.

29 декабря после трудного многокилометрового марша полк в составе дивизии с боем форсировал реку Волхов в направлении Водосье и начал расширять плацдарм. Первым в бой вступил стрелковый батальон старшего лейтенанта *Соколова*. Но «оседлать» железную дорогу и захватить станцию Лезно полк не смог. В первых боях 31 декабря был тяжело ранен командир батальона ст. лейтенант *Соколов И. Н.* Был ранен и отправлен в госпиталь командир полка майор *Карнаухов*. 1 декабря 1942 года меня снова назначили в этот полк. К тому времени полк понёс большие потери, заболел комиссар полка *Никифоров*. Комиссаром был назначен старший политрук *Ф. Ф. Сальников*. Командиры и солдаты с большой радостью восприняли моё возвращение в полк, так как знали меня по Минусинску.

Продолжались тяжёлые наступательные бои. 13 января я лично поднимал полк в атаку. В атаку с нами ходил и инструктор политотдела дивизии *Сергеев К. В.* В итоге 18-дневных кровопролитных боёв полк удержал плацдарм и отбил много яростных атак противника.

Передав плацдарм частям 376-й стрелковой дивизии, полк в составе дивизии совершил 70-километровый марш в район Спасской Полисти.

ОТ АВТОРА

Полковник в отставке Г. П. Дерзский написал свои воспоминания, готовясь к встрече однополчан, которая проходила в Минусинске

в начале ноября 1981 года. Однако приехать на встречу не смог по состоянию здоровья. Он выслал эти воспоминания в редакцию газеты «Искра Ильича» (ныне — «Власть труда»). Редактор газеты В. Г. Понькин передал их в фонд Минусинского краеведческого музея, где они и хранятся.

Фронтовые награды Г. П. Дерзского: орден Александра Невского, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, тринадцать медалей; орден КНДР Свободы и Независимости и медаль Чехословакии.

ДИКИЕ КОНИ ДЛЯ ПЕРЕДОВОЙ

Воспоминания В. Ф. Буряка (архив Минусинского музея)

До войны я работал технологом маслоделия. 23 июня 1941 года был мобилизован в Новосибирске в запасной полк. С 25 июля началась служба в Минусинске старшиной конного депо. Мы получали необученных лошадей из Монголии, можно сказать — диких, и обучали их для фронта. Из Минусинска в нашем полку уходили на фронт *Илларион Иванович Фокин* и *Николай Егорович Пащенко*. На фронте я был сначала старшиной санитарной роты 1254-го полка, потом старшиной 2-й пулемётной роты, позднее — заместителем начальника продовольственно-фуражной службы полка.

Первым командиром полка был *Коваленко*, первым начальником штаба — *Вотяков* (погиб), заместителем по МТО — *Смирнов А. П.*, первым комиссаром полка — *Подольский* (погиб), начальником ОВС — *Проваловский*, начальником ПФС — *Толкачёв*, начальником санслужбы — *Брянцев* (погиб), начальником ветслужбы — *Сорока*, начальником госпиталя — *Пименов* (погиб), командиром транспортной роты — *Афанасьев*, уполномоченным СМЕРШ — *Щербань Владимир Кузьмич*.

ПРОТИВ НАС — «ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ»

*Воспоминания бывшего радиста В. В. Побирюлина
(архив Ачинского музея)*

Наша дивизия спешно была направлена на фронт. Ехали пять дней. На шестой наш эшелон остановился в городе Череповце. Немецкая авиация разбомбила полотно железной дороги, пришлось выгружаться из вагонов. Шли только ночами по просёлочным дорогам. На четвёртые сутки вступили в бой около города Тихвина, где немецкая армия выбросила десант с небольшими пушками, танкетками, чтобы окончательно окружить Ленинград.

Наша дивизия с ходу вступила в бой, который продолжался несколько часов. Немцы стали отступать к берегам Волхова, где начали укреплять станцию Чудово, посёлки Званка и Спасская Полисть.

Особенно помнится бой у деревень Мосток и Спасская Полисть. Эти пункты враг сильно укрепил технически, сюда была направлена

отборная кадровая дивизия, в которой служили солдаты ростом не ниже 1 метра 85 см. После боёв этих верзил осталось мало. Тогда Гитлер поставил против нас наёмную армию испанцев, которая называлась «Голубая дивизия».

ОТ АВТОРА

Официально Испания не участвовала во Второй мировой войне — правительство Франко приняло решение, что армия Испании не будет воевать на стороне Гитлера. Однако это же правительство провозгласило: «Разрушение России есть дело Испании». В немецкую армию были направлены добровольцы. Официальное название соединения, в которое они вошли, — «Испанская дивизия добровольцев». Неофициальное, но хорошо известное — «Голубая дивизия».

ПЕРВЫЕ БОИ

*Из воспоминаний командира взвода 1256-го полка лейтенанта
П. С. Ткачука (газета «Искра Ильича» от 3 июня 1971 года)*

В начале сентября 1941 года я с группой молодых лейтенантов-выпускников прибыл в 378-ю стрелковую дивизию, где был назначен командиром взвода в батальоне капитана *Соколова*.

С фронтов приходили тревожные вести. Враг рвался к Тихвину...

На площади небольшого сибирского города нашему 1256-му полку вручили боевое знамя. Полк, которым командовал сибиряк майор *Карнаухов*, отбыл на фронт.

Наш эшелон прошёл Вологду ночью. Остановились через час на разбитом полустанке. По обеим сторонам дороги стоял могучий заснеженный лес.

В вагоне, где размещался штаб батальона, собрались ротные командиры, штабные работники. *Соколов* начал совещание без предисловий: — Батальон прибыл к месту назначения — на Северо-Западный фронт. Второй и третий батальоны ещё в пути. Нам приказано выступить, не дожидаясь остальных сил полка. На подготовку к походу даю полчаса. Вопросы есть?

— Нет!

— Тогда по местам!

На третьи сутки тяжёлого, изнурительного марша через снежные заносы батальон остановился в сосновом прифронтовом лесу. Усталые солдаты отказывались от пищи, валились в снег и сразу засыпали.

Хоть усталость валила с ног, я не прилёг под деревом. Собрал младших командиров и отдал приказ на охранение взвода, также приказал готовить горячую пищу. Мой помкомвзвода сержант *Петренко*, бывший учитель из Минусинска, остался во взводе за меня, а я пошёл разыскивать младшего лейтенанта *Саламатина*.

— Какова обстановка? — спросил я командира роты. — Будет ли большой привал?

— Нет, не будет. На нашем участке немцы начали отход за реку Волхов. Получен приказ преследовать врага. Не давать ему закрепляться, гнать на запад. Подымай людей. Со своим взводом пойдёшь в головном охранении. Будь осторожен, местность лесистая, не напорись на засаду.

Саламатин по-отечески посмотрел мне в глаза, крепко пожал руку, на прощание сказал:

— Удачи тебе, сынок...

Первое отделение под командой сержанта *Ерёмина* пошло впереди, в головном дозоре. До войны *Ерёмин* был преподавателем русского языка и литературы в средней школе, имел высшее образование — учительский институт. Это был плотный мужчина, очень сильный, умный человек. Посылая его в разведку, я надеялся, что он не растеряется в сложной обстановке, успешно выполнит боевую задачу. И я не ошибся.

В левом дозоре были стрелки *Иванов* и *Бояршин*, в правом — *Данилов*. Охрана тыла была поручена сержанту *М. С. Ильину*.

Бойцы взвода молча двигались вековым лесом, утопая по пояс в глубоком сыпучем снегу. Было удивительно тихо на нашем участке наступления. Так тихо, что было слышно, как трещат деревья на жгучем сорокаградусном морозе.

За полдень враг дал о себе знать. Впереди, куда ушёл головной дозор сержанта *Ерёмина*, слышались выстрелы. Пули с противным свистом пролетали над нашими головами, шлёпались в деревья. Вскоре левее взвода стали с треском разрываться вражеские мины.

— Ложись! — для чего-то скомандовал я, хотя бойцы уже лежали в снегу, а сам я продолжал стоять как замороженный.

Дзот Иванова

Младший лейтенант *Саламатин* опустил бинокль и повернул голову ко мне:

— Посмотри, лейтенант, на тот бугорок. Да вот, над самым обрывом. — Вижу. Ничего особенного — бугорок как бугорок. Рядом куст, вот и намело снегу.

— Не нравится мне этот бугорок, — продолжал *Саламатин*, — там может быть вражеский пулемёт.

Стемнело. В разведку пошли воины третьего отделения моего взвода. Их было десять человек. Отделением командовал тридцатилетний сибиряк *Егор Емельянович Пистунович*. Егор Емельянович был высокого роста, мужественный человек, отважный и требовательный младший командир. Ещё в Минусинске *Пистунович* показал себя с хорошей стороны. В это отделение я направил сибиряка *Д. Ф. Иванова*, бывшего охотника и отличного лыжника. Я надеялся,

что именно отделение младшего сержанта *Пистуновича* выполнит боевую задачу — проведёт разведку западного берега реки.

Под покровом ночи разведчики в белых маскировочных халатах незаметно спустились с обрыва на лёд Волхова. Вот и противоположный берег. Разведчики притаились под обрывом. Стали прислушиваться. Немцы где-то рядом.

Младший сержант *Пистунович* подаёт знак рукой, и его заместитель сибиряк *Иванюков* ползёт вперёд.

Тревожные минуты ожидания. Одна минута, вторая... Кажется, что проходит вечность. Но вот, наконец, с бугра скатывается *Иванюков*. — Немцы рядом, — говорит он шёпотом, — здесь наверху их дзот, в двадцати метрах.

— Приготовить гранаты! — приказывает *Пистунович*. — За мной, вперёд!

Мощный взрыв гранаты сотрясает ночной воздух. *Иванюков* первым вскакивает во вражескую траншею. Он бросает гранату в тёмный проём дзота и падает на дно траншеи. Снова взрыв. Затем *Иванюков* бросается внутрь вражеского блиндажа. За ним последовал *Пистунович* и зажёл спичку. На полу четверо вражеских солдат. Один из них ещё живой и стонет.

Пистунович приказывает немедленно отправить раненого фашиста в тыл, а остальным разведчикам занять позиции во вражеской траншее и подготовиться к бою.

На переднем крае обороны врага поднялась страшная суматоха. Фашисты открыли огонь из всех видов оружия. Снаряды и мины проносились над головой и разрывались за рекой — там, где остановился наш батальон.

Постепенно разведчики привыкли к этой жуткой ночной какофонии. Осмотрелись, поудобней устроились в отбитой у немцев траншее. Готовились к отражению вражеской атаки.

Я подал команду, и взвод ударил по врагу, прикрывая наших разведчиков, которые проникли в траншею врага. Вскоре вступили в действие наша артиллерия и миномёты.

Вот здесь, этой ночью, сибиряки 1256-го стрелкового полка впервые узнали, что такое наши «Катюши». Там, где засели враги, всё клокотало и горело. После трёх могучих залпов «Катюш» фашисты прекратили огонь, и постепенно всё стихло. Снова установилась грозная фронтовая тишина.

Под прикрытием артогня наш взвод перебрался на западный берег Волхова и занял небольшой плацдарм. До утра захваченный дзот был переоборудован, и мы установили там два пулемёта. Кусочек родной земли, отвоеванный у немцев, был назван *Иванюковским*. На штабных картах появилось обозначение и надпись: «Дзот *Иванюкова*». Это боевые друзья *Д. Ф. Иванюкова*, *Е. Е. Пистунович*, *В. С. Бояришин*, *А. С. Волков*, *П. Ф. Черкашин*, *М. Н. Тарасенко*, *С. М. Попов*, *Д. Е. Семёнов*,

Е. С. Сеницын и *И. Н. Соколов*, которые вместе с ним ходили в разведку, в честь того, что *Иванов* первым ворвался во вражеский дзот, назвали эту точку его именем.

ОТ АВТОРА

Лейтенант Пётр Степанович Ткачук, как и многие офицеры 378-й дивизии, был выпускником Киевского военного пехотного училища имени Рабочих Красного Замоскворечья. В первые дни войны курсанты училища участвовали в обороне Киева. В июле-августе 1941 года училище было эвакуировано в Ачинск (за годы войны в училище было подготовлено 4258 командиров). В январе 1942 года Ткачук был тяжело ранен. После лечения в госпитале на Урале его направили в другую воинскую часть под Сталинград. В мирное время работал учителем в городе Литин Винницкой области.

В «КОТЛЕ»

Перед 378-й дивизией вместе с другими соединениями 59-й армии была поставлена задача: прорвать оборону немцев на участке Водосье — Предтеча, обойти Чудово с северо-запада и овладеть им.

Небольшой городок Чудово — это прежде всего важная узловая станция железнодорожной ветки Новгород — Ленинград, проложенной вдоль реки Волхов. Расположен он в семидесяти пяти километрах от Новгорода, оккупированного немцами уже в августе 1941 года. Линия фронта протянулась вдоль всей железнодорожной ветки Новгород — Чудово. Железнодорожная насыпь была использована ими как оборонительное сооружение. Если бы нашим войскам удалось отбить Чудово, это означало бы прорыв блокады Ленинграда. Вот почему за Чудово так яростно сражались наши части. Дважды в январе 1942 года соединения 59-й армии предпринимали наступление на хорошо укрепленные позиции немцев. Наступавшим приходилось идти в атаку по открытой местности. Они были словно на ладони перед немцами, стрелявшими в них, как в мишени. Полки несли страшные потери, но прорвать линию обороны врага не могли.

Пробить брешь в обороне противника удалось 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта *Н. К. Клыкова*. Соединения этой армии, усиленные 374-й и 382-й красноярскими дивизиями, сумели захватить хорошо укрепленный опорный пункт — село Мясной Бор — и продвинуться в глубь позиций врага. Немецкая армия остановила продвижение 2-й ударной армии и вклинилась между ней и 59-й армией. «Котёл» окружения мог вот-вот захлопнуться.

Спасти ситуацию поручили генерал-лейтенанту *А. А. Власову*, который прекрасно зарекомендовал себя при защите Москвы, за что и был награжден орденом Красного Знамени. Сталин безоговорочно доверял ему. Срочно готовилась к изданию книга о Власове под

названием «Сталинский полководец». Власова направили на Волховский фронт «для применения опыта московской Победы». В историю он вошёл как генерал, предавший своих солдат, предавший Родину.

ПРОБИВАЯ «КОРИДОР»

Из воспоминаний командира 1256-го полка Г. П. Дерзского

25 января противник севернее Спасской Полисти нанёс контрудар по правому флангу 2-й ударной армии, стремясь выйти на переправу через реку Волхов в районе Селищенского посёлка. 1256-му полку была поставлена задача: с ходу, контратакой, выбить врага, вклинившегося в нашу оборону, и восстановить положение.

После залпа дивизиона гвардейских миномётов («Катюш») командиры батальонов старшие лейтенанты *Топильский* и *Кротенко* повели батальоны в атаку. В лесу завязалась кровопролитная рукопашная схватка. У меня не было резервов, чтобы помочь батальонам. И я был вынужден направить взвод пешей разведки во главе с лейтенантом *Савиным*, чтобы ударить в тыл противника. Это и решило исход боя. Противник отступил, потеряв около 200 солдат и офицеров. Полк вышел на линию шоссейной дороги Освинец — Спасская Полисть. Положение было восстановлено. Полк захватил 12 пулемётов, 118 автоматов, 60 винтовок противника, уничтожил 3 танка. Нами были захвачены в плен офицер и 8 солдат 251-й пехотной дивизии.

Но и наш полк понёс большие потери. Были убиты командиры батальонов старшие лейтенанты *Топильский* и *Кротенко*, тяжело ранен и потом скончался от ран лейтенант *Савинов*.

Части дивизии в составе 1254-го и 1258-го стрелковых полков, прикрывая фланги 2-й ударной армии, повели наступление с юга в направлении Чудово с целью отрезать немецкую группировку западнее Спасской Полисти и в районе Опочивалово. 1256-й полк был оставлен в резерве фронта, выведен в лес восточнее Спасской Полисти и стал получать пополнение из сибирских маршевых рот, а также за счёт раненых сержантов и офицеров, поступивших после излечения.

19 марта гитлеровцы после сильной артиллерийской и авиационной подготовки мощным ударом танков и пехоты прорвали брешь на участке 374-й стрелковой дивизии и закрыли горловину в районе Мясного Бора, перерезав тем самым все пути снабжения 2-й ударной армии. Оказались в окружении 1254-й и 1258-й полки и части усиления вместе со штабом 378-й дивизии.

1256-й полк в это время ещё не закончил получать пополнение. Из штаба фронта через начальника штаба 59-й армии полковника *Пярна* я получил приказ отобрать 300 человек из нашего полка, сформировать стрелковый отряд и не допустить выхода противника из Мясного Бора на шоссейную дорогу Мясной Бор — Спасская Полисть, затем после подхода других частей уничтожить противника и открыть путь для снабжения частей 2-й ударной армии. Стрелковый отряд поручалось

возглавить мне, оставив комиссара полка *Сальникова* на месте для продолжения формирования полка.

300 воинов, вооружённые автоматами, двенадцатью ручными пулемётами и двумя противотанковыми ружьями, двинулись навстречу прорвавшемуся противнику. Завязался встречный бой с частями противника дивизии СС «Полицай». Наша атака была такой неожиданной для врага и насыщена столь сильным пулемётным и автоматным огнём, что немцы растерялись. Стали отступать, оставляя раненых. Мы продвинулись на полтора километра, но горловину не открыли. Противник потерял около 400 солдат и офицеров.

На поле боя было подобрано 18 раненых немецких солдат, которым, как и нашим раненым, оказала помощь санинструктор — сибирячка *Зина Миронова*.

К вечеру нам на помощь подошёл ещё один стрелковый отряд в составе 200 человек под командованием майора *Грибова*. Командир 372-й стрелковой дивизии полковник *Сорокин* каждому поставил задачу оказать помощь стрелковому отряду 1256-го полка и совместно разгромить вклинившегося противника, освободив коммуникации 2-й ударной армии. Мне в подкрепление прислали роту автоматчиков и две 76-миллиметровые пушки.

Немцы после сильной артиллерийской и авиационной подготовки при поддержке 18 танков пошли в наступление. На огневые позиции, которые занимал с двумя противотанковыми ружьями (ПТР) сержант *Нарейко*, двинулось 4 танка. Оба ружья выстрелили одновременно, и один танк загорелся. Но остальные продолжали движение. Из глубины нашей обороны ударило орудие, присланное командиром 372-й дивизии. И ещё один танк окутался дымом. Когда за подбитым танком показался третий, его из ПТР подбил солдат *Демичев П. И.* Четвёртый и пятый танки подбил сержант *Нарейко Иван* — командир отделения ПТР. Автоматчики политрука *Зорина А. Г.* и пулемётчики лейтенанта *Овчинникова Ю. Н.* массированным огнём отрезали пехоту от танков, прижав её к земле.

Потеряв пять танков, противник начал пятиться. Но это был только манёвр. Перегруппировав силы, немцы с остальными танками начали обходить наш отряд с левого фланга. Но на этом направлении мы сумели выдвинуть два орудия. Завязалась дуэль наших артиллеристов с танковым противником. Бесстрашные артиллеристы 372-й дивизии (к сожалению, не помню их фамилий) подбили ещё 4 танка. Но было разбито одно орудие, и погиб весь его расчёт. Остались в живых только два человека из расчёта второго орудия. Но они продолжали вести бой с танками.

Политрук *Зорин А. Г.* со взводом автоматчиков переместился на левый фланг. Связкой гранат он лично подбил один танк. Автоматчики начали отрезать пехоту от танков. Немцы стали отходить на исходные позиции.

К утру 26 марта к нам подошли танки 7-й гвардейской танковой бригады, и после мощного залпа гвардейских миномётов наши два стрелковых отряда и стрелковый полк 372-й дивизии, который занял позиции справа, перешли в наступление. Нам удалось выбить части СС «Полицай» и открыть дорогу для частей 2-й ударной армии, а также и для нашей 378-й дивизии.

В этом бою мы тоже понесли серьёзные потери. Был тяжело ранен политрук *Зорин А. Г.*, был ранен и я. О действиях стрелковых отрядов капитана *Дерзского* и майора *Грибова* писала газета Волховского фронта «Фронтовая правда» за 23 марта 1942 года.

Многие офицеры и солдаты стрелкового отряда 1256-го полка получили правительственные награды. Сержант *Нарейко* был награждён орденом Ленина, я получил орден Красного Знамени. После боя все оставшиеся в живых вернулись в свой родной 1256-й полк. Я же после излечения был назначен командиром 1246-го стрелкового полка 374-й стрелковой дивизии, с которой пришлось пробивать «коридор» у Мясного Бора и выпускать из окружения части 2-й ударной армии в июне 1942 года. Через наши боевые порядки прошло 16 тысяч человек (штабом 374-й дивизии вёлся учёт).

ОТ АВТОРА

Санинструктор Зинаида Ивановна Миронова уцелела в тех боях, после войны проживала в Красноярске; Павел Иванович Демичев — в Кемеровской области; пулемётчик Юрий Николаевич Овчинников — в Новгороде. Все они вошли в список ветеранов 378-й дивизии, приглашённых на встречу, состоявшуюся в Минусинске в начале ноября 1981 года.

ЖЕРТВА ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

«Многим известна история 1254-го полка. Ради спасения основных сил дивизий, попавших в окружение, полк пошёл на самопожертвование. В полку пали все до одного». Так написано во втором томе Книги памяти Красноярского края.

Что же произошло с нашим, минусинским, полком?

Прочтём отрывки из дневника полкового топографа *Павла Николаевича Шейнова*. В составе 1254-го полка он сражался с декабря 1941 года по март 1945-го — практически всю войну. По непостижимым законам чуда записки полкового топографа сохранились.

«6-го января 1942 г. полк пошёл в наступление. Это были первые бои полка. 18 дней полк бился под Водосье, преодолевая упорное сопротивление противника. Несмотря на храбрость и мужество наших бойцов, главная задача не была выполнена. Смертью храбрых пал в этих боях командир 1-го стрелкового батальона капитан *Головин*. Он неоднократно поднимал свой батальон в атаку, личным примером увлекал бойцов на штурм укреплений противника.

Водосье — это суровый опыт боёв, в котором закалялся 1254-й полк в борьбе с врагом.

23 января 1942 г. Военный совет 59-й армии приказал сдать участок фронта и перейти в новый район боевых действий. К вечеру этого дня части 378-й дивизии сосредоточились в районе деревни Погорелое. Предстояло сделать переход 70 км. Сосредотачивались в районе Александровская колония. Полк начал готовиться к новому наступлению.

1.2.1942 г. дивизии была поставлена задача уничтожить противника в районе деревни Остров. В ночь с 1 на 2 февраля полк пошёл в атаку в районе роши „Сапожок“ и очистил её.

11.2 полк занял д. Остров. Противник перешёл в контратаку, в результате чего наши подразделения отошли назад.

До 21.2 полк занимал оборону на участке Остров — Спасская Полисть.

После этого полк выбил немцев из укреплений в лесу, а затем занял дорогу Глушица — Северная крепость.

19.3 противник вышел на нас около Мясного Бора и занял нашу коммуникацию.

31.3 — противник вышел на колонный путь в районе дороги Сенная Корость — Глушица.

Части нашей дивизии оказались в окружении. Выйдя из окружения, полк занял оборону в районе Ольховки.

15.5 — оборону сдали 267-й стрелковой дивизии.

Полк пошёл по маршруту: Новая Корость — Мясной Бор — Костылёво — Лесной Бор. Здесь полк приступил к боевой учёбе.

3 октября противник силою до полка атаковал наши позиции в районе Спасская Полисть. Ценою больших потерь прорвал нашу оборону, заняв при этом 7 огневых точек.

Третий стрелковый батальон под командованием ст. лейтенанта *Архипова* перешёл в контрнаступление и в трёхдневных боях восстановил положение, отбросив противника на исходный рубеж. На поле боя осталось около 700 трупов немецких солдат и офицеров, разбито дзотов и блиндажей — 49, уничтожено батарей — 38, пулёмётных точек — 23, складов — 6.

11.10.42 г. — на должность командира полка назначен капитан *Андросов* (начальник 1-го отдела дивизии)».

Сколько воинов полка выжило в тех страшных кровопролитных боях? Неизвестно. Кто-то из бойцов сумел сохранить и вынести из окружения святыню — знамя полка. Сохранился боевой дух полка. После пополнения свежими силами 1254-й полк в составе 378-й дивизии участвовал в сражении под Карбуселью.

В БОЯХ ЗА КАРБУСЕЛЬ

Карбусель. На современных картах нет населённого пункта с таким названием. До войны это было небольшое село, получившее своё

название от речки Карбусельки. А в годы войны село Карбусель, расположенное недалеко от железнодорожной станции Мга, стало хорошо укреплённым узлом обороны немецких войск. Важный стратегически пункт: овладеть им означало обеспечить бесперебойную доставку продуктов по железной дороге в блокадный Ленинград, где люди умирали от голода.

По данным разведки стало известно, что немцы готовятся к наступлению — стягивают войска и технику в районе Мги и Карбусели. Командование советских войск приняло решение нанести упреждающий удар. Для этого усиливались части 52-й и 8-й армий Ленинградского фронта, которым предстояло идти в наступление. В подчинение 8-й армии были переданы 378-я и 374-я дивизии 59-й армии — обе были сформированы в Красноярском крае.

Пешим маршем, скрытно, по ночам, 378-я дивизия двигалась к месту предстоящих боёв, преодолев в суровых зимних условиях 400 (!) километров. Вот в это время и прибыли в расположение дивизии командующий 8-й армией Ленинградского фронта генерал-лейтенант *Филипп Никанорович Стариков* и маршал *Климент Ефремович Ворошилов*. Шла проверка боевой готовности дивизии, которой предстояло сражаться в первом эшелоне наступления. Наступать пришлось по открытой болотистой местности, где увязали даже танки. Какими страшными были те бои! Какими отважными, неустрашимыми были наши бойцы! Стрелковым дивизиям при поддержке танковых полков удалось прорвать оборону немцев на участке Вороново — Лодва и продвинуться вперёд на пять километров.

ДИВИЗИЯ СТАЛА КРАСНОЗНАМЁННОЙ

Воспоминания бывшего командира 378-й дивизии генерал-лейтенанта А. Р. Белова и подполковника В. К. Сергеева (архив Ачинского музея)

Подразделения 1254-го и 1256-го стрелковых полков заняли первую линию обороны с малыми потерями. 1258-й полк был во втором эшелоне обороны.

На третий день был занят сильно укреплённый узел обороны — с. Карбусель. В бою отличились артиллеристы 1256-го полка капитан *Кушнарёв* и 1254-го полка капитан *Ушев*.

Первыми в траншеи противника ворвались бойцы батальона старшего лейтенанта *Влоева*. Бойцы этого батальона в течение двух дней вклинились в оборону противника до четырёх километров. Чудеса мужества, отваги и смекалки проявили воины-сибиряки в этих боях.

Особо отличились батальоны 1254-го стрелкового полка майора *Зайцева* и капитана *Боева*, 1256-го полка — майора *Митрошина*, 1258-го полка — старшего лейтенанта *Тимофеева*, а из стрелковых рот — роты старших лейтенантов *Микишина* и *Минчука*.

Была разгромлена пехотная дивизия врага, имеющая большой опыт оборонительных боёв. Выведено из боя 2000 солдат и офицеров противника, 62 взято в плен, захвачено много трофеев. Память о Синявинских и Гороховых болотах навечно в памяти бойцов Волховского и Ленинградского фронтов.

Эта операция имела большое значение в обороне Ленинграда. За успешные боевые действия на Карбусельском направлении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1943 года 378-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почётное право носить наименование Краснознамённая.

Десятого апреля 1943 года дивизия была выведена в резерв фронта в район села Большая Влоя. Здесь 20 мая 1943 года член Военного совета фронта генерал-майор *Штыков* вручил сибирякам заслуженную награду — орден Красного Знамени. В этот же день правительственные награды получили и воины дивизии — всего 729 человек. Ордена Красной Звезды удостоены 49 воинов, ордена Красного Знамени — 2, ордена Отечественной войны I степени — 1, медали «За отвагу» — 392, медали «За боевые заслуги» — 285.

ОТ АВТОРА

Это событие было заснято военными операторами А. Богоровым, А. Лебедевым, Г. Симоновым. Кадры, снятые ими, вошли в документальный фильм «378-я Краснознамённая».

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ

В местах тех боёв каждый год работают поисковые экспедиции. И ежегодно открывают всё новые и новые страницы истории того сражения. Страшные страницы. Поисковики находят заполненные водой воронки, по краю которых лежат останки бойцов — они до последней минуты вели круговую оборону. Встречаются останки солдат, раскиданных в разные стороны разрывом снаряда. Много лет они лежали здесь, так и не преданные земле. Вот эта настоящая, не «киношная» правда о войне заставляла и заставляет поисковиков вновь и вновь возвращаться в места давно отгремевших боёв. Они отдают долг памяти воинам, погибшим на той войне.

Поисковики собирают останки бойцов и хоронят их с воинскими почестями в братских могилах. Имена большинства воинов так и остаются неизвестными — редко удаётся установить личность погибших. Сколько их, уроженцев Минусинска и юга Красноярского края, лежат в той земле — это мы не узнаем, наверное, никогда.

Преклоняясь перед подвигом бойцов сибирских дивизий, поисковики установили часовню «Переяславльскую» на месте сожжённой деревни Карбусель.

ЯНВАРСКИЙ ГРОМ

*...Дело знатное свершили,
Победители-бойцы,
Новгород освободили,
Где святой Руси служили
Наших прадедов отцы.*

*Анатолий Чивилихин, военный корреспондент
газеты 59-й армии «На разгром врага»*

Великий Новгород. Восемьсот восемьдесят три дня длилась оккупация этого древнего русского города. За это время немцы создали под Новгородом двойную линию хорошо укрепленной обороны, строить которую заставляли военнопленных и мирных жителей города и окрестных сёл. Первая линия шла по берегу Волхова. Здесь таились хорошо замаскированные дзоты, между которыми были минные поля. Три ряда колючей проволоки. Вторая линия обороны — от станции Подберезье — надёжно защищала Новгород с севера. Она была ещё внушительней — минные поля, бетонные доты, батареи крупной артиллерии. Немцы были уверены, что благодаря этим защитным линиям Новгород стал неприступен — ни при каких условиях, никакими силами невозможно будет его взять.

Однако скрытно подготовленное, хорошо организованное наступление советских войск, начавшееся 14 января 1944 года соединениями Ленинградского и Волховского фронтов, стало для гитлеровцев не только внезапным, но и сокрушительным.

ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ

*Воспоминания Н. П. Чернышёва, заместителя редактора
газеты 378-й дивизии «Сталинский удар»*

... Ноябрьская тёмная ночь. В небольшой землянке командир давал последние указания разведчикам. В группе, отправляющейся за «языком», были сержант *Дмитрий Расторгуев*, старший сержант *Пётр Овечкин* и другие. Неожиданно в землянку вошёл сапёр старшина *Михаил Чмыхов*.

— Разрешите участвовать в наступлении, — обратился он к командиру сапёрного батальона *Гарбузу*.

Утром *Чмыхов* получил письмо от сестры из Брянской области, которая сообщала, что фашисты зверски замучили его жену, поэтому командир колебался, выдержат ли нервы у солдата.

Как бы угадывая мысли командира, *Чмыхов* сказал:

— Нервы не подведут, только злости прибавилось.

Чмыхову разрешили. Вместе с *Овечкиным*, слышшим в сапёрном батальоне самым искусным минопроходцем, они поползли проделать проход в минном поле и проволочном заграждении. За ними ползли разведчики.

Проход был сделан бесшумно. *Расторгуев*, а с ним *Чмыхов* поползли к траншее. Михаил прыгнул на часового и одним ударом кинжала уложил его на дно окопа. Ловкий и сильный *Расторгуев* в этот же миг схватил немца, стоявшего у ручного пулемёта. Сунув ему в рот кляп, разведчики быстро утащили «языка».

Немцы спохватились, когда наши были уже в своих окопах. Со всех сторон застрочили вражеские пулемёты, завизжали мины, но было поздно.

Таких вылазок делалось немало. Но и враг не дремал. Фашисты тоже охотились за нашими воинами. А в ночь с 11 на 12 декабря немцы предприняли разведку боем против полка, занимающего оборону на левом берегу в районе Теремца.

Около 11 часов вечера на наши позиции обрушился шквал артиллерийского и миномётного огня. Вслед за короткой артподготовкой двинулись цепи фашистов. Но наши воины не дрогнули. Храбро дрались солдаты и офицеры, и гитлеровцы получили сокрушительный отпор. Особенно отличились сержанты *Бутусов* и *Костяной*, медсестра *Соня Рубаненко* и другие.

Все с нетерпением ждали наступления, чтобы скорее вызволить из фашистского плена Великий Новгород. Этот день настал.

14 января 1944 года рано утром на разные голоса заговорили пушки и миномёты. Прославленные «Катюши» неистово метали огненные стрелы в сторону врага. Всё слилось в сплошной гул. Солдаты поняли: началось! Они курили и ждали сигнала атаки.

В боях за Новгород воины 378-й дивизии показывали беспримерный героизм. Об этом сообщала в те дни наша «дивизионка». Я смотрю на пожелтевшие станицы газеты, и мне кажется, что военкоры заговорили живым голосом.

Сержант *Олег Калинин* рассказывает: «На одном участке фашисты пошли в контрнаступление, чтобы преградить путь наступающим. Комсорг *Василий Тепляков* быстро оценил обстановку и, увлекая за собой бойцов, ринулся навстречу немцам. Внезапный удар вызвал замешательство среди гитлеровцев. Они дрогнули, а тут подоспели наши танки».

ОТ АВТОРА

Название «Сталинский удар» дивизионной газете дали не случайно. Советским командованием был разработан особый план военных операций — «Путь к Победе. 10 сталинских ударов». Первым ударом стала Новгородско-Лужская операция, целью которой был прорыв блокады Ленинграда. Операция имела ещё одно название — «Январский гром». В ней значительная роль отводилась соединениям 59-й армии. По плану последним, десятым, сталинским ударом Красной армии должно было стать взятие Берлина.

ХРОНИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ НОВГОРОДА

Из книги К. Ф. Калашникова «Право вести за собой»

14 января. Под шорох летящих снарядов своей артиллерии бойцы побежали по льду реки. Некоторые несли доски, шесты — на случай, если придётся преодолевать полыньи. Вместе со стрелками двигались полковые артиллеристы. Пушки тянули вручную, чтобы можно было в любой момент открыть огонь, снаряды также несли на себе. Реку преодолели быстро, без стрельбы, а вот когда уже были на немецких позициях, артиллеристам пришлось вступить в бой. Стреляли с открытого места: пушку в траншею не спрячешь.

Быстрее всех развернулся расчёт коммуниста сержанта *Ильи Латышева*. Прямой наводкой он уничтожил три вражеских пулемёта, заставил замолчать дзот — вогнал снаряд прямо в амбразуру.

Воспоминания командира 378-й дивизии генерал-майора А. Р. Белова

С рассветом 15 января после артподготовки наступление возобновилось. Но когда подошли к реке Питьба, противник открыл сильный пулемётный и артиллерийский огонь, и части дивизии вынуждены были залечь. Здесь находился мощный узел сопротивления врага — Подберезье, расположенный между Волховским и Замошским болотами и защищавший с севера дальние подступы к Новгороду. Понимая значение Подберезья, вражеское командование лихорадочно стягивало сюда ближайшие резервы. Оно стремилось во что бы то ни стало удержать этот важный узел дорог, через который шло снабжение всей новгородской группировки.

Бои были жестокими. Из-за плохой погоды авиация не могла действовать. Подойдя к западной опушке леса, части 378-й, поддерживаемые танками, устремились в атаку. Но она захлебнулась — сосредоточенный огонь противника выводил из строя живую силу и технику. Тогда я приказал огнём танков с места и орудий прямой наводкой разрушить огневые точки, а штурмовым группам овладеть позициями врага.

16 января части дивизии, освободив Молдавское и Сараево, завязали бой за Подберезье. Он продолжался всю ночь. Батальон майора *Зайцева* из 1254-го стрелкового полка овладел станцией Подберезье. К утру железнодорожная станция Подберезье была полностью очищена от гитлеровцев.

Во второй половине дня 18 января передовые отряды 1256-го и 1258-го стрелковых полков на лыжах подошли к хорошо организованной обороне противника, тянувшейся вдоль железнодорожного полотна. Попытка прорвать её с ходу успеха не имела. Только на второй день 1254-му стрелковому полку под командованием подполковника *Андросова* при поддержке 15 танков удалось сломить оборону немцев со стороны разъезда Вяжицы и вклиниться в неё. Для прикрытия

флангов был оставлен 1258-й стрелковый полк, а два других продолжали наступать в направлении Новая Мельница — Новгород — Шимск.

С наступлением темноты 19 января дивизия подошла к Новгороду с северо-западной окраины. Всю ночь шли упорные бои на окраинах города. С северной стороны к городу пробивался 1258-й стрелковый полк под командованием полковника *Швагирева*. С западной стороны, овладев Новой Мельницей, наступал 1254-й полк подполковника *Андросова*.

Завязались уличные бои. Первыми достигли постамента памятника В. И. Ленину у стены Новгородского кремля старший сержант *Иван Калачёв*, сержант *Михаил Карпушев* и красноармеец *Григорий Скуратов*. Это были связисты, они передали в эфир долгожданную радостную весть: «Новгород — наш!»

20 января. Ст. лейтенант, заместитель командира батальона по политчасти *Михаил Бакунин* в самый критический момент возглавил атаку батальона. Когда под сильным огнём пехота приостановила своё движение и залегла, *Бакунин* и парторг батальона ст. лейтенант *Иван Дудин* с криком: «Коммунисты, комсомольцы, вперёд!» — вновь подняли бойцов. Ворвались во вторую траншею противника. *Бакунин* был ранен, но продолжал вести за собой воинов. Вторая пуля сразила героя. Его место занял парторг *Дудин*. В результате проявленного мужества полк своевременно выполнил свою задачу — захватил вторые траншеи врага и продвинулся на один километр.

Рядовой комсомолец *Баранов* в боях за Григорово возглавил атаку группы автоматчиков и первым ворвался в населённый пункт. Уничтожил пулемётный расчёт и убил двух фашистов. Другой солдат, *Анатолий Жарков*, меткими выстрелами уничтожил на колокольне церкви двух «кукушек» и взял в плен автоматчика.

В 8 часов утра *Швагирев* доложил, что его полк вместе с танкистами 50-го гвардейского танкового полка прорвал оборону фашистов и ворвался в город. Командир 1256-го стрелкового полка подполковник *Черников* доложил, что он организует преследование отходящего в спешке на запад противника.

ОТ АВТОРА

27 июня 2020 года в Подберезье, на том месте, откуда в январе 1944 года началось наступление 59-й армии и освобождение Новгорода от немецко-фашистских захватчиков, установлены памятная стела и танк на постаменте.

СПАСЁННАЯ СТАРИНА

Из статьи А. П. Драгунова «Славная Сибирская»

Ещё ночью бойцы майора *Веретенникова* слышали пять последовательных взрывов. Это гитлеровцы, оставляя город, взорвали

мост через Волхов. Из 2345 домов оставалось только сорок, чудом сохранившихся и полуразрушенных. На площади у кремля валялись распиленные детали памятника «Тысячелетие России», а в Грановитой палате шипели бикфордовы шнуры, подбираясь к заложенным зарядам. Боец *Помилуйко* обрубил горящие шнуры и спас от взрыва Новгородский кремль — замечательный памятник древнего зодчества.

В 11 часов 25 минут над центром Новгорода взвилось Красное Знамя победы, водружённое офицерами дивизии *А. П. Швагиревым* и *А. П. Николаевым*. А в 21 час страна слушала салют Москвы в честь воинов Волховского фронта, освободивших Новгород.

ОТ АВТОРА

Знамя 1258-го полка 378-й дивизии, поднятое над освобождённым городом, ныне хранится в Зале воинской славы Великого Новгорода. Полковник Александр Петрович Швагирев погиб в августе 1944 года в Латвии.

ИЗ ПРИКАЗА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И. В. СТАЛИНА

«Войска Волховского фронта, перейдя в наступление на Новгородском направлении, форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень и, прорвав сильно укреплённую долговременную оборону немцев, сегодня, 20 января, в результате умелого обходного манёвра штурмом овладели важным хозяйственно-политическим центром страны — городом Новгород — крупным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся в боях соединениям и частям присвоить наименование „Новгородские“ и представить их к награждению орденами».

Этой чести была удостоена и 378-я стрелковая дивизия, в составе которой были два полка, сформировавшихся в Минусинске.

За мужество и героизм бойцов и офицеров, проявленные в боях за освобождение Прибалтики, 1254-й и 1258-й стрелковые полки были награждены орденом Александра Невского, 1256-й — орденом Отечественной войны.

ПОМНЯТ И ЧТЯТ

В 1965 году в честь 20-летия Победы в Новгороде был открыт мемориал «Вечный огонь славы». Там высечены слова: «*Основа жизни — мужество народа, и в подвигах бессмертие его*».

Каждый год 20 января новгородцы празднуют День освобождения города от фашистских захватчиков. Они несут цветы к монументу Победы, который увековечил подвиг советских воинов. Это не только мемориал, но и братская могила, в которой похоронены воины, сражавшиеся за освобождение Новгорода. На мемориальных плитах

высечены названия воинских частей, освобождавших город. Среди них и наша — 378-я стрелковая Новгородская Краснознамённая дивизия.

Знамя дивизии, вручённое воинам в Ачинске перед отправкой на фронт, хранится в музее Воинской славы, созданном в Новгороде.

Командир дивизии генерал-майор в отставке *А. Р. Белов* является почётным гражданином Новгорода, его именем названа улица города.

В 2015 году в Новгороде на пересечении улиц Коровникова и Корсунова был установлен памятник командующему 59-й армией генерал-лейтенанту *Ивану Терентьевичу Коровникову*.

У посёлка Грузино установлен обелиск на братской могиле, в которой похоронены бойцы 1254-го полка.

В новгородской школе №14 создан музей боевой славы имени 378-й стрелковой Новгородской Краснознамённой дивизии. Школьники держали тесную связь с советом ветеранов дивизии, переписывались с фронтовиками, проводили встречи с ними в школе. В музее хранятся картотека личного состава дивизии, карта её боевого пути, воспоминания фронтовиков, документы и фотографии, переданные в музей ветеранами. Здесь же — материалы поисковых экспедиций, которые проходили в местах, где воевали подразделения дивизии. В 2016 году по итогам краевого фестиваля школьных музеев школа завоевала почётное право получить на хранение дубликат знамени 378-й дивизии.

В школе №511 Южного административного округа Москвы также много лет действует музей боевой славы 378-й стрелковой дивизии. Создан был по инициативе и при активном участии учительницы *Веры Прокофьевны Морозовой*. Ребята ездили в экспедиции в Новгородскую и Ленинградскую области.

Есть такой музей и в московской гимназии №1579.

А ЧТО НА РОДИНЕ?

Много лет в школе №8 Ачинска работает Народный музей боевой славы земляков. Возник он благодаря активной работе ребят из школьного поискового клуба «Факел», которым больше тридцати семи лет руководила учитель географии *Светлана Михайловна Быкова*. В музее собраны материалы по истории 91-й Краснознамённой и 378-й Новгородской Краснознамённой дивизий, сформировавшихся в годы войны в Ачинске. Красные следопыты собрали настолько богатый материал об этих дивизиях, что даже после передачи части его в фонд городского краеведческого музея школьный музей по-прежнему остаётся одним из лучших в крае.

Красные следопыты города Зеленогорска вели поиск ветеранов 378-й Новгородской Краснознамённой дивизии. Они организовывали встречи в клубе «Дорогой героев — дорогой отцов», составили базу данных на двести семь ветеранов. Материалы, собранные когда-то школьниками, положили начало действующему сегодня городскому музею Боевой славы.

В Минусинске тоже были прекрасные школьные музеи боевой славы. В 1985 году, когда страна готовилась отметить 40-летие Победы, проходил городской смотр школьных музеев. Об итогах этого конкурса рассказывалось в газете «Искра Ильича»:

«Комиссия отметила большую работу по оформлению музея в школе №9. Здесь внимание посетителей привлекает макет командного пункта в натуральную величину. Внутри расположены подлинные документы и вещи фронтовиков, переданные ребятам ветеранами Великой Отечественной войны.

Успешно ведётся поисковая работа и ребятами школы №3. Ими собраны уникальные реликвии фронтовой поры: орудийные гильзы, пулёмётные ленты, а также письма и фотографии нашего земляка — единственного в Красноярском крае дважды Героя Советского Союза *Степана Ивановича Кртова*.

Красный бархат витрин, красная ковровая дорожка, ведущая к витринам, где лежат боевые награды, военные билеты и письма с фронта — таково оформление музея школы №2».

Лучшим был признан музей школы №9, работу над которым возглавил преподаватель математики и информатики *Геннадий Васильевич Анисимов* — человек, как говорилось в газете, инициативный и увлечённый. Открытие этого музея стало большим торжественным событием, в котором приняли участие почётные гости — участники Великой Отечественной войны, дети фронтовиков. *Клавдия Павловна Гридасова*, дочь старшины второго батальона 1256-го полка 378-й дивизии *Павла Ильича Горина*, который числился пропавшим без вести, много лет вела переписку с воинами дивизии в поисках свидетелей гибели её отца. Она пополнила фонд школьного музея ценными документами и фотографиями, передала также список ветеранов дивизии. Музей считался одним из лучших в крае — школа получила почётное право принять на хранение дубликат боевого знамени 378-й дивизии.

ЗАБВЕНЬЕ

Так получилось, что в Минусинске работа школьных поисковых отрядов, создававших музеи боевой славы наших земляков, не получила логического продолжения на муниципальном уровне. Взрослые не осознали необходимости отметить памятным знаком, пусть даже очень скромным, сам факт формирования в городе полков. Не были взяты под опеку ценные фонды школьных музеев, как это сделали в Ачинске и Зеленогорске. В лихие девяностые «распалась связь времён»: школьные музеи боевой славы вдруг оказались ненужными, лишними. От них незаметно, без шума избавились.

Сегодня их пытаются восстанавливать. Но сделать это трудно, почти невозможно. Например, в школе №9 от прежней экспозиции остались только стенды с фотографиями. Куда делись награды, документы,

письма, воспоминания, переданные фронтовиками? Неизвестно... В школе №3 сохранилось ещё меньше экспонатов от прежнего музея боевой славы. Но там хоть есть этому объективная причина — школа несколько лет находилась на капитальном ремонте.

Скажите, разве это возможно — дорожить памятью о тех, о ком вы ничего не знаете? А ведь в случае с минусинскими полками получилось именно так. В Минусинске выросло несколько поколений школьников, которые даже не слышали о том, что в городе в годы войны формировались какие-то полки. Более того, нынешняя администрация города считает, что никаких полков... вовсе не было. Накануне 75-летия Победы я дважды обращалась в администрацию с письмами, где предлагала увековечить память воинов минусинских дивизий. Однако мне ответили, что «оснований для установления мемориальных досок (памятных знаков) не имеется».

МУЗЕЙ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

В школьный музей села Большая Ничка я ехала с тревожным волнением. Беспокоила мысль: а вдруг там тоже, как и в школах Минусинска, от бывших музеев боевой славы остались в лучшем случае лишь фотографии воинов, а в худшем — только воспоминания о том, что музей существовал?

У школьного музея Большой Нички — своя, особая история. Когда страна готовилась отметить 30-летие Победы, по инициативе и при деятельном участии парторга школы, фронтовика *Василия Дмитриевича Черникова* был создан клуб «Поиск». Под его руководством школьники разыскивали адреса ветеранов 1254-го и 1256-го стрелковых полков 378-й дивизии, вели переписку с ними. Фронтовики охотно откликались на письма ребят: присылали фотографии, делились воспоминаниями, сообщали адреса однополчан.

«В феврале 1975 года в школе прошла встреча ветеранов 1254-го и 1256-го полков. На неё приехали 14 фронтовиков, проживающих в нашем крае. Они провели уроки мужества, рассказали о своих ратных делах. В тот день в школе открылась комната боевой славы. Она и стала центром военно-патриотического воспитания учащихся. За пять лет поиска в списки фронтовиков было внесено более двухсот ветеранов», — так со страницы газеты «Искра Ильича» рассказывала о возникновении школьного музея боевой славы директор школы *Наталья Петровна Лазарева*.

В 1980 году группа красных следопытов из Большой Нички ездила в Новгород на слёт ветеранов 378-й дивизии. В 1981 и в 1991 году, когда ветераны дивизии собирались в Минусинске, они приезжали и в Большую Ничку: встречались с ребятами, посещали школьный музей, которым остались очень довольны. Бывший начальник штаба 378-й дивизии *Н. Н. Мусихин* направил в Минусинский райком ВЛКСМ и в Минусинский районный отдел народного образования письмо

с предложением представить отряд красных следопытов школы Б. Нички и их руководителя *В. Д. Черникова* к награждению почётной грамотой Советского комитета ветеранов войны.

Многолетняя переписка и встречи с ветеранами помогли собрать в школьном музее немало ценных экспонатов. Но сохранились ли они? Когда заместитель директора школы *Татьяна Александровна Иванова* провела меня в музей, я с облегчением вздохнула: в школе сберегли материалы, собранные красными следопытами!

Вот с фотографии на стенде смотрит на нас бывший командир взвода первого батальона 1256-го полка *Пётр Степанович Ткачук*. Это он после войны прислал в газету «Искра Ильича» свои воспоминания. С него и началась поисковая работа красных следопытов. Через *Ткачука* они вышли на бывшего начальника штаба 378-й дивизии полковника в отставке *Николая Николаевича Мусихина*. А дальше список адресатов всё пополнялся и пополнялся.

А этот снимок сделан в Минусинске в 1941 году. На нём памятная дарственная надпись: «Мой дорогой военком! Дни нашей совместной работы останутся светлой памятью в моей дальнейшей жизни и работе. Мои наилучшие для тебя пожелания. Искренне твой *И. Хозин*, г. Минусинск, 4.10.1941 г.». Дорогой военком — это *Константин Владимирович Сергеев*, первый военный комиссар 1256-го полка. Его и старшего лейтенанта *Хозина* попросил себе в помощники *Георгий Павлович Дерзкий*, когда ему было поручено формирование этого полка. Все трое — выпускники Киевского пехотного училища, эвакуированного в 1941 году в Ачинск.

Есть здесь ещё очень редкий фронтовой снимок. На нём — работники политотдела 378-й дивизии со знаменем. Снимок сделан в Берлине в 1945 году. А рядом — копия командировочного предписания старшего сержанта *Сьянова Ильи Яковлевича* от 22 февраля 1945 года. *Сьянова* направляли в Москву со знаменем Победы, водружённым над Берлином. Видимо, старшего сержанта отправляли в Москву для участия в параде Победы, который состоялся 24 июня 1945 года. Но кто водружал знамя над Берлином? Когда? Где? Какова дальнейшая судьба этого знамени? На эти вопросы у меня пока нет ответа.

В школьном музее хранятся несколько альбомов, где собраны фотографии, рассказывающие о встречах ветеранов. А вот — альбом, который я бы назвала бесценной реликвией. Почему? Там собраны материалы переписки ребят с фронтовиками. Листала этот альбом и много раз мысленно благодарила *Василия Дмитриевича Черникова*. Мудрый был человек. . . Как он организовал работу школьного клуба «Поиск»! За каждым из красных следопытов закреплялось несколько ветеранов. Ребята лично писали им — душевно и просто. На такие письма невозможно было не ответить. И фронтовики отзывались. Даже тяжелобольные, преодолевая недуги, они старались отвечать

на письма школьников. Ветераны понимали: надо рассказывать детям, чьё будущее они защищали, правду о той страшной войне.

Черников воспитал у ребят серьёзное, уважительное отношение к поисковой работе: они бережно хранили материалы переписки, аккуратно вели их учёт — всё как полагается в музее. А потом был оформлен этот альбом. На его страницах указаны имена красных следопытов и ветеранов, с которыми они вели переписку, размещены письма, фотографии, копии документов, газеты со статьями о бойцах дивизии. Получилось, что каждый из красных следопытов представлял на страницах альбома своих адресатов. *Наташа Алексеева — Григория Ивановича Черновола* из города Черкассы, *Зина Бойкова — Тимофея Яковлевича Бородина* из Воронежской области, *Ирина Ларина — Петра Семёновича* и *Валентину Павловну Толстопят* из Днепропетровска, *Елена Браун — Михаила Ефимовича Новосёлова* из Красноярска, *Светлана Шадрина — Леонтия Никифоровича Белкина* из Красноярска, *Ирина Голубева — Ивана Николаевича Соколова* из Перми.

Есть в этом альбоме адресаты и *Татьяны Александровны Иваненко*, которая сегодня руководит работой школьного музея. Это ей, тогда ученице *Тане Рузайкиной*, писали письма *Игнат Григорьевич Хвостанцев* из Черногорска, *Тимофей Алексеевич* и *Ксения Васильевна Романовы* из Ленинграда и другие ветераны дивизии.

Вот воспоминания *Игнатия Григорьевича Хвостанцева*:

«Меня взяли в миномётную батарею. До октября 1941 года был в Минусинске в этой батарее рядовым солдатом. В октябре весь полк, в том числе и нашу батарею, отправили в Ачинск. В Ачинске мы недолго были. Нашу батарею соединили с арtpолком в миномётный дивизион. Там меня поставили наводчиком миномёта. Там, в Ачинске, я был участником тактических занятий по стрельбе из коллективного орудия. Командир 378-й стрелковой дивизии признал меня лучшим наводчиком. Сказал командиру полка: „За хорошую стрельбу поставить командиром миномёта и объявить перед строем благодарность“.

...После разгрома Тихвинской группы немецких войск нас довели до Волховской ГЭС. Деревня Водосье — это первое моё боевое крещение. Потом — по Ленинградской области, очищали от гитлеровских варваров, которые сжигали дома и расстреливали мирных жителей.

Потом попали в окружение. Наша дивизия была ударной, служила для прорыва. 24 апреля 1942 года мы выходили из окружения — ночью, тихо, без потерь. Но несколько человек отстали по разным причинам. Стали выходить кто как сможет. Я в это время был ранен, меня отправили в медсанбат. Мы отстали от основных войск. Выходить пришлось с большими трудностями. Нас в группе было 17 человек. Первая наша попытка выхода не получилась. Мы пришли на неразведанную местность. Наткнулись на пулемёты и автоматчиков. Как застрочили пулемёты! Автоматчики наступают — подбежали на стоны и крики. Кто был здоров, на ногах, быстро разбежались. Подались

в глубь леса. Ходили трое суток, искали путь выхода из окружения. Всё же вышли — прошли линию фронта, вышли на свою линию обороны, нашли свою часть. Тогда я был награждён первой медалью „За отвагу“. Второй медалью был награждён за Карбусель.

После освобождения Новгорода нашу дивизию перебросили на границу с Эстонией — под Нарву. 19 марта освободили Нарву. Оттуда нас сняли под Псков, но недолго там держали. Перебросили в Белоруссию — под Витебск. Всё время на колёсах, на ногах — освобождали Новгород, Нарву, Псков, Латвию, Литву, Восточную Пруссию, Кёнигсберг (ныне Калининград). 24 апреля 1945 года нас по железной дороге увезли в Германию — на штурм Берлина».

Многие фронтовики присылали в музей сельской школы очень дорогие для них фотографии: вот групповой снимок, на котором бойцы дивизии сняты в освобождённом Новгороде, а вот — фотография, сделанная в 1941 году в освобождённой Литве.

Получилось, что школьники создали летопись дивизии, в которую вошли очень важные этапы её славного боевого пути. В том числе и те, о которых мало что известно. В альбоме есть копия письма заместителя председателя совета ветеранов 378-й дивизии *Н. Н. Мусихина* ветерану *Петру Фёдоровичу Гордееву*. Оказывается, в августе 1979 года в Латвии собирались отметить 35-летие освобождения от фашистских захватчиков городов Екабпилс и Крустпилс. *Мусихин* писал: «Предлагается пригласить на празднование ветеранов 378-й СНКД (стрелковой Новгородской Краснознамённой дивизии). Вам известно, что 378-я СНКД в освобождении города Екабпилса принимала самое активное участие. При школе №4 города Екабпилса организуют музей имени 378-й СНКД. Прошу Вас не позднее как к 1 мая 1979 года выслать своё фото и воспоминания».

В письме *Мусихина* сказано, что в школе №4 Екабпилса действовал отряд красных следопытов. Полагаю, этого музея уже нет. В наше время в Прибалтике повсеместно сносят памятники советским воинам-освободителям, уничтожают мемориалы, где они захоронены. В августе 2022 года был разрушен мемориальный комплекс в Екабпилсе. Заметьте: в августе 1944 года город освобождали советские воины, а в августе 2022 года там взялись уничтожить мемориал... Это — не просто совпадение, это — глумление над памятью наших солдат.

Из школьного музея села Большая Ничка я уходила с противоречивыми чувствами. Это замечательно, что такой музей был создан в школе, а главное — сохранён. Хотелось сказать слова сердечной благодарности всем, кто многое сделал, чтобы сохранить память о боевой славе воинов полков, формировавшихся в Минусинске. Но было и горькое чувство сожаления о том, что мало кто знает и о самом музее, и о тех реликвиях, которые сумели собрать и сберечь здесь.

Может быть, нужно показать в Минусинском краеведческой музее на передвижной выставке экспонаты этого школьного музея? Пусть узнают минусинцы о своих земляках. Пусть узнают, как они сражались.

Может, представители нынешней городской власти, знакомясь с экспонатами этого школьного музея, устыдятся отрицания самого факта формирования полков в Минусинске и, наконец, предпримут реальные действия для восстановления исторической памяти?

Сегодня Минусинск готовится отметить 200-летие. Город хорошеет, становится красивей. Но в планах подготовки к юбилею нет ни единой строчки об увековечивании памяти бойцов наших, минусинских полков. Очень важно, чтобы минусинцы, наконец, узнали, какие дорогие страницы истории города они забыли. Для юного поколения это будет настоящее открытие. А ещё — веская причина проводить не отвлечённые Уроки памяти, а конкретные — посвящённые нашим землякам, воевавшим в составе 378-й и 91-й дивизий.

И у старшего поколения память должна выражаться в конкретных делах. Почему бы в нашем музее не создать зал Воинской Славы, посвящённый нашим землякам, сражавшимся в составе минусинских полков? А почему бы в военкомате не разместить хотя бы скромный стенд, знакомящий призывников с боевой славой минусинских полков?

Нам есть кем гордиться! Наши земляки достойны памятника.

*Автор благодарит сотрудников Минусинского
и Ачинского краеведческих музеев, заместителя
директора школы села Большая Ничка Т. А. Иваненко
за содействие в сборе материала для статьи.*

Юлия Старцева

Моя Марина

Само собой разумеется, стихи её наизусть знала ещё в отрочестве. Потом в университете разъяснили, что на все четыре стороны благословляла Марина Ивановна отнюдь не мужчину (впрочем, её стриженная головка и раньше мнилась мне точь-в-точь схожей с «Поэтессой», фиалкокудрой, покусывающей стило, с той, кто по преданию — Сапфо), а с цветаевской прозой познакомилась на третьем курсе филфака. «Повесть о Сонечке» меня ошеломила. «Она пишет так, как я пишу — в своих дневниках!» Не знала, что с такой великолепной, беззащитной исповедальностью, без маски и позы, можно писать прозу — о любви, о многих любовях, слитых воедино. Такая молодая, но премудрая — и безумная... Не очень счастливы те юные девы, которые смотрятся в Марину как в зеркало — или в морскую гладь: утопит!

...Марина Ивановна в житейском отношении была дура набитая, а детская простота в трагические дни оборачивается преступлением.

Помню разговоры университетские, мимолётный спор с однокурсницей, пока красноярский автобус с натугой полз в гору, к Академгородку:

«Цветаева — преступная мать, сдала дочерей в детдом, Ирину уморили там голодом! Гумилёв — преступный отец, тоже сдал дочку в детдом! Ахматова — дурная мать...»

«Но им и не следовало заниматься чадородием, а гениальность не подразумевает моральной порядочности».

«Для меня невозможен талант вне морали! Талант — прежде всего хороший человек!» — кипела собеседница.

Я тихонько усмехнулась. Ах вы, синюшные птицы счастья из кулинарии по рушь двадцать, жироватые несушки с затянутыми синеватой плёнкой глазами, — сварят из вас семейный бульон, выхлебают и спасибо не скажут. Жар-птице в небесах — Марине ли, Анне — праведного «ко-ко-ко» и не слышать.

Обещали детям в приюте шоколад от «АРА» и сливочное масло. Шоколад и сливочное масло тамошние серафимовичи сбывали на сторону, потому что у них была своя родня — кому нужны чужие сироты? Ей и самой ЛИТО Наркомпроса в пайке отказал в двадцать втором году, в сорок первом — не дождалась чёрной работы судомойки в литфондовской столовой.

А теперь в провинциальных вузах нашлись праведники в белых одеждах, пеняют гению за аморальный облик: «Цветаева сама записывала свои „покражи в комиссариате“; упоминала, что крала хлеб для голодных детей у друзей, пригласивших её к столу». Надо же так свою ошеломляющую дурость выказать судиям.

«Сны об Ирине:

Держу её на руках, верней — она меня обхватила (руками за шею, ногами за пояс).

„Ну, поцелуй меня!“

Лицо — её, прекрасные глаза её тёмные, золотые волосы, — но весёлая! здоровая!

Целует. Взгляд немножко лукавый, как когда на: „Скажи: мама!“ — застывала с открытым ртом: „Ма-а-а-а..“

И вдруг подаёт мне — прямо к губам — какую-то движущуюся тесёмочку:

„Целуй!“ — „Брось, Ирина, это гадость!“ — „Это ящерица!“ — „Какие же ящерицы — зимой?“

(Теперь соображаю.)

Сообразила — в Елабуге проклятой.

Первый раз МЦ из петли вынули в семнадцать лет. Воля к небытию — девиз всей жизни. Ещё урок мне: не терять веры в Бога, не предаваться отчаянию. «Как каторгу избываю жизнь».

Совпадаем с ней в одном: в монархизме. Впрочем, она-то убеждениями розовела, краснела, желтела — прямо как осенний лист. А данные были изначально хорошие, да дураку досталась в жёны.

Занятое из записных книжек, рисующее её непримиримый характер «против течения»:

«Марина, вы „еврей“ переправляете на „жид“, как другие „жид“ на „еврей“».

Шестилетняя Аля.

«Возвращаемся с Алей с каких-то продовольственных мытарств унылыми, унылыми, унылыми проездами пустынных бульваров. Витрина — жалкое окошко часовщика. Среди грошовых мелочей огромный серебряный перстень с гербом.

Потом какая-то площадь. Стоим, ждём трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный выкрик:

— *Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!*

Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза — куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают.

Тогда я, Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает):

—Аля, убили Русского Царя, Николая Второго. Помолись за упокой его души!

И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест. (Сопутствующая мысль: „Жаль, что не мальчик. Сняла бы шляпу“.)»

Русский гений, явленный в женщине (Цветаева и Ахматова), как действующее лицо античной трагедии.

«Вагон, везущий Ленина, — не тот же ли троянский конь?» (Дневники МЦ)

...Вот уж кто, на мой взгляд, любовной взаимности совершенно не искал в своём ирреальном мироощущении, так это Марина Ивановна. Ей важно было самой очароваться, насочинять, вознести предмет своей страсти на ледяные вершины совершенства — и разочароваться. «В кошачьем сердце рабства нет!»

Кто же виноват, что мужчины «глупее бабы» и не в силах даже понять, кто перед ними? Оттого МЦ и писала о Пушкине и Гончаровой, что видела в «нашем всём» — себя, а в возлюбленных — «роковое пустое место».

Ариадна Эфрон вспоминала о материнских увлечениях:

«Не женское это было свойство у неё! — ведь наряжала она других, а не себя, и, по-мужски, просто была, а не слыла, выглядела, казалась».

«Господи, какими же ничтожествами мама обольщалась!»

Но её ранило — и убивало — всё: человеческая пошлость, быт, глупость...

«А со скучными поэтами — то же, что и со скучными людьми: надоедает не однообразие, а тождественность ничтожного, хотя бы и весьма разнообразного. Как убийственно одинаковы, при всей разноголосости, газеты на столе, как убийственно одинаковы, при всём разнообразии, парижанки на улицах! Слово всё это: рекламы, газеты и парижанки, — не разное, а одно. На всех перекрёстках, во всех лавках, трамваях, на всех аукционах и во всех концертных залах — им несть числа, но сколько бы их ни было, а все — одно! И это одно — все!

Надоедает, когда вместо человеческого лица видишь нечто худшее маски: слепок массового производства безликости, ассигнации без никакого золотого обеспечения!»

Сейчас ещё хуже (МЦ до Второй мировой эти слова написала), ещё гомогеннее: слипшийся комок неразличимой человеческой глины, утратившей образ Божий.

Набоковское определение духа времени: «Poshlost’». Любящие ещё тошнотворнее осуждающих. Какова же бесовская насмешка над цветаевским трагическим благородством: от жеманных всхлипов сетевых графоманок («Ох, Серёжа Эфрон! Такой волшебный юноша с сердоликовой бусиной! Ах, любовь на берегу Чёрного моря!») до бойкой торговли брелочками в Тарусе, где за портрет Марины туристам выдают кадр из слезоточивого фильма-байопика (вместо

трагической маски гения — смазливая актриса, куколка в нахлобученном пышном парике).

...Главный отрицательный урок — не заводить детей, чтобы потом их не уморить. (Могла обеих дочерей-младенцев убить — и написать детской кровью трагедию «Медея». Она и в юности всё прекрасно понимала, сама же писала: «Любая прачка может выйти замуж и родить».) Не использовать живых людей как объекты фантазий и гордыни. И от эфронов, бурно взволнованных политикой, подальше держаться. В её случае, впрочем, всё было без пользы: психиатрия с отрочества, сильнейшее мортидо. Вместе со всей Россией гениальная женщина попала в катаклизм. Марина Ивановна многожды порывалась развестись, я сама видела в РНБ её рукой заполненный аусвайс, где написано: «В разводе». Осуждать её нет смысла, она сама себя осудила, приговорила и выполнила приговор.

Ещё из воспоминаний о МЦ: *«Очень близорука была. И она считала, что близорукость — это большое счастье, потому что близорукий человек видит лица людей гораздо более красивыми, чем они на самом деле».*

*«Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам».*

...Жизнь Марины Ивановны оцениваю с юности как отрицательный урок, особенно подловив жизненные события на сходстве, с присловьем себе «а вот ты поступай иначе». Оммаж памяти Цветаевой — мой рассказ о её кольце, от которого я отказалась. Идея очень проста: женский выбор — либо поэзия, либо проза (семья). Совмещать не получится, тень убиенного младенца преступную мать умучает.

Был в моей жизни тягостный период летом 2007-го, ехала на Васильевский остров и отчего-то вспоминала, как Цветаева в эмиграции выклянчивала у знакомой серебряное кольцо с нефритовой лягушкой. Писала ей страстные льстивые письма: *«Я променяю его Вам на ожерелье из ляпис-лазури, к моему неидеальному овалу лица оно не идёт, и глаза у меня зелёные, как Ваша лягушка!»* — etc. И выцыганила всё-таки у владелицы...

Вот и я забралась за церковь Михаила Архангела в какой-то антикварный закуток, подозрительный и странный, и первое, что увидела в витрине, — *цветаевское* серебряное кольцо с нефритовой лягушкой. Мрачные азиаты точили старинное холодное оружие, хозяйка — древняя еврейка — называла смешную цену за бриллианты: там промышляли скупкой... Ушла оттуда поскорее, в мистическом страхе.

«Кольцо, попавшее на нужную руку...» Нет, не возьму ничего от тебя. Ничего твоего, ничего твоего. Кроме завета архаистки — сестре:

— Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
— А мы для иных
Сновидим времён.
— Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
— А мы для иных
Дозóрим эпох.
— В пять лет — целый свет —
Вот сон наш каков!
— Ваш — на́ пять лишь лет.
Мой — на́ пять веков.
— Иди, куда дни!
— Дни *мимо* идут...
— Иди, куда *мы*.
— Слепые ведут.

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

Авторы

АРУТЮНЯН ГАМЛЕТ АРМЕНАКОВИЧ (1952–2016)

Родился в деревне Каргино Красноярского края, где отбывали ссылку родители. В 1975 году окончил Красноярский мединститут. Работал хирургом-онкологом. Доктор медицинских наук. Издал семь сборников стихов: «Светает» (1990), «Плѣс» (1994), «Друг Горацио» (1999), «Комариный клавесин» (2003), «Магушка» (2006), «Встревоженное небо» (2009), «Не остуди душу, хиус» (2016). Печатался в журналах «Енисей», «День и ночь».

ВАЛЕЕВ МАРАТ ХАСАНОВИЧ

Много лет проработал в провинциальной печати, в том числе 22 года — на Крайнем Севере, в Эвенкии. На пенсию ушёл с должности главного редактора газеты «Эвенкийская жизнь» в 2011 году. Автор и соавтор более двух десятков сборников прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Новокузнецке, Южно-Сахалинске, Екатеринбургe, Санкт-Петербурге, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси», Общества любителей русского слова, «Рождественская звезда», имени Виталия Бианки, газет «Советская Россия», «Комсомольская правда». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

ВОЙНОВ КОНСТАНТИН СЕМЁНОВИЧ

Родился 19 апреля 1960 года в деревне Усолка Дзержинского района Красноярского края. Окончил художественное училище имени В. И. Сурикова, в 1989-м — факультет живописи Красноярского художественного института, мастерскую народного художника России А. М. Знака. Заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств. Награждён дипломами Союза художников России, Российской академии художеств, медалью Национального общества изящных искусств Франции.

ГОНТОВСКИЙ АРКАДИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Родился в 1959 году в городе Прокопьевске Кемеровской области. Учился в Сибирском металлургическом институте. Работал в шахте. Публикации в журналах «Невский альманах», «Бег» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Парус» (Москва),

«Каштановый дом» (Украина). Сборник стихов «Неутолённые огни» издан на средства читателей в Тверской области. Проживает в Прокопьевске.

ГРИГОРЬЕВА СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1941 году в Яранске. Окончила Иркутский горно-металлургический институт. 20 лет работала геологом в экспедициях. В 1997 году вышел поэтический сборник «Ярань». Печаталась в журналах «Енисей», «Сибирские огни», «День и ночь». Выступала на Центральном телевидении.

ГУЛЯЕВА ОЛЬГА

Родилась в 1972 году в городе Енисейске. Поэт, прозаик, член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Директор Красноярского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Литературное сообщество писателей России». Стихи и проза публиковались в нескольких коллективных литературных сборниках, в журналах «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Формаслов» (Москва), «Российский колокол» (Москва), «Тропы» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), «После 12» (Кемерово), «Плавучий мост» (Фульда, Германия), «День и ночь», «Енисей», «Образ» (Кемерово), «Складчина» (Омск), «Витражи» (Мельбурн, Австралия), «Между» (Новосибирск), «Иркутское время» (Иркутск), «Паровоз» (Москва). Автор книг «Савелий Свинкин, коты и люди», «Не Париж», «Я, красивая птица. Паспорт животворящий», «Баба песня», «Лето Господне», «Девочки», «Картина мира», «Курлы-мурлы», «Ледостав». Живёт и работает в Красноярске.

ЁЛТЫШЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1950 году в Красноярске. По окончании филологического факультета педагогического института учительствовал в сельской и городской школах. С 1975 года — журналист: корреспондент, ответственный секретарь, редактор в красноярских СМИ. Стихи публиковались в краевых и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках. Выпустил две поэтических книжки. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Красноярского края.

КАЛЕМЕНЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

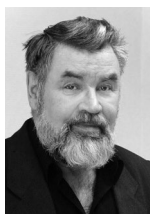
Родилась в 1952 году в городе Чирчик Узбекской ССР. Окончила Казанский государственный университет в 1977 году (филфак, отделение журналистики). Работала в многотиражке «За регулярный рейс» (Казань), газете «Ангренская правда» (Узбекистан), в течение 10 лет была редактором многотиражной газеты «Строитель» треста «Узбекшахтострой». Публиковалась в «Правде Востока», «Строительной газете», «Российской газете». С 1993 года проживает в Минусинске. Работала в газетах «Надежда», «Хакасия».

Постоянно принимает участие в Мартъяновских и Суриковских чтениях.

КАРАПЕТЬЯН РУСТАМ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился в 1972 году в Красноярске. Работает программистом. Лауреат премий имени В. П. Астафьева, А. И. Куприна. Публикации в журналах «День и ночь», «Енисей», «Паровоз», «Музилка», «Простоквашино», «Костёр», в различных российских и международных антологиях и сборниках. Автор двух книг лирики и семи книг для детей. Член Союза российских писателей.

КУЗНЕЧИХИН СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в сорок шестом. Вырос в центре России: Костромская, Ярославская и Тверская области, — но любимые места и любимые реки — на востоке. После окончания Калининского политехнического института взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около 20 лет отработал в пуско-наладочном управлении — постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Радуга», «Киевская Русь», «Наш современник», «Дети Ра», «Арион», «Юность», «Подъём», «Урал», «Зарубежные задворки», в альманахах «День поэзии», «Паровоз» и др. Был составителем в книжной серии «Поэты свинцового века», подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябеченкова, А. Кутилова.

МЕЛЬ СВЕТЛАНА ЛЕОНГАРДОВНА

Родилась 25 апреля 1960 года в Красноярске-26. Окончила механико-математический факультет Пермского государственного университета. Работала в НИИУМС (Пермь), с 1988 по 2016 год — в отделе информационных технологий строительной организации Железногорска. Стихи пишет с детства. Чуть позже начала писать песни на свои и чужие стихи. Участвовала в бардовских фестивалях в Перми, Красноярске, Ижевске, Ульяновске, Томске и других городах. Публиковаться начала с 1999 года в городской прессе, затем в различных альманахах. Первый сборник стихов «Блики и тени» вышел в красноярском издательстве «Кларетианум» в конце 2000 года, «Тот нечаянный глоток» — в 2008-м. В 2010 году вышла книга на двух авторов «Два крылатых коня» в Железногорске, в 2014 году — «Наслоения». Подборки стихов печатались в журнале «Европейская словесность» (Кёльн). Член Союза российских писателей с 2011 года.

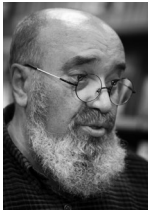
НАЙДЁНОВ НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ (1925–2001)

Родился 27 апреля 1925 года в деревне Ивановка Ермаковского района Красноярского края. Участник войны с Японией. Умер 13 апреля 2001 года.

Немежикова Ольга Владимировна

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

Попов Евгений Анатольевич

Родился 5 января 1946 года в Красноярске. После окончания Московского геологоразведочного института имени С. Орджоникидзе (1968), работая геологом на северо-восточных «просторах нашей Родины чудесной», создал множество рассказов, где в качестве скромных героев эпохи выступали сибирские бичи, пьяницы, проститутки, чиновники, интеллектуалы, графоманы и коммунисты. Первая серьёзная публикация в журнале «Новый мир» (1976) с предисловием Василия Шукшина принесла ему всесоюзную славу. Принятый в Союз писателей в 1978 году, Попов через семь месяцев и тринадцать дней был из Союза исключён за создание (вместе с Василием Аксёновым, Андреем Битовым, Виктором Ерофеевым и Фазилем Искандером) легендарного неподцензурного альманаха «Метрополь», вышедшего на Западе и ставшего причиной последнего крупного литературного скандала «брежневской эпохи». В 1980 году преследовался КГБ как один из авторов и редакторов альманаха современной литературы «Каталог», опубликованного в США. В 1988 году восстановлен в Союзе писателей. В мае 1980 года вошёл в «Клуб беллетристов».

Пучков Андрей Викторович

Родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. В 1980 году окончил Абанскую среднюю школу №4. После службы в Советской армии в 1985 году поступил на должность милиционера ППС. В отставку вышел в 2006-м в звании капитана уголовного розыска. Живёт в Сосновоборске. Рассказы неоднократно печатались в журналах Союза писателей, в том числе в журнале «Страна Озарение», вошли в сборник «Мелодия жизни» издательства «Серебро слов», на конкурсной основе вошли в сборники «ARONAXX I», «Видимый свет», «Происхождение мрака», «Алиса», «Литературный фестиваль», «Книжным детям», «Мемориал духа» издательства «Перископ-Волга» и в сборник «Песня» литературного агентства «Новые писатели».

Русаков Эдуард Иванович

Писатель, журналист. Родился в 1942 году в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт имени А. М. Горького (1979). Работал

врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия», «Вечерний Красноярск» (1991–1998). Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, Сибирский филиал), экспертного совета благотворительного общественного Фонда имени В. П. Астафьева.

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в Норильске в 1953 году. Семья деда репрессирована в 1930 году, жила в Казачинске, Тасеево, Стрелке, Галанино. Родители — ветераны Норильского ГМК. После норильской школы окончил МГУ имени М. В. Ломоносова (географический факультет), работал в университете, почти во всех крупных горных системах СССР от Средней Азии до Чукотки, в морской геологии на Арктическом побережье и шельфе от Лены до Колымы и Чаунской губы, на островах Медвежьих и Новая Сибирь. Был грузчиком, костоловом, водителем, связистом, строителем, плотничал. Жил и работал в Игарке. Несколько лет назад вернулся в Норильск, где живёт и по сей день, работает в «Норильскгеологии». Прозу и стихи начал писать в 1980-х, публиковаться — в 2000-х в чукотских и норильских газетах и литературных альманахах, в красноярском журнале «День и ночь».

СТАРЦЕВА ЮЛИЯ

Родилась в 1969 году в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах. Участник Первого всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа-2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни-95» (Красноярск — Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 году роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошёл в длинный список). Живёт в Петербурге. Автор трёх книг: «Избранная проза» (СПб, 2013), «Двуликий сирий» (СПб, 2017), «Время нереально» (Красноярск, 2019). Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый Берег», «Енисей»,

«Соло» и многих других изданиях. Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык.

ТИМЧЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1950 году в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в журнале «День и ночь» (Красноярск), альманахах «Истоки» (Москва, изд. «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

ЯРОШ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института. Проживает в Красноярске. Публиковался в альманахе «Енисей», в журналах «День и ночь», «Нева», а также в газетах «Вечерний Красноярск», «Полярная звезда» (Чукотка). Финалист национальной литературной премии «Писатель года» за 2019 год.